

М. Н. ФИЛАТОВ

НАЦИСТСКИЕ
МИФЫ
ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ

М.Н. ФИЛАТОВ

НАЦИСТСКИЕ МИФЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

**КРИТИКА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
СПЕКУЛЯЦИЙ НАЦИЗМА И НЕОНАЦИЗМА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
АЛМА-АТА — 1979**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты: научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений при секции общественных наук президиума АН СССР под председательством академика **М. Б. Митина** и доктор философских наук, профессор **М. Ф. Овсянников**.

Филатов М. Н.

Ф 51 **Нацистские мифы вчера и сегодня: Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма / М. Н. Филатов.**— Алма-Ата: «Казахстан», 1979.—

216 с.

Предлагаемая книга посвящена разоблачению политических и литературно-эстетических спекуляций нацизма и неонацизма. На обширном фактическом материале, главным образом драматургии и кинематографии, раскрывается антигуманистическая политика «третьего рейха», в области искусства, которая привела к уничтожению искусства в подлинном смысле слова. Значительный удельный вес занимает критика неонацизма как модификации идеологии, политики и эстетики фашизма. В книге используется большое количество малоизвестных советскому читателю иностранных источников, в основном немецких.

Издание рассчитано на работников высшей школы, научных сотрудников, занимающихся вопросами идеологии, пропагандистов, студентов и на широкий круг читателей.

Ф 10506—236
401(07)—79 57—79

327.215+379.7+792

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1979

**МЫ ПРИЗЫВАЕМ ПРЕОДОЛЕТЬ КРОВАВОЕ
ПРОШЛОЕ ЕВРОПЫ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ
ЕГО, А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОНО НИКОГДА НЕ
ПОВТОРИЛОСЬ.**

Л. И. БРЕЖНЕВ.

ВВЕДЕНИЕ

На пропагандистском рынке капиталистических стран наблюдается весьма своеобразный бум. Наряду со многими ультраправыми «звездами» главным «героем» так называемого массового искусства стал Адольф Гитлер.

Западногерманский журнал «Шпигель» в статье «Гитлер 73» сообщал, что тема фюрера переживает «ренессанс» в литературе, кино, на телевидении (1). Эта гальванизация трупа Гитлера идет не только в ФРГ, но и в ряде других крупнейших капиталистических государств. Различные нацистские бонзы и генералы издают «мемуарную» литературу. Отъявленный нацистский головорез О. Скорцени выпустил не столь давно в Испании две книги: «Мы сражались, мы проиграли» и «Живи опасно», переизданные затем в Израиле как тактическое пособие для борьбы с арабами. Во Франции в 1975 году вышла книга его мемуаров, а телевидение организовало выступление автора. Бывший патрон Скорцени Р. Гелен опубликовал в мюнхенском еженедельнике «Квик» отрывки из книги «Приметы времени», в которой выступает против разрядки международной напряженности, клеветает на страны социализма. Гитлеровский «герой войны» Х. Рудель систематически печатает статьи, брошюры и книги, воспевающие бредовые фашистские идеи. Главная направленность этих произведений, несмотря на различные оттенки и акценты,— стремление обелить Гитлера и фашизм в целом.

Эти факты связаны с общей политической и идеологиче-

ской обстановкой в Западной Европе. Отличительная черта современного революционного процесса — глубокое изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма. Великий Октябрь, открывший новую эру в развитии человечества, вызвал к жизни такие социальные процессы, которые не в силах остановить никакая реакция. В докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» на торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев говорил: «Мы идем навстречу эпохе, когда социализм в той или иной его конкретной, исторически обусловленной форме станет преобладающей общественной системой на земле, неся с собой мир, свободу, равенство и благосостояние всему трудовому человечеству» (2).

Социально-экономические, политические, оборонно-хозяйственные и культурные достижения стран социалистического содружества имеют не только решающее внутреннее, но и международное значение. Именно эти достижения стран социализма, и прежде всего Советского Союза, являются главной преградой на пути империалистической реакции. Последовательно проводя политику борьбы с агрессией, колониализмом и узурпацией прав человека, социалистические государства делают все возможное для оздоровления международной обстановки. Недаром в новой Конституции в статье 28 особо подчеркивается, что наша страна «...неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество».

Исторические успехи стран социалистического содружества, разрядка международной политической напряженности в ходе реализации Программы мира, принятой XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза и вновь подтвержденной XXV съездом, углубление общего кризиса капитализма, поворот от настроений «холодной войны» в умах большинства населения нашей планеты в сторону мирного сотрудничества, реалистическое отношение ряда ведущих буржуазных политиков и государственных деятелей к явлениям и событиям сегодняшнего дня, одним из проявлений которого являются документы общеевропейского совещания в Хельсинки, — все это предопределяет не только успехи борьбы за разрядку напряженности, но и резкое обострение идеологической борьбы между капита-

лизмом и социализмом, между силами реакции и прогресса. «Положительные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной», — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде нашей партии (3).

Одним из крайних проявлений антисоциалистической пропаганды сегодня выступает испытанная ранее фашистская демагогия. Империалистическая идеология стремится, с одной стороны, скрывая социальную природу общего кризиса капитализма, возложить ответственность за все современные экономические и политические тяготы жизни простого человека западного мира на прогресс, разрядку, демократию и социализм, а с другой, фальсифицируя реальный социализм и запугивая мещанство «красной опасностью», — дискредитировать широко распространенную ныне тенденцию к миру и создать идейно-психологический климат как для пропаганды фашистской идеологии, так и для конкретных действий по ликвидации остатков буржуазной демократии и узурпации прав личности.

Подобная дезориентация имеет определенный успех, поскольку политически неграмотная часть трудового населения капиталистических стран не в состоянии дать социальный анализ таким порокам буржуазного общества как голод, нищета, болезни и неграмотность, бесправие и страх перед завтрашним днем, обездоленная старость. Многие миллионы трудовых людей западного мира обречены на безработицу, лишены естественного права — права на труд.

Опасность заключается не только в идеологической обработке мелкобуржуазных слоев в духе фашизма и реакции. Большую политическую опасность представляет активизация правых сил в различных странах капитала. Империалистическая реакция, силы милитаризма стремятся сорвать разрядку международной напряженности, безрассудно форсируя гонку вооружений, создавая «новые разновидности и типы оружия массового уничтожения». Нарращивание новых, приобретающих «все более опасные формы» вооружений, подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества», это «уравнение с несколькими неизвестными, причем не только в плане военно-технических или стратегических последствий, но и политических» (4).

В последние годы, говорится в обращении ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Советского правительства «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира» в связи с 60-летием Великого Октября, общими усилиями всех, кому дорог мир, удалось добиться поворота в международных отношениях от конфронтации к разрядке, взаимопониманию и равноправному сотрудничеству. «Но для благодущия оснований нет». Силами реакции и милитаризма на пути разрядки воздвигаются серьезные препятствия, создающие «реальную угрозу для всего человечества» (5).

Подобная политика, безусловно, способствует активизации сил международного фашизма. Империализм в свою очередь использует современные фашистские организации, объединения, союзы, различные фашиствующие элементы и всю фашистскую идеологию для борьбы с национально-освободительным, демократическим и социалистическим движением. Все это вновь подтверждает марксистский анализ социальной сущности фашизма. Он был и остается порождением и орудием империализма. Поскольку же природа империализма, как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «остается прежней», то сохраняется и опасность фашизма (6). Крайний фланг империалистической реакции нуждается в неофашистских силах и делает все для их стабилизации. На Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве Л. И. Брежнев говорил: «...милитаристский робот лелеет, как любимое детище, самые реакционные, тиранические, фашистские режимы и пожирает демократические свободы» (7).

Истоки практической и теоретической разработки фашистской идеологии тянутся к германскому фашизму. Это определяется давними традициями национализма, расизма и реваншизма, которые постоянно поддерживали и прокламировали экспансионистские круги германского империализма.

Общее смягчение международной напряженности, необходимость учета объективных процессов внесли элементы реализма в политику правительства социал-демократов и свободных демократов ФРГ, которое заменило в 1969 году правительственную группировку партий крупного монополистического капитала. Поддержка большинством населения ФРГ восточной политики социал-демократов привела к поражению правых и неофашистских сил на досрочных выборах в бундестаг в ноябре 1972 года. Эти настроения

определили исход голосования и в 1976 году. На прошлых выборах НДП получила лишь 0,6% голосов избирателей. Хотя в абсолютной сумме это все-таки составило 207 тыс. человек, но сравнение с 1969 годом, когда неонацисты собрали 1,4 млн. голосов (4,3%), показывает глубокое поражение НДП на выборах. Кризис в партии усилился, число ее членов резко сократилось. Фон Тадден ушел с политической арены несколько раньше, уступив «фюрерство» М. Мусгнугу. Парламентские выборы 1976 года дали неонацистской партии лишь 122 тыс. 661 голос, что составляет 0,3% избирателей, принимавших участие в выборах (8)¹.

Неонацизму в ФРГ нанесен серьезный удар, и в этом, в частности, немалая заслуга прогрессивных демократических сил страны — коммунистов, левых социал-демократов, профсоюзных организаций, активно выступающих против неонацистской опасности.

Не следует, конечно, делать вывод, что опасность со стороны правых в ФРГ исчезла. Проблему «правого радикализма» нельзя сводить лишь к деятельности группировок открыто неонацистского типа. Западногерманский неонацизм, выступая, как и всякий другой фашизм, орудием наиболее оголтелой империалистической реакции, взаимосвязан со всеми другими реакционными силами своей страны и вне ее.

Приспосабливаясь к современным условиям, правый, реакционный лагерь в ФРГ выступает на политической арене рассредоточенно. Его главные силы укрыты в недрах партии ХДС/ХСС, в то время как неонацистские организации как бы представляют «отряд особого назначения», то выдвигаемый вперед в целях «разведки боем», то перемещаемый на запасные позиции. Эта система «сообщающихся сосудов», объединяющая неонацистских экстремистов с правыми группами в традиционных партиях, постоянно проявляется при различных выборах в ФРГ. Так, при выборах в бундестаг 1972 года около 4% избирателей, сторонников НДП, отдали свои голоса ХДС/ХСС (9). По-видимому, то же повторилось и на последних выборах. Эта связь лишь показывает, что фашизм всегда выступал и выступает сейчас орудием монополистического капитала.

Реакционные силы ФРГ не только не сложили оружия, но, напротив, активизировали свою деятельность. Это осо-

---

¹ Здесь и далее перевод с немецкого (английского) сделан автором.

бенно заметно в последние годы. Выросло число легально существующих неонацистских организаций. В 1976 году их стало 148. Издания крайне правого направления достигли самой высокой цифры за послевоенные годы — 121 название. За 1975 год число официально зарегистрированных право-экстремистских выступлений увеличилось в 1,5 раза. Лето 1976 года ознаменовалось целой серией митингов и слетов неофашистских сил на территории Западной Германии. Достаточно назвать Гамбург, в котором были проведены международный слет эсесовцев и так называемый «конгресс национальных сил Европы». Активизация крайне правых в ФРГ происходит столь явно, что даже ведомство по охране конституции вынуждено отметить «ощутимый рост неонацистских течений» (10).

Неофашистские выступления вызывают возмущение широких демократических кругов населения ФРГ. Но настораживает тот факт, что в ряде случаев полиция попустительствует подобным акциям.

Происходит активизация неонацистов в бундесвере. Об этом красноречиво говорит нашумевшая в октябре — ноябре 1976 года история с бывшим гитлеровским «асом», 60-летним полковником Х. Руделем, которому под покровительством влиятельных лидеров блока ХДС/ХСС была предоставлена возможность не только издавать нацистские «воспоминания» о второй мировой войне, но и восхвалять гитлеровские традиции в сегодняшнем бундесвере. О «герое войны», «кавалере рыцарского креста» и его влиянии на армию с упоением пишет реваншистская пресса (11). Участились также случаи проявления западногерманскими генералами политических симпатий к режимам Пиночета, Форстера и другим (12).

Тревожным фактором политической жизни ФРГ последних лет является усиление смычки правого крыла оппозиционного блока ХДС/ХСС с неофашистской партией. Особенно активизировалась эта деятельность накануне выборов в бундестаг ФРГ в 1976 году.

Новым моментом взаимоотношений экстремистских кругов правобуржуазных партий и неофашистов ФРГ является их смычка не только в практических акциях, но и в политической идеологии. В определенной мере это связано с тем, что современные фашисты, учитывая непопулярность откровенно фашистских идей, выражают свои взгляды в туманных и расплывчатых формулировках. Этот маневр

позволяет служить тому же идолу, сохраняя престижность. На съезде НДП в октябре 1973 года была принята «новая» программа западногерманского фашизма. Она отличается от программы 1967 года и Вертгеймского манифеста 1970 года лишь большей обтекаемостью. Суть же ее остается прежняя — милитаристско-реваншистская. Политика разрядки напряженности в ней определяется как «предательство», а главным врагом ФРГ объявляется так называемая «красная опасность».

Эти фальсификации совпадают как с духом старых лозунгов нацистов времен Веймарской республики, так и с современными призывами ХСС. Почти в каждом номере «Байернкурир» — официального органа лидера баварского ХСС Штрауса — можно найти те же оценки и заявления, что и в программе НДП. Это призывы к борьбе с «красной опасностью», с «предательством» социал-демократов, «вероломством Советов» и т. д. Такое политико-идеологическое сближение позволяет И. Штраусу угрожать менее одиозным противникам правительственного курса из ХДС расколом блока ХДС/ХСС и созданием новой партии ХСС за счет объединения всех реакционных элементов и групп страны от правых консерваторов до неофашистов. Ценою ряда уступок ХДС удалось предотвратить намечавшийся после очередного провала на выборах в бундестаг (1976 г.) раскол правоопозиционного блока. Проходивший в начале 1977 года съезд партии вновь подтвердил нереалистический реакционный курс на реваншизм, срыв разрядки напряженности и оголтелый антикоммунизм.

Внутренние планы крайней реакции ФРГ, чем бы ни определялись их конкретные модификации сегодня, преследуют одну цель: расширить число сторонников партий ХДС и ХСС и путем парламентских комбинаций «вытеснить из правительства социал-демократов» (13).

Подобные опасения не беспочвенны. Проведенные 3 октября 1976 года выборы в бундестаг дали лишь незначительное преимущество партиям правительственной коалиции по сравнению с оппозицией ХДС/ХСС — около 700 тыс. голосов, что составило 1,9%. Особенно настораживает тот факт, что в сравнении с 1972 годом число избирателей ХДС/ХСС увеличилось на 1,5 млн., а СДПГ/СвДП — уменьшилось на 1,2 млн. (14) Главными причинами этого сдвига являются не конъюнктурные моменты, а серьезные экономические трудности, на которых умело спекулирует оппози-

ционная коалиция, и непоследовательность правительственного курса во внешней политике (15).

Учитывая потенциальный резерв из числа голосовавших за НДП и другие реакционные партии, ХДС/ХСС стремится расширить сферу своего влияния на крайне правые элементы и в то же время перетянуть к себе неустойчивых сторонников правительственной коалиции. В целом это может привести к определенному увеличению числа голосов оппозиции при новых выборах и поставить под угрозу перевес правительственной коалиции в 10 депутатских мест.

Активизация реакционных сил ФРГ в целом оказывает серьезное влияние на формирование молодого поколения. Крупный историк ГДР Л. Элм в книге «Высшая школа и неофашизм» (1972 г.), посвященной разоблачению неофашистских тенденций в высшей школе ФРГ, пишет, что агрессивная антидемократическая идеология и политика господствующих классов ФРГ, направляемая монополистическим капиталом, является, несмотря на элементы реализма во внешней политике сегодняшнего правительства, главной основой для активизации консервативно и националистически настроенных ученых, студентов и интеллигентов внутри и за пределами высшей школы. Большинство ректоров и деканов факультетов «не могут решительно и с полной ответственностью выступить против неонацистских главарей и профашистских группировок среди студентов и молодых ученых» (16). Значительно увеличилось членство различных реакционных студенческих корпораций. В 1974/75 учебном году в них насчитывалось более 40 тыс. человек (17).

За последние годы наблюдается стремление к международной координации деятельности неонацизма. В 1969 году в английском городе Котсуолле было создано всемирное объединение национал-социалистов. На учредительном съезде присутствовали нацисты из США, Англии, ФРГ, Австрии, Франции, Ирландии и Бельгии. Сегодня эта организация объединяет партии и группы фашистов из многих стран мира. Ее штаб-квартира находится в США в штате Вирджиния (18). Наряду с этим «объединением» создан центр западноевропейского неофашизма, получивший в прессе наименование «Черный интернационал». Базой его деятельности избрана Бельгия (19). Часто проводятся различные международные сборы неофашистов, приуроченные к определенным датам или событиям (20).

Специфической чертой американских неонацистов является подчеркивание ими прямой связи своего движения с

Гитлером. Хотя численность американской «Национал-социалистской партии белых» небольшая, но к этой партии примыкает «Общество Джона Бэрча» и организации «минитменов». К тому же филиалом американской нацистской партии является фашистская организация «Национальный альянс молодежи», которая сейчас заметно расширяется. Правительственные органы США создали ряд льгот этому альянсу. Он освобожден от уплаты каких бы то ни было налогов. Штаб-квартира альянса, расположенная в пригороде Нью-Йорка, используется для продажи оружия, выпуска брошюр, пропагандирующих идеи расизма и человеконенавистничества. Американские неонацисты пытаются стать своеобразным центром международного неонацизма.

Опасностью государственного масштаба стал итальянский неофашизм. Крупнейшей организацией современных фашистов Италии является «Итальянское социальное движение — национальные правые силы» (ИСД). Она насчитывает более 400 тыс. членов, объединенных в 100 провинциальных федерациях, 4 тыс. секций. Официально к ИСД примыкают «Фронт молодежи», ФУАН (студенческие экстремистские организации); «Национальные добровольцы» — военизированная организация для «защиты» партии, насчитывающая почти тысячу человек; «Чизналь» — неофашистская профсоюзная организация, в которую входит почти миллион членов. Кроме того, с ИСД смыкается ряд экстремистских организаций, стоящих вне закона: «Новый порядок», «Национальный авангард», «Национальный фронт», «Отряды действия имени Муссолини» (САМ). Эти фашистские силы имеют разнообразное оружие — от автоматов до ракет класса «земля — земля». За последние годы на территории Италии были обнаружены склады оружия неофашистов.

Главная цель всех этих организаций — уничтожение республиканского строя в Италии и установление фашистского террора по всей стране. Вызывает тревогу, что ИСД, опираясь гласно и негласно на эти организации, на двух последних выборах в итальянский парламент собрала значительное число голосов. ИСД служит орудием реакционных монополистических кругов Италии и международного капитала. Против ИСД поднялась вся демократическая общественность Италии во главе с Итальянской коммунистической партией.

В некоторых странах капитала с помощью международного империализма за короткий срок произошла активизи-

зация реакции и был установлен военно-фашистский режим. Это, в первую очередь, такие страны Латинской Америки, как Чили, Боливия, Парагвай и Уругвай. Эти государства, как говорил на митинге кубино-советской дружбы 29 января 1974 года Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Фидель Кастро Рус, «управляются при помощи типичных нацистских методов, включая систематические изощренные пытки и убийства» (21).

История сегодняшней Чили — это кровоточащая рана, зовущая всех к борьбе с фашизмом. Массовые репрессии и террор правительства военной хунты против демократических слоев населения и представителей партий «Народного единства» — логическое завершение фашистских провокаций в этой стране. «...Заговор чилийской реакции, — говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — спланированный и оплаченный — как это теперь всем известно — иностранным империализмом, захватил революцию врасплох. Военно-фашистская диктатура залила страну кровью». «Трагедия Чили... — продолжал Л. И. Брежнев, — властно напомнила о том, что революция должна уметь себя защитить. Она учит бдительности против современного фашизма и происков иностранной реакции, зовет к усилению международной солидарности со всеми, кто встает на путь свободы и прогресса» (22).

Заповедниками фашистского произвола в современной Латинской Америке являются Гватемала, Никарагуа, Гаити, откуда постоянно делаются попытки перенесения методов политического терроризма на территории соседних государств.

Фашистские методы расправы с мирным населением в современных условиях активизации революционного процесса применяют различные империалистические государства.

Откровенно фашистские силы и действия получают морально-политическую поддержку поборников «холодной войны». С позиций реакции и экстремизма выступают за правила НАТО, которые годами твердят о «коммунистической угрозе» и готовят новую войну. Разрядка международной напряженности пришлась этим кругам не по душе.

Важной составной частью сегодняшней реакции является политическая идеология маоизма. Маоистский курс на превращение Китая в мировой политический центр антикоммунизма и антисоветизма привел к союзу китайских руководителей с самыми реакционными империалистиче-

скими кругами. Давая обобщенную характеристику маоизма, Л. И. Брежнев говорил на XXV съезде нашей партии, что эта идеология «прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире» и является «важным резервом империализма в его борьбе против социализма» (23).

Все это содействует силам фашизма и экстремизма. И то обстоятельство, что организационно оформленные силы фашистского движения в мире сейчас малочисленны, не может нас успокаивать. Прошлое говорит о том, что и малочисленное реакционное движение может при определенных условиях путем спекуляций и демагогии привлечь на свою сторону различные колеблющиеся слои и превратиться в серьезную угрозу для демократии и прогресса. Тем более, что некоторые лидеры капиталистических стран лишь вынужденно становятся на путь реализма, ожидая возможностей для возврата к старой реакционной политике.

Прогрессивные силы мира добились на современном этапе больших успехов в борьбе с милитаризмом, реакцией и фашизмом. Эту борьбу нужно всесторонне расширять и укреплять, ибо милитаризм, выражая интересы военно-промышленного монополистического капитала, вновь и вновь пытается ввергнуть человечество в пучину войны. Во вступительном слове при открытии конференции, посвященной 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов говорил: «Не подлежит сомнению, что в обстановке ослабления международной напряженности и упрочения отношений мирного сосуществования государств с различным социальным строем сокращаются возможности так называемого «экспорта контрреволюции». Но при этом сохранение бдительности перед лицом происков империализма и его агентуры остается, разумеется, важной задачей всех прогрессивных, демократических сил. Нельзя забывать, что силы реакции, «холодной войны» по-прежнему стремятся обострить международную обстановку, повернуть назад колесо истории» (24).

Поэтому борьба против крайних сил империалистической реакции, фашизма, как подчеркивалось в итоговом документе Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, «является существенной частью действий против империализма, за демократические свободы» (25).

Задачи борьбы с фашизмом и милитаризмом были всесторонне обсуждены в феврале 1973 года на конференции

в западногерманском городе Ханау. Вместе с антифашистами ФРГ в ней приняли участие представители антифашистских организаций и союзов ГДР, ЧССР, Франции, Бельгии и Италии. Как отмечал в своей речи на этой конференции от имени руководства Германской коммунистической партии Курт Бахман, важным историческим уроком для рабочего класса и всех демократов является необходимость с самого начала вести борьбу против всех, даже самых незначительных неонацистских явлений, ибо «фашизм не приходит в одну ночь». В коммюнике конференции ее участники вновь заявили, что в современных условиях нельзя ослаблять борьбу против любых проявлений реваншистской, расистской и неонацистской пропаганды, а, напротив, необходимо, чтобы все рабочее движение, демократические партии и организации объединили свои усилия в борьбе против фашистской угрозы (26).

Теоретический анализ современного фашизма и реальности его угрозы был дан на международном научном симпозиуме «Новые формы фашистской опасности, усиления реакции и пути борьбы с ними», проведенном редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» весной 1973 года в Эссене (27). В работе симпозиума приняли участие представители коммунистических и рабочих партий из 21 капиталистической страны. Активную роль в организации симпозиума сыграла Германская коммунистическая партия. Выступавшие в Эссене ораторы подчеркивали, что живучесть фашистского господства в ряде стран капитала во многом объясняется их местом и ролью в глобальной стратегии империализма. Эти страны после второй мировой войны стали орудием империализма США в проведении политики агрессии против мира социализма. Другой формой современного фашизма, как говорилось на симпозиуме, выступает «экспортируемый фашизм». Его насаждают извне в форме реакционных военных режимов правительства, сохраняющие у себя дома те или иные атрибуты буржуазной демократии. Эта разновидность фашизма сейчас распространяется по бывшей колониальной и полуколониальной периферии. Здесь он также выступает в роли сателлита империалистических держав. Примером является военно-фашистский переворот в Чили: в его организации немалую роль сыграли ЦРУ и крупный американский капитал. Что же касается развитых капиталистических стран, то и в них, как подчеркивалось на симпозиуме, существуют партии и группы традиционно фашистского типа, костяк которых

был лично связан с фашистскими режимами Гитлера и Муссолини.

Большую тревогу вызывают попытки централизации неофашистских сил в международном масштабе, а также стремление создать «новую международную «ось» из фашистских, антикоммунистических и националистических эмиграционных групп, действующих в Западной Европе» (28). Об этом говорилось и на симпозиуме по проблемам борьбы с угрозой неофашизма в Западной Европе, проведенном Международной федерацией участников движения Сопротивления в Брюсселе в июне 1973 года (29). Важная особенность современного фашизма, отметил в Эссене шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» К. И. Зародов,— появление и усиление «...неофашистских партий, адаптировавшихся к новой политической реальности...» (30)

Исходя из того, что в наше время сохраняются экономические, политические и социальные условия для фашистской угрозы, Эссенский международный симпозиум по борьбе с неофашизмом определил, что «в ближайшие годы предстоит ожесточенная политическая и идеологическая борьба» с фашизмом (31). Актуальность этой задачи была вновь подтверждена Конференцией коммунистических и рабочих партий Европы (Берлин, 1976 г.). В единодушно принятом итоговом документе конференции говорится: «Для демократии и социального прогресса, для сохранения мира и международных отношений, основывающихся на взаимном доверии и дружественном сотрудничестве, необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп, а также против расистской пропаганды и действий, преследующих цель расколоть рабочий класс и другие прогрессивные силы... Сегодня, как никогда, необходимо усилить борьбу в защиту и за развитие демократических прав, для того, чтобы пресечь растущую тенденцию монополистического капитала прибегать к репрессивным и авторитарным методам господства, угрожающим достижениям европейских народов и их продвижению по пути мира и социального прогресса» (32).

Успешная борьба с фашизмом, мобилизация широких масс трудящихся как и всей прогрессивной общественности мира для этой борьбы невозможны без идеологического разоблачения сущности, форм проявления современного фа-

шизма. Руководствуясь методологией марксизма-ленинизма и опираясь на коллективный опыт братских партий, ученые-обществоведы вносят свой вклад в дело борьбы с фашизмом. Одним из примеров этого служит московская городская научная конференция 1975 года «Победа в Великой Отечественной войне — победа марксистско-ленинской идеологии над идеологией фашизма», которая была посвящена 30-летию разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии. На конференции многие докладчики отмечали рост фашистских тенденций сегодня и необходимость борьбы с ними. В докладе «Пролетарский интернационализм против империалистической идеологии расизма, шовинизма и агрессии» академик М. Б. Митин подчеркнул, насколько необходимы ныне сплоченность и бдительность, ибо в западных странах происходит гальванизация идеологии фашизма. Доктор философских наук Н. Н. Хвадков, вскрывая на основе марксистско-ленинской методологии причины роста неофашистских тенденций в странах капитала, убедительно показал, что милитаризм служит основным средством спасения обреченного строя, а наиболее адекватной политической формой милитаризма является фашизм. Доктор философских наук Е. Д. Модржинская обратила особое внимание на вопросы критики идеологии фашизма и неофашизма (33).

Составной частью этой критики является разоблачение нацистских спекуляций на эстетике и искусстве, раскрытие связи таких спекуляций с политикой фашизма и неофашизма. Этим и определяются цели и задачи данной книги.

* * *

Борьба с фашизмом и реакцией в современных условиях приобретает все большее значение в связи с дальнейшим обострением общего кризиса капитализма. В. И. Ленин еще в 1913 году подчеркивал, что монополистическая буржуазия «готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство» (34). Он писал: «...буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы... Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению... Второй метод — метод «либерализма»... (35)

Переход от либеральной буржуазной диктатуры к особому буржуазному политическому режиму — фашизму, вы-

ражающемуся в открытом физическом и духовном терроре, было бы неверно рассматривать только как слабость буржуазии. При общей тенденции загнивания и разложения буржуазного общества на стадии империализма в отдельные периоды происходит усиление государственно-монополистической диктатуры крупного капитала. В такие периоды и возможно установление фашизма в различных буржуазных государствах как монархического, так и республиканского типа. «Фашизм у власти,— говорил Г. Димитров в докладе на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала,— есть... открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (36).

Фашистский режим, безусловно, ведет к резкому обострению всех социальных антагонизмов и потому не может быть долговечным, но само его установление свидетельствует о победе реакции, хотя и временной, над силами демократии и прогресса. Ученые социалистических стран, указывая на ответственность правых лидеров социал-демократии за срыв единого антифашистского фронта в Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и в других странах в 20—30-е годы, в то же время отмечали, что объединение сил антифашистов и их успехи в борьбе с фашистской реакцией зависели не только от желания, умения и искусства лидеров рабочего и демократического движения, но и от многих других факторов, в частности от силы противодействия монополистической буржуазии, остроты внутренних и внешних противоречий, особенностей классовой борьбы и поведения национальной мелкой и средней буржуазии, а также в немалой степени и от организованности и искусства самого фашистского наступления в каждой данной стране (37).

Упрощение в этом вопросе, связанное с недостаточно глубоким пониманием социальной природы фашизма, его сущности и методов действия, ведет к недооценке опасности его современных проявлений. На это обстоятельство неоднократно указывали выдающиеся деятели международного коммунистического и рабочего движения (38).

После прихода к власти германского фашизма О. В. Кусинен, говоря о необходимости уделять еще больше внимания борьбе против шовинистической идеологии, подчеркивал: «Эта борьба является одной из самых трудных задач,

поскольку дело идет об освобождении масс от глубочайших, закоренелых буржуазных предрассудков, с помощью которых господствующая крупная буржуазия вела на поводу мелкую буржуазию, крестьянство и даже часть рабочего класса» (39).

Субъективную сторону этого явления — искусность фашистской демагогии — ярко охарактеризовал Г. Димитров. На VII конгрессе Коминтерна он говорил, что «силу идеологической заразы фашизма мы ни в коем случае не должны недооценивать», ибо фашизм не только разжигает укоренившиеся в массах предрассудки, но и играет «на лучших чувствах масс, на чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях» (40). На необходимость систематической идеологической борьбы против фашизма указывалось и в резолюции VII конгресса Коминтерна (41).

Всемирно-историческое значение VII конгресса Коммунистического Интернационала и актуальность его решений для борьбы с современным неонафашизмом отмечались на научной конференции в Москве, посвященной 40-летию конгресса. Открывая конференцию, М. А. Суслов сказал: «Документы, принятые конгрессом, внесли существенный вклад в развитие революционной общественной мысли, в разработку стратегии и тактики международного коммунистического движения» (42).

Для того чтобы успешно вести борьбу с фашизмом, важно понять, на чем он спекулирует, чем и как привлекает на свою сторону определенные круги населения. В современной советской литературе получили широкое освещение и глубокий анализ причины возникновения, социальная сущность фашизма и его идеология. По критике фашизма хорошо известны работы таких советских авторов, как А. А. Галкин, Эрнст Генри, Л. И. Гинцберг, Б. Р. Лопухов, Д. Е. Мельников, Ф. И. Новик, С. Ф. Одуев, Д. М. Прохтор, Г. Л. Розанов, С. Н. Фрумкин и Б. А. Шабад. Много ценного для понимания идейных истоков фашизма дает фундаментальное исследование немецкой буржуазной философии А. С. Богомолова. Интересную монографию по критике идеологии неонафашизма подготовил авторский коллектив под руководством Е. Д. Модржинской (43). Однако политико-идеологическому использованию фашизмом эстетики и искусства в этих работах уделяется недостаточное внимание.

В 30-е годы в нашей периодической печати было опубликовано довольно много работ (главным образом немец-

ких коммунистов-эмигрантов) по критике нацистской политики в области искусства и литературы, не говоря уже о философии фашизма (44). Интересный анализ проблемы был дан в книге Н. Корнева «Третья империя в лицах» (М., 1937). Уже в этих работах вскрывались основная сущность и черты нацистского «искусства». Из тумана «тайны германской крови», из липкой каши предчувствий, инстинктов, влечений, писал Г. Гюнтер, вытекают основные моменты фашистского «искусства»: «национализм, лжесоциализм, расовая теория, «универсализм» иррационализма» (45).

Подводя итоги первым годам нацистской литературы «крови и почвы», Т. Рихтер писала: «Планомерное уничтожение всех культурных достижений, завоеванных в свое время революционной буржуазией; отказ от логического мышления; апелляция к смутным чувствам и самым примитивным, больше того — атавистическим инстинктам человека, к инстинкту мести, кровожадности, к садизму и раболепию; короче говоря — полный распад культуры и возврат к самому мрачному средневековому варварству, — таковы предварительные итоги культур-фашизма, таковы грядущие его перспективы» (46).

Целью нацистского «искусства», продолжает Т. Рихтер в другой статье, является не убеждение масс, а стремление «овечьих их флюидом, которому в конце концов подчиняется всякий, хочет ли он того или нет» (Геббельс). Истина не играет никакой роли. Зато ложь, клевета, предательство, обман — все оправдывается успехом. Но там, где, как в фашистской Германии, все направлено на то, чтобы не изображать действительность, не высказывать правду, а избегать размышлений и препятствовать им, — там «должны заржаветь даже самые блестящие перья». Отсюда вытекает главная черта нацистского «искусства», его «художественного» стиля — пошлость (47).

Отдавая должное марксистским критикам эстетической идеологии и литературной практики нацизма 30-х годов, нельзя в то же время не отметить, что в этих работах нет систематизированной критики политики фашизма в области литературы и искусства.

Из всей обширной современной советской литературы по критике фашизма вопросу об отношении германского фашизма к искусству посвящено небольшое число работ. Это статьи: Л. М. Красногладовой и В. Я. Шапиро «Фашизм и изобразительное искусство Германии»; А. Гулыги «Только документы», «Пути мифотворчества и пути искусства»,

«Искусство без морали» (48). Интересные мысли по данной проблеме высказывают М. Лифшиц и Л. Рейнгард (49). Но и в их работах показаны лишь отдельные стороны нацистской политики в искусстве.

Заслуживает серьезного внимания книга Ц. Кин «Миф, реальность, литература» (М., 1968), посвященная критике политики итальянского фашизма в литературе. Следует отметить также публицистическую работу Л. Гинзбурга «Потусторонние встречи» (50) и его повесть «Бездна». По критике неофашистских спекуляций в области литературы большой интерес вызывает исследование И. М. Фрадкина «Реставраторы орла и свастики» (51). Необходимо также указать статью А. А. Френкна «Неофашизм и культура» (52)¹.

Проблема фашизма и искусства недостаточно освещается в энциклопедических изданиях. Мало специальных монографических исследований по данному вопросу и в других странах социализма. Наиболее глубокой, на наш взгляд, является работа публициста ГДР Г. Кайзера «Мифы, опьянение, реакция» (53), в которой раскрывается идеология одного из основоположников фашистской «художественной» литературы в Германии — Э. Юнгера (а также Г. Бенна). На Юнгере сейчас спекулируют буржуазные критики, стремясь выдать его за жертву фашизма. Другая работа — «Декаданс в западной литературе» принадлежит перу известного литературного критика А. Хохмута (54). Краткие аннотации и критика работ фашистских писателей даются в вышедшем в ГДР «Словаре немецкого языка» (55).

Значительно больше внимания критика уделяет современной политике неонацизма в области литературы и искусства. Особенно интересны работы авторов из Германской Демократической Республики: «Романы с конвейера» К. Цирмана, «Художники — меценаты — монополии» В. Хенеля, «Киноискусство в агонии» Э. Кранца, «Литература на военном курсе» Ф. Вагнера, а также коллективные труды «Манипуляция», «Остфоршунг» и славистика» (56).

В то же время существует большое число работ по дан-

---

¹ Из переведенной на русский язык литературы эту проблему частично затрагивают в своих книгах авторы ГДР. См. Байер И. Художники и социализм. М., 1966; Ион Э. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969; Хаак Г., Кесслер Х. Политика против культуры. М., 1968.

ной теме в буржуазных странах, особенно в ФРГ, США и Англии. Но они написаны с субъективистских позиций. Определенную ценность представляет содержащийся в этих работах фактический материал. Сошлемся хотя бы на исследование Х. Бреннер «Художественная политика национал-социализма» (57), вышедшее в ФРГ, и двухтомную книгу американского критика западногерманского неонацизма К. Таубера «После орла и свастики. Немецкий национализм после 1945 года» (58).

Из всего сказанного ясно, насколько необходим и актуален объективный анализ указанной проблемы. Исходя из известных марксистско-ленинских положений о взаимосвязи искусства и политики, автор стремился определить место искусства в духовно-политической диктатуре фашизма, показать, как и в какой степени удалось фашистам превратить искусство в «опозитированную политику» и совершить тем самым насилие над искусством, над художниками и потребителями искусства, и как само искусство мстило фашизму за это насилие.

Общая проблема отношения фашизма к искусству исследуется на примере фашистской Германии как наиболее характерном проявлении фашистской диктатуры. Книга содержит критический анализ работ теоретиков германского фашизма в области эстетики, литературы и искусства, фашистских документов и статей, связанных с искусством, периодических изданий того времени, посвященных искусству, ряда нацистских литературных произведений, главным образом драматургии, а также анализ сегодняшних либерально-буржуазных исследований политики фашизма в искусстве. Значительное место в работе занимает критика современной политической идеологии и «художественной» практики неонацизма, мало чем отличающихся от идеологии и практики нацизма.

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА

---

1. ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ФАШИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политическая идеология фашизма — это наиболее реакционная форма политической идеологии буржуазии эпохи империализма. «Монополистический капитал, — указывается в Программе КПСС, — порождает идеологию фашизма — идеологию крайнего шовинизма и расизма» (1). Еще до установления фашистского политического режима в Германии нацисты довольно откровенно раскрыли сущность своей политической идеологии, хотя тактические соображения не позволяли им сделать это в полной мере. И в этой откровенности они видели выражение своей силы. В гитлеровской партии НСДАП теоретическим обоснованием фашизма в первую очередь занимались Розенберг и Штрассер, а позднее Гитлер и Геббельс. Методологической установкой реакционнейшего авантюризма нацистов явилась формула Розенберга: «Политика — искусство делать невозможное возможным» (2). Ее смысл — установление мирового господства любыми средствами. В качестве «теоретического» оправдания этой цели выдвигались лживые идеи о недостатке у немцев «жизненного пространства», идеи превосходства нордической расы над другими народами и геополитика.

Нацистские идеологи претендовали на наследование интеллектуальных достижений предшествующей истории Германии, чтобы «доказать» правомерность и даже жизненную необходимость своих реакционных теорий. Большинство теоретиков, которых они объявили своими классиками, в действительности не имели никакого отношения к фашист-

ской идеологии ни в философской ее части, ни в эстетической, ни тем более в политической. Обращение нацистов к их памяти преследовало спекулятивно-пропагандистские цели. Именно таким образом были использованы имена Гегеля, фон Гуттена, Вагнера, братьев Гримм и др.

Однако ни одна идеология не возникает на пустом месте, она имеет свои социально-исторические и теоретические предпосылки. Определенное влияние на идеологию оказывает и общественная психология. Поэтому, чтобы понять нацистскую идеологию, необходимо выявить конкретно — исторические условия и национальную почву, которые обусловили ее специфику.

На идеологию национал-социализма оказал влияние пангерманский шовинизм, возникший в конце XIX века как идеологическое прикрытие имперских устремлений германской буржуазии. Три основные идеи пангерманцев — «господствующее положение Германии в континентальной Европе, объединение всех говорящих по-немецки народов и национальных групп, расширение колониальных владений — были приняты на вооружение нацизмом без каких бы то ни было существенных корректив» (3).

Идеи пангерманизма нацисты дополнили практикой феодальной критики капитализма, которая считала источником всех «бед» страны развитие революционных событий в Европе в 1848 и 1871 годах. Этот «феодальный социализм» всячески возносил в качестве образца казарменную Пруссию, в то время как Англия осуждалась за «либерализм и торгашеский дух». Само собой разумеется, что подобная критика капитализма сопровождалась неприкрытой апологетикой милитаризма.

Непосредственно с пангерманизмом связана и геополитика. Геополитика не является продуктом фашистского происхождения. В конце XIX века с геополитическими концепциями выступили американец Мэхэн и англичанин Маккиндер, в кайзеровской Германии геополитические идеи получили распространение в работах Ратцеля, Челлена и ряда других пангерманистов. Немецко-фашистскую школу геополитики возглавил отставной генерал К. Хаусхофер. В 1921 году, будучи профессором Мюнхенского университета, он познакомился с руководителем местных нацистов Р. Гессом и стал оказывать сильное влияние на формирование политических взглядов нацистских вожakov. После провала «пивного путча» 1923 года Хаусхофер посетил Гесса и Гитлера в тюрьме Ландсберг и преподнес им книги

Ратцеля, Челлена и других столпов геополитики, идеи которых в значительной части и были положены Гитлером в основу его книги «Майн кампф» (4).

Известному германскому географу Ф. Ратцелю был свойствен консервативный образ мышления с крайне националистическими тенденциями. Наряду с ценными в определенной мере работами он выпустил и псевдонаучную книгу «Политическая география», ставшую настольным пособием для всех германских шовинистов в их «географических» оправданиях экспансии.

Особо активизирующим началом в теории Ратцеля была концепция «роста пространственных размеров государства» как неизбежного следствия процесса роста народов. В то же время Ратцель связывал размеры государства с уровнем культуры народов. По его теории получалось, что объединения с низкой культурой образуют малые государства, а с высокой — большие. Отсюда поглощение малых государств крупными, которое Ратцель рассматривает как неизбежное следствие и показатель роста культуры. Поскольку же размеры земного шара стабильны, то захват чужих земель становится необходимостью: «В будущем новые великие державы будут возникать только на основе разгрома старых» (5). Еще более конкретно экспансионизм был выражен в другой работе Ратцеля — «Германия», содержащей основные геополитические идеи, развитые затем его последователями. Сущность этих идей одна: оправдание экспансии природно-физиологически-биологическими требованиями «народного тела» или «государственного образования». Так, например, он заявлял, что если Срединная Европа представляет собой физико-географическое единство (единый ландшафт лесов, лугов, болот, равнин), то совершенно естественно возникает тенденция к политическому объединению этого территориального комплекса под главенством Германии, расположенной в центре этого района (6).

В отличие от других пангерманцев Ратцель пытался не просто провозгласить цели, но создать «глобальную теорию империалистической экспансии» в интересах монополистической Германии. Вполне понятно, что его идеи были тут же подхвачены всей реакцией. В то же время его известность ученого импонировала политически наивным людям. Всем этим и объясняется значительное число приверженцев теории Ратцеля. Наиболее рьяными его последователями, и, безусловно, не наивными, были шведский профессор

Р. Челлен, впервые употребивший термин «геополитика», и К. Хаусхофер. Их деятельность привела к тому, что социолого-географические изыскания, направленные на оправдание агрессии, получили известность во всем мире.

Без основных положений геополитики политическая идеология германского нацизма была бы просто немыслима. Нацизм использовал и идею Челлена о «борьбе государства за существование», оправдывающую завоевания «естественным и необходимым ростом в целях самосохранения» (7), и воспевание войны как средства обеспечения «избыточного» населения работой и хлебом. Фюреры, решая вопрос о войне и мире, заявлял Челлен, не свободны в выборе, а «подчинены суровому закону необходимости» (8). Непосредственно к потребностям национал-социализма геополитические идеи были приспособлены Хаусхофером и его школой, которые превратили их в систему политических лозунгов.

Гитлеровцы придали пропаганде идеи о недостатке у немцев «жизненного пространства» невиданный до того размах и подняли ее на уровень государственной политики. Лозунг «Народ без территории» стал официальным тезисом фашистского правительства.

Что касается расовой теории, то она родилась в середине прошлого века и нашла наиболее полное выражение в работах французских социологов Ж. Гобино и Ж. Ляпужа и их французских, английских и американских последователей — В. Кидда, У. Самнера и др. На немецкую почву эти теории перенес натурализовавшийся англичанин Х. С. Чемберлен, который довольно легко ассимилировал идеи германской исключительности и соединил их с изысканиями французских расистов. Подобное соединение сыграло определенную роль в возникновении идеологии нацизма. Многие идеи Чемберлена впоследствии использовались национал-социализмом.

Прямое воздействие на политическую идеологию национал-социализма оказала шовинистическая литература германского и иностранного происхождения таких авторов, как Карл-Амалия Грингмут, Крушеван, Окрейц и Пуришкевич (9). К числу прямых предшественников фашистской идеологии следует отнести Е. Дюринга, ставшего в конце своей жизни ведущим теоретиком германского антисемитизма. В формировании взглядов самого Гитлера, родившегося и выросшего в Австрии, решающую роль сыграли теории австрийских расистов и шовинистов,

В конце XIX века в различных районах Австрии и Чехии, особенно в Судетской области, стали возникать отдельные националистические группы и организации. К началу XX века в результате слияния различных политических и профессиональных групп в Австрии образовалась партия, которая первой приняла название национал-социалистской. Эта партия в основном придерживалась взглядов теоретика австрийского «национального социализма» Р. Юнга.

Юнг был яростным противником Австро-Венгерской монархии, резко высказывался против концентрации власти в руках венского двора. Выступая за самоопределение народов Австро-Венгерской империи, он вместе с тем боролся за включение так называемой немецкой Австрии, к которой относил также Чехию, Моравию и Судетскую область, в Великогерманскую империю, чтобы тем самым восстановить ее господствующее положение в Европе.

Реакционные предрассудки мелкобуржуазного национализма и шовинизма во взглядах Юнга причудливо переплетались с оппортунистически трансформированными политическими и экономическими запросами стоявшего за партией рабочего класса. Отсюда и противоречивость социальной программы австрийских национальных социалистов. Одной из целей партии провозглашалось объединение всех сословий в борьбе против нетрудовых доходов, что отдаленно напоминало лассалевскую формулу «неурезанного трудового дохода». Программа требовала проведения земельной и денежной реформ, обобществления частных монополий, справедливой заработной платы, постепенного расширения участия трудящихся в прибылях (10). И все это — при сохранении буржуазной государственной власти.

Австрийские национальные социалисты одними из первых начали спекулировать на идее разделения лиц, участвующих в экономической жизни, на две группы: группу занимающихся созидательным трудом и группу получающих нетрудовой доход. К первым были отнесены все «трудящиеся», в том числе и предприниматели, ко вторым — банкиры, ростовщики, крупные рантье и т. д. (11) Эта идея впоследствии стала важнейшим отправным пунктом для теоретиков германского фашизма. Одновременно с австрийскими национал-социалистами теорию «продуктивного» и «спекулятивного» капитала разрабатывал наставник мюнхенских нацистов Г. Федер, который впервые познакомил Гитлера с этой «идеей» в 1919 году (12). Впоследствии Федер стал одним из ведущих теоретиков НСДАП.

Юнг подобную идею разделения лиц, занятых в хозяйственной жизни, связывал с понятием «мамонизма». «Мамонизм» в его трактовке — это антиобщественная тенденция подчинения созидательных сил народа всевластию денег. Демагогия состояла в том, что «пагубный» интернациональный «мамонизм» отождествлялся с «восточным большевизмом», либерализмом и демократией (13). С помощью этой теории осуществлялся переход от социальных требований австрийских национальных социалистов к национализму, шовинизму и антисемитизму. Исходной основой «мамонизма» Юнг объявил материализм, понимая под ним стремление к приобретению материальных ценностей. Спекуляция на понятии «материализм» — один из распространенных приемов борьбы фашистской идеологии против марксизма. Эти идеи, как и сам термин «мамонизм», получили широкое распространение среди фашистских идеологов.

Определенное влияние на идеологию национал-социализма оказали и взгляды итальянских фашистов.

Так, путем комбинации положений географического детерминизма, расовой теории, национализма и шовинизма фашистские теоретики создали одну из наиболее реакционных политических идеологий эпохи империализма.

Особое значение для фашистской политической идеологии имел ряд философских концепций прошлого. Эклектицизм идеологии позволял фашистским теоретикам выдергивать из различных философских систем те положения, которые им казались подходящими. В связи с этим в первую очередь следует остановиться на философской концепции Ф. Ницше.

На первый взгляд философия Ницше может показаться непосредственно не связанной с идеями нацизма. Важным лозунгом нацистской идеологии был призыв, направленный против эксплуатации «производительного труда», против «нетрудовых доходов». Ницше же заявлял, что «эксплуатация присуща не непременно испорченному или несовершенному и примитивному обществу», она является «сущностью всего живого, следствием действительной воли к власти, которая и есть воля к жизни» (14). Нацисты широко спекулировали на термине «социализм». Ницше был ярким противником самого понятия «социализм». Он заявлял, что в учении социализма плохо спрятана «воля к отрицанию жизни», а его осуществление было бы гибелью человечества, превращением людей в маленькие существа, имеющие только «животные права и желания». Социализм,

по мнению Ницше, не может принять характер «чего-либо большего, чем приступ болезни» (15).

Однако все это не дает оснований для противопоставления философии Ницше идеологии нацизма. Не говоря о том, что «борьба» нацистов с «эксплуатацией» за «социализм» была сплошной демагогией, многие проблемы как социально-политического, так и гносеологического характера получили сходное решение в философии Ницше и в нацистской идеологии.

Ницше был противником демократии, считал буржуазную демократию «господством толпы», «формой упадка». Демократия, заявлял Ницше, отрицает волю, инстинкт, императив, авторитет — все то, что накопилось в отдельных сильных личностях за поколения (16). Его пугало «низобилие свободы» в бисмарковской империи. «Слишком много прав» завоевали там люди труда, «слишком свободно» чувствовали себя профсоюзы и рабочие партии. В этом Ницше видел причину близящейся гибели государства. «Я совершенно не понимаю, — писал Ницше, — что хотят сделать с европейским рабочим... Он чувствует себя слишком хорошо, чтобы не спрашивать все более и более, все с большей нескромностью... Рабочего сделали воинственным, ему дали право союзов, политическое право голоса: что же удивительного, если рабочий смотрит ныне на свое существование уже как на бедствие... Если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства» (17). Следовательно, народ, по мнению Ницше, необходимо держать в состоянии «здорового неведения», прибегая к религии, мифам, инстинктам. Такая «непростительная бессмыслица», как образование и политические права, «уничтожает в зародыше инстинкты», т. е. предпосылку, в силу которой рабочий возможен как сословие.

В философии Ницше видное место занял культ силы, «высшего человека», не признающего никакой морали. Тем самым Ницше утверждал право на ложь. По его словам, лжи боятся только трусы. Принцип правды — это «формализм» узких и слабовольных людей. «Будьте насильником, корыстолюбцем, вымогателем, интриганом, льстецом, низкопоклонником, гордецом и, смотря по обстоятельствам, даже совмещайте в себе эти качества», — писал он (18). Исходя из этой «морали», Ницше проповедует культ войны. Он учит, что надо ценить такое положение, когда имеешь врагов, ибо только тогда ты якобы полон сил, постоянно начеку. Война, возвещал Ницше, пробуждает пер-

вобытные инстинкты, она волнует кровь, «превращает людей в варваров, делает, стало быть, их более естественными — и это говорит в пользу ее» (19). Если же ты «отказываешься от войны», то «отказываешься от великой жизни» (20).

Исходным принципом гносеологии Ницше стал прагматизм. Сознание, писал он, присутствует лишь постольку, «поскольку оно полезно». И ложь, и истина, по философии Ницше, одинаково служат практике, направляемой «волей к власти». «Познание работает как орудие власти», — заявлял он (21). Объявляя весь мир фикцией, созданной воображением субъекта, Ницше отрицал не только возможность познания мира, но и снимал вопрос о важности этого познания. Воля к власти «сильной личности» признавала в качестве истины лишь свою выгоду. «За критерий истины», писал он, надо принимать «биологическую полезность... системы принципиальных фальсификаций» (22). (Перемены этой «истины» содержатся у А. Розенберга в его «Мифе XX века».)

Наконец, Ницше всячески возносил инстинкт и низвергал сознание и разум. В своей книге «Воля к власти» он писал, что любое мышление, протекающее сознательно, «соответствует гораздо более низкой ступени морали, чем мышление того же человека, поскольку оно управляется *инстинктами*. Действуешь только тогда совершенно, когда действуешь инстинктивно» (23).

Созданный Ницше миф «сверхчеловека», «белокурой бестии», принцип «героического реализма», издевательство над гуманизмом, справедливостью, терпимостью, как человеческими «слабостями», его глубокое презрение к массе сыграли решающую роль в формировании античеловеческой фашистской морали. Ницшеанское отношение к обществу, социальному долгу, формам политического управления, народу — все это было взято на вооружение фашизмом. Не случайно поэтому в связи с юбилеем Ницше (1844—1934 гг.) в официальном органе германского фашизма «National-sozialistische Monatshefte» была помещена на первом месте статья одного из теоретиков нацизма А. Боймлера «Ницше и национал-социализм», в которой Ницше сравнивался с Гитлером (24).

В ряде случаев Ницше критиковал капитализм. Главным злом этого строя были для него «недисциплинированность духа», декаданс, модернизм и нигилизм. Подобная критика мало чем отличалась от позиции представителей

«феодалного социализма». Этот метод критики капитализма на первых порах демагогически использовался и нацизмом для привлечения масс на свою сторону.

Поскольку Ницше не давал четкого определения понятию «элита», каждый мог причислять себя к элите по отношению к другим, более бесправным лицам. Это показала, в частности, теория и практика сионистских лидеров на территории фашистской Германии, которые после имперского закона 15 сентября 1935 года, лишившего еврейское население прав гражданства, относили себя к элите. Ныне реакционное правительство Израиля вкуче с теми же нацистами из ФРГ проводит по существу старую расистскую политику в отношении арабских народов.

Немудрено, что ницшеанство получило популярность среди консервативной буржуазной интеллигенции. Этим же определяется его влияние на националистическую молодежь. Из всего ницшеанства особенно идея элиты была понятна и приятна мелким буржуа, которые считали, что установление фашизма дает им возможность показать себя. С тем большей жестокостью эти буржуа мстили подлинной философии и культуре за свое прошлое «унижение».

Философия Ницше оказала большое влияние на немецкое офицерство, издавна воспитывавшееся в духе аристократизма. Расистские теории элиты находили отзвуки и в массе мещанства, ибо каждый немец по крови возводился ими в ранг сверхчеловека.

Правда, для бюргера ницшеанство воспринималось легче и понятней в изложении последователей Ницше, в частности О. Шпенглера. Как компилятор и популяризатор ницшеанства, Шпенглер добился большого влияния на идеологию национал-социализма. Благодаря ему философия Ницше из аристократических салонов перешла в идеологию немецкого бюргерства, что сыграло решающую роль в подготовке широкого восприятия нацизма.

Несколько абстрактным «мечтаниям» Ницше о том времени, когда благородные господа возвратятся «к невинной совести хищного зверя, ведя позади свою ошеломляющую свиту убийств, пожаров, насилий, пыток» (25), Шпенглер придавал конкретный характер. У него нордическая раса господ призвана выполнить «историческую задачу» спасения цивилизации в условиях «заката Европы». Одним из решающих признаков нордической расы он объявлял «волю к собственности». В книге «Годы, которые решают», законченной непосредственно перед взятием власти нацистами,

Шпенглер писал, что человека без чувства или инстинкта частной собственности нельзя отнести к этой расе (26).

Что же касается трудящихся, то о них Шпенглер говорит не иначе, как о «черни», «выродках», «насекомых», представляющих опасность, когда они выступают «скопом». Его пугает пролетарская революция, которая может соединиться с «революцией цветных». Настали решающие годы испытаний для «либеральной» буржуазии, заявлял Шпенглер, ибо революция «уже победила и празднует триумф» (27). Он призывал «нордическую расу» как «великих и сильных хищников», «рожденных для господства», обуздать рабочих. Шпенглер, разумеется, не исключал использования масс в реакционных целях, но рассматривал всякое массовое движение как потенциально опасное для «сильной личности», цезаря, и потому считал, что такое движение должно быть «переходной формой» к «законченному цезаризму» (28).

Важным признаком нордической расы, по Шпенглеру, служит жестокость. Воспевая, как и Ницше, «хищную расу», «человека-зверя», Шпенглер писал, что жестокость является врожденным качеством человека, а «добродетельные ханжи и проповедники социальной этики» — это «хищные звери с вырванными зубами», «ненавидящие других за агрессивность, от которой они сами по необходимости должны воздерживаться» (29).

Отдавая дань времени, Шпенглер в отличие от Ницше широко спекулирует на понятиях «социализм» и «интернационализм». Он дополняет ницшеанскую феодальную критику капитализма своеобразной позитивной программой, взятой у «феодальных социалистов». Такая смесь ницшеанства и феодальных утопий середины XIX века и дала идейный суррогат «прусского социализма». Главное его назначение Шпенглер сформулировал весьма откровенно: «Задача состоит в том, чтобы освободить немецкий социализм от Маркса». Он писал, что никакого другого социализма, кроме немецко-прусского, не существует: «Мы, немцы, социалисты... Другие же народы не могут быть социалистами» (30).

Заблуждений насчет того, что представляет собою в действительности этот «социализм», быть не может. Шпенглер тут же заявляет, что «старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ненавидящие друг друга ненавистью братьев, являются одним и тем же» (31). Еще работая над вторым томом «Заката Европы», побочным продуктом

которого стала брошюра «Пруссачество и социализм», Шпенглер призывал к тотальной диктатуре «сильного человека» прусского типа. В одном из писем 1918 года он предсказывал, что рано или поздно в стране «руководство возьмет старопрусский элемент», «диктатура... станет всеми восприниматься как спасение, и тогда должна потечь кровь — чем больше, тем лучше» (32). Эта тирада как нельзя более ясно выражает шпенглеровскую демагогию о социализме. «Социализм» Шпенглера ничего общего не имеет с классовой борьбой, уничтожением частной собственности и установлением социального равенства. Его основой служит национально-расовая общность «народа господ и завоевателей», слепо выполняющая волю реакционного милитаристского государства.

Практический смысл шпенглеровского социализма состоял в том, чтобы, используя популярность идеи социализма среди немецкого рабочего класса, заставить его пойти на любые жертвы ради интересов господствующего класса. Поскольку рабочий класс Германии представлял собой хорошо организованную силу, подобная его дезорганизация, игравшая на руку нацистам, была важна для них.

Аналогичный характер носит демагогия Шпенглера при истолковании им термина «интернационализм». Чтобы приспособить это понятие к нуждам германского империализма, Шпенглер на основе расовой теории строит «новую» концепцию «расового интернационала»: «Истинный интернационал возможен лишь в результате победы идеи одной расы над всеми другими, а не путем растворения всех точек зрения в едином бесцветном целом» (33). Этот идеал фашистского «интернационала» использовался на практике нацистским руководством, пытавшимся расширить социальную и национальную базу своей диктатуры путем создания фашистских объединений из людей разных национальностей внутри Германии и в других странах. Без преувеличения можно сказать, что небольшая по объему книжка Шпенглера «Пруссачество и социализм» стала теоретическим обоснованием гитлеровских спекуляций идеей социализма.

Ницшеанскую мысль о «человеке — хищном звере» Шпенглер продолжал развивать и в своей книге «Человек и техника». Снова и снова он превозносит «сильную расу», которая сохранила характер хищного зверя. Такой расой он считает «разбойничьи народы завоевателей, народы господ, любителей борьбы против людей, предоставляющих

другим хозяйственную борьбу против природы, дабы их грабить и покорять» (34). Причем завоевания других народов изображаются Шпенглером не только как «необходимые» или «целесообразные». Сам процесс уничтожения других народов доставляет наслаждение завоевателю. Шпенглер со сладострастием описывает «пьянящую силу ощущения, испытываемого, когда нож вонзается в тело врага, а запах крови и звуки стопов проникают в триумфирующее сознание» (35).

Объектом грабежа Шпенглер в первую очередь называет цветные народы и русских, которые якобы не в силах постигнуть западную культуру, а овладение ими техникой преследует цель уничтожения Запада.

Наиболее законченное выражение фашистские идеи Шпенглера нашли в его уже упоминавшейся книге «Годы, которые решают». С тех же позиций, что и Розенберг, Шпенглер проповедует ненависть к русской нации, называя русских «азиатами», «врагами Европы», «татарской ордой». Только уничтожение «большевистского режима», писал он, может предотвратить гибель западной цивилизации под соединенными ударами двух мировых революций: «белой мировой революции» и «цветной мировой революции» (36). Единственным средством «преодолеть судьбу», распад западной цивилизации Шпенглер считает жестокость. Он призывает «победителей судьбы», т. е. нордическую расу, править миром «при помощи шенкелей», окончательно отбросить «бабью любовь к ближнему» и возродить «древнее варварство, в течение столетий лежавшее скованным и похороненным строгими формами высокой культуры» (37).

В «Годах, которые решают» Шпенглер отказался от демагогии и всякого заигрывания с «низами». Он даже отказался от спекуляций на термине «социализм» (38). Только что пришедшие к власти гитлеровцы по конъюнктурным соображениям не могли себе позволить такой роскоши, поэтому нацистское руководство отрицательно отнеслось к его последней работе. Однако это обстоятельство не может снять идейно-теоретической связи фашизма со Шпенглером.

К прямым философским предшественникам нацизма можно отнести и другого идеолога германского империализма — А. М. ван ден Брука. Отличительной чертой его философии является гипертрофированный национализм. Но в отличие от Шпенглера Брук не разделял идеи общности судеб Западной Европы. Он считал Запад источником разложения и упадка. Ненависть к Франции, навязавшей

Германии Версальский договор, побудила его даже к изменению политико-географических понятий. Границу между Западной и Восточной Европой Брук проводил по Рейну, относя Германию полностью к «Востоку». Эта конструкция была нужна ему для того, чтобы представить немецкий народ как «восточный», что в соответствии с его теорией означало «молодой», динамичный народ. Динамичность, по утверждению Брука, освобождает немцев от груза старческих немощей Западной Европы, открывает перед ними неограниченные возможности (39).

Будучи ярким расистом ван ден Брук тем не менее в отличие от многих других идеологов этого направления пытался избавиться в своих работах от примитивно биологических аспектов. Стремясь найти понимание у интеллектуально развитого читателя, он демагогически выступал за связь расизма с «наукой» (40). Модернизированный расист Брук рассматривал расу как общность «высших людей», вызревающую в борьбе на основе духовного и физического единства. Он широко использовал идею расизма и национализма для привлечения трудящихся на сторону элиты. Этот «теоретик» даже заявлял о признании классовой борьбы, правда, только в области внешних отношений, понимая ее не столько социально, сколько национально. Он объявлял «классовой» борьбу восточных (речь идет о Германии) «угнетенных народов — против западных, молодых — против старых» (41). Попытка Брука подменить «внутреннюю борьбу между отдельными классами... классовой борьбой между нациями» (42) позднее была широко использована нацистами в их идеологической обработке населения Германии.

Как пишет А. А. Галкин в своем монографическом исследовании «Германский фашизм», ван ден Брук, став к началу 20-х годов наиболее популярным бардом германского национализма, оставил после себя целую школу энергичных крайне правых литераторов, вроде Э. Юнгера, образовавших впоследствии своеобразную «интеллектуальную элиту» нацистского режима (43). В публицистических выступлениях этой школы еще до прихода к власти национал-социалистов пропагандировались фашистские идеи, что способствовало восприятию политической идеологии нацизма, особенно в богемной и образованной среде. Субъективизм, эклектика, прагматизм и социальная демагогия явились, таким образом, главными чертами философской генеалогии фашизма.

2. СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА

Бурное развитие промышленности Германии в конце XIX века способствовало тому, что в начале XX она в экономическом отношении уже перегнала передовую державу того времени — Англию и поставила вопрос о переделе мира. Эта экономическая пружина привела к первой мировой войне. Результаты ее были плачевными для Германии. Тем не менее развитие германского монополистического капитала продолжалось. Экономическая и политическая борьба империалистических государств за мировое господство явилась причиной второй мировой войны. В первые военные годы фашистская Германия направляла свои удары именно против буржуазных государств, своих старых конкурентов — «обидчиков», несмотря на все их попытки, особенно Англии, направить агрессию против СССР.

Идеология национал-социализма была, как и любая идеология, формой отражения экономических отношений, существовавших в стране, т. е. господства государственно-монополистического капитала, рвущегося к захвату всего мира. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений...» (44) Разумеется, экономические отношения воздействуют на развитие идеологии лишь в конечном счете, давая ей направление и определяя тенденцию развития.

В фашистской политической идеологии еще до установления фашистской диктатуры и в первый период ее господства значительное место занимала борьба с так называемым английским либерализмом и французским демократизмом. Однако стержнем фашистской политики и идеологии была патологическая ненависть к коммунизму. Чтобы удержать массы в фарватере своей политики, нацисты выбрали расизм и шовинизм как наиболее результативные направления идеологической обработки. Что же касается фашистского «социализма», то необходимо учитывать, что буржуазная идеология нередко вынуждена была выступать не открыто, а под чужим флагом. Известно, что «чем более развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитывается лицемерием идеоло-

гия господствующего класса. И чем более обнаруживает жизнь лживость этой идеологии, тем возвышеннее и нравственнее становится язык этого класса» (45). Более того, истории известны целые эпохи, «когда под поэтическими цветами и риторической мишурой скрывалась измена народу» (46).

Социальная демагогия в той или иной степени подкреплялась соответствующей социальной политикой. При этом искусство, как мощное средство воздействия на общественную психологию, явилось необходимым оружием в арсенале фашистской политики.

Фашистские теории нашли широкое распространение и поддержку в Германии еще до прихода нацистов к власти, ибо имели глубокие исторические корни и политико-экономические причины. К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя Германию первой половины XIX века, отмечали ее раздробленность, низкий уровень производства, застой и мещанство: сплошная навозная куча, в которой прекрасно себя чувствовала лишь мелкая буржуазия (47).

Германия конца XIX века выступала в качестве жандарма как во внешней политике (удушение Парижской коммуны), так и во внутренней (закон Бисмарка против социалистов). Все это наложило отпечаток на психологию немецкого бюргера.

На немецкой земле возник и в конце XIX века оформился в самостоятельное политическое течение ревизионизм. Наиболее крупные ревизионисты того времени Бернштейн и Каутский повели после смерти Ф. Энгельса II Интернационал по пути оппортунизма и предательства интересов рабочего класса. Это нашло отражение и в тактике германских социал-демократов в первую мировую войну. Проигранная война вызвала волну националистических настроений. Непрерывные дополнительные требования победителей были объективной основой для ощущения беспомощности своей страны и вызывали широкое раздражение «политикой выполнения», проводившейся Веймарской коалицией.

В этих условиях идеи мира и господства разума в отношениях между народами трансформировались в головах политически незрелых людей в «закрепление несправедливости», а реваншизм и милитаристская политика рассматривались как единственное средство сохранения национального суверенитета и престижа Германии. К тому же спекуляции на историко-политических трудностях Германии

использовались реакцией для оправдания культа силы, садизма и надругательства применительно к либерально-демократическим элементам внутри страны, как якобы мешающим цементированию нации для выполнения ее «исторической миссии».

Подобные настроения неодинаково проявлялись у различных социальных групп. Дворянство, военная каста, высшее кайзеровское чиновничество и часть крупной буржуазии, считавшие Веймарскую республику «марксистским экспериментом» и «незаконным детищем ноябрьского преступления»¹, с самого начала выступали за расправу над либералами внутри страны и реваншизм во внешней политике. Именно из их рядов и вышли первые апологеты культа силы в послевоенной Германии. Этих же взглядов в большой мере придерживалась и националистическая интеллигенция, стоявшая на позициях пангерманизма и готовая заплатить за «величие Германии» любую цену.

Монополистическая буржуазия тем более разделяла крайне националистические настроения и культ силы, ибо она в первую очередь получала политико-экономические выгоды от осуществления контрреволюционного террора и проведения экспансионистской политики. Что же касается мелкой буржуазии, то в условиях экономических потрясений, когда процесс расслоения резко усиливается, ее национализм в сочетании со склонностью мелкого буржуа к жестокости и насилию обостряется и выражается в крайних формах. Озлобленные бюргеры Германии требовали решительных действий; ради сохранения своих иллюзий о благополучии они готовы были в тех условиях пойти за кем угодно. Эти настроения в какой-то мере проникли и в среду рабочего класса, главным образом там, где рабочие находились под влиянием правых буржуазных партий.

Фашизм в целом отражал интересы крайне правого милитаристско-монополистического капитала. Однако гитлеровская клика использовала любые приемы, чтобы на каждом этапе склонять на свою сторону сторонников из всех слоев населения; интеграция сил все время шла в разных направлениях и менялась от одного этапа фашизации к другому. Гитлеровской клике удавалось направлять эти процессы так, чтобы обеспечить решение своей главной тактической задачи: в каждый данный момент силы нацизма

---

¹ Речь идет о Ноябрьской революции 1918 года в Германии.

обязательно должны превышать силы антинацизма, состав нацистских сил не имел решающего значения. Вчерашние и завтрашние враги становились главной силой сегодняшнего нацизма. Эта беспринципность определила не только особую жестокость фашистской клики ко вчерашним единомышленникам, не только крайнюю подозрительность к сегодняшним союзникам (как потенциальным врагам), но и постоянное недоверие и слежку друг за другом. Для проведения своей политической линии нацисты использовали два главных приема: с одной стороны, демагогическую пропаганду, с другой — насилие и страх.

В период стремления к захвату власти главная роль отводилась демагогической пропаганде и лишь эпизодически применялось насилие. Этот период и характеризуется особой противоречивостью фашистской политической идеологии. В следующий период — первые годы нацистского правления — резко усиливается насилие, массовый террор. Масштабы террора были так велики и для многих неожиданны, что пропаганда тоже была вынуждена максимально активизироваться, чтобы в какой-то мере нейтрализовать возмущение общественного мнения и сохранить максимальное число союзников фашизма.

Этот период отличается сокращением числа сторонников нацизма внутри страны. Однако данное обстоятельство уже мало беспокоит нацистов, поскольку решающим фактором теперь становится захваченный аппарат государственной власти, в первую очередь армия, для грязных поручений — СА, а для более тонких политических провокаций — СС и гестапо. Оппозиция нацизму еще велика, и она, пожалуй, увеличивается по мере роста репрессий, поскольку население, основу которого составляет мещанство, пока ничего не получило из обещанного нацистами, а уже начало терять элементарные демократические свободы. Поэтому гитлеровцы на этом этапе еще заботятся о легализации своих действий, о чем свидетельствует «Декрет Президента Германской республики о защите народа и государства от 28 февраля 1933 года», отменивший конституционные гарантии свободы. На основании этого декрета было подвергнуто «превентивному заключению» большое число коммунистов — депутатов и активистов КППГ. Об этом же говорит принятие рейхстагом 24 марта 1933 года буквально под дубинками штурмовиков «Закона о защите народа империи», который дал Гитлеру полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов кон-

ституции. Сюда же следует отнести закон об имперском гражданстве и об охране германской крови и чести.

В этот период еще сохраняется имитация законности, даже в актах массовых репрессий: порядок регистрации арестованных, передача их для «допроса» членам СА и СС, запрос гестапо Гиммлеру об «узаконивании» пыток коммунистов, официальное «запрашивание» гестапо у органов юстиции осужденных лиц, намеченных к ликвидации до суда, якобы для «дополнительного расследования». Лишь там, где не удавалось выполнить эти юридические формальности (впоследствии полностью отброшенные) при уничтожении неугодных режиму лиц, проводились «операции» из-за угла. Однако это было «хлопотно» для нацистов, отрывало опытных головорезов от крупных акций и часто выходило наружу. В каждом таком случае фашистам грозили политико-пропагандистские разоблачения, весьма нежелательные для них. Для уничтожения последних остатков конституционности был использован жупел «коммунистической опасности». В этих целях нацисты устроили провокацию с поджогом рейхстага.

Легализация массовых репрессий, проводимых нацистами, помимо того, что давала юридические основания для защиты этих действий от либерально-буржуазной критики, преследовала еще и другие цели: обеспечить постоянное состояние страха среди определенной части демократически настроенных элементов; создать систему массовых репрессий, чтобы, будучи начатой, она действовала по инерции и давала бы нацистам экономический, политический, «моральный» и психологический выигрыш. Кроме того, подобная система увлекала колеблющихся исполнителей.

Легализация преступлений хорошо учитывала с точки зрения психологии чинопочитание и благоговение немецкого бюргера перед законом — раз преступление возведено в закон государства, оно уже не преступление. Узаконивание преступлений автоматически перевело убийц и садистов в категорию активных и почитаемых граждан государства. Легализация преступлений сняла остатки страха, опасения возмездия за их совершение, заглушила сомнения и совесть у исполнителей репрессий. Наконец, легализация открыто связала круговой порукой общей ответственности весь механизм государственной власти фашистской Германии вплоть до самого маленького исполнителя.

Легализация шовинизма и антисемитизма дала возможность нацистам на основе «общей» борьбы сплотить разные

социальные слои Германии; позволила «унифицировать» недовольство профашистски настроенных масс и отвлечь их внимание от необходимости кардинального решения социально-экономических проблем. Таким образом, и в расовых мероприятиях, как и во всех остальных, нацисты всегда исходили из интересов политики.

Третий период — начало второй мировой войны. Ликвидована безработица на основе максимального развития военной промышленности, наблюдается общий подъем жизненного уровня населения на базе завоевания ряда европейских стран, удовлетворено исторически сложившееся самознание немецких бюргеров, мелкий буржуа обогатился за счет еврейских погромов. Немецкий бюргер был выдвинут на передовую линию политической борьбы и получил государственное признание. Сомнения крупной буржуазии в отношении сущности нацизма были устранены: национал-социалисты жестоко подавили антифашистские выступления трудящихся и, в первую очередь, КПГ и открыто встали на путь реваншизма. Антифашистская борьба крайне затруднилась.

Четвертый период — начало поражений в войне с Советским Союзом до полного краха фашистской Германии. Этот период характеризуется новым крайним усилением репрессий и искусственным взбадриванием населения пропагандистскими мифами.

При всем эклектицизме и частой смене демагогических идей фашистской политической идеологии можно выделить основные постоянные теории, находившие достаточно широкий отзвук среди населения Германии. Это так называемые позитивные теории, призванные к насаждению и укреплению определенных взглядов, и негативные, с помощью которых в дополнение к существующим репрессиям вытравливались прогрессивные взгляды и убеждения. Конечно, такое деление условно, поскольку насаждение одних взглядов есть в то же время вытеснение противоположных. И наоборот. Тем не менее это различие необходимо, особенно при рассмотрении вопроса о связи фашистской идеологии и искусства. Позитивные идеологические принципы определяют черты положительного героя, служащего образцом для подражания, или в более широком плане — художественного идеала. Нацисты учитывали, что психологически подражательная деятельность организуется легче, чем поведение на основе критики отрицательного.

Из «позитивных» теорий фашистской политической

идеологии наиболее распространенными являлись расизм, геополитика, культ силы, германизм, вождизм. Приняв на вооружение взгляды Гобино, Ляпужа, Чемберлена и их последователей, национал-социалистские идеологи превратили эти взгляды в основу своего мировоззрения. Согласно утверждениям Розенберга, борьба различных рас всегда составляла основное содержание как мировой истории, так и истории культуры. Гитлер прямо заявлял, что единственной предпосылкой выработки правильного мировоззрения является степень чистоты расы. Логика, знания, опыт имеют второстепенное значение по сравнению с инстинктом, если это инстинкт чистого в расовом отношении народа. Народ, чистый в расовом отношении, утверждал Гитлер, инстинктивно занимает правильные позиции во всех жизненно важных вопросах (48).

Таким образом, расистская теория превращалась в универсальную отмычку, оправдывающую любую политическую линию. Внутри страны с ее помощью можно было объяснить реальные противоречия как борьбу различных расовых элементов. Эта теория оправдывала репрессии, как искоренение расово чуждых элементов, подрывающих жизненную силу и будущее нации. Применительно к внешней политике она представляла воинственность и экспансию как право высшей нации повелевать низшими. Подобный пропагандистский момент — одна из важнейших причин широкого использования расистской теории в нацистской демагогии. Но решающую роль здесь сыграл тот факт, что расизм больше, чем другие спекуляции, импонировал психологии бюргерства, составлявшего массовую базу национал-социализма.

Разработка и использование нацистами своих теорий строились на учете реальных настроений и интересов определенных групп населения Германии, на которые рассчитывали национал-социалисты. Нацистские идеологи хорошо понимали мещанскую психологию и умело играли на противоречивых надеждах и чувствах мелких буржуа, направляя их в нужную и выгодную империалистической буржуазии сторону. Расизм был и остается сейчас методом самоутверждения обывателя, позволяющим ему преодолеть свой «комплекс неполноценности», барьер, отделяющий его от respectable общества, которому он постоянно завидует, и почувствовать себя «существом высшего порядка». К тому же расистские теории — удобная форма «морального» оправдания грабежа имущества неарийцев.

Чтобы понять, какое место в нацистской идеологии занимала расовая теория, какие далеко идущие политические цели она преследовала, нужно кратко остановиться на ее основных посылах.

Они состоят в следующем: божественная миссия Германии и немцев освободить мир (миф «рейха»); немцы — наследники арийской расы, которая дала миру все хорошее, великое, прогрессивное; еврей как антитип арийца — воплощение всего худшего. Постоянная борьба между ними; жизненное пространство; право и даже долг уничтожать «низшие» расы; антизападная направленность национал-социализма; либерализм, демократизм и гуманизм имеют антиарийский характер; антикапиталистическая, антибольшевистская «социалистическая» (как они говорили) направленность, ибо капитализм — изобретение евреев, а марксизм и большевизм несовместимы с расовой теорией (49).

Расизм, таким образом, был флагом всей идеологии нацизма. Практически политическое значение антисемитизма однозначно раскрыто в ответе Гитлера Раушнингу на его вопрос, собираются ли национал-социалисты «уничтожить всех евреев». Гитлер ответил: «Нет, тогда нам пришлось бы изобрести их. Нам нужен зримый, а не незримый враг» (50).

Следует подчеркнуть, что расистская политика проводилась без нанесения ущерба экономике. Обитатели гетто и концлагерей работали в военной промышленности. Меры по уничтожению квалифицированной рабочей силы и других дефицитных работников проводились после тщательного взвешивания всех «за» и «против», после подыскания замены и т. д.

Нацизм внес свои коррективы и в теорию расизма. Если для Шпенглера и ван ден Брука раса была чем-то мистическим, а определяющим ее фактором считалась душа, то для национал-социалистов учение о расах свелось к чистой биологии, приобрело основные признаки теоретических разработок племенного скотоводства. Существенную роль в этом сыграли взгляды теоретиков примитивной евгеники фон Эренфельза и Миттгарта, пропагандировавших идею искусственного выведения выдающейся человеческой расы. Эти «теоретики» считали, что произойдет (и происходит) вырождение расы, если каждый мужчина будет иметь возможность производить потомство. Логическим следствием этого чудовищного постулата являлось требование новой

сексуальной морали, которая, по мнению Эренфельза, должна была выражаться в переходе от моногамии к полигамии для «лучших мужчин» (51). Опираясь на подобные «идеи», нацисты применяли «евгенические методы» для «оздоровления» германской расы.

Нацистские идеологи рассматривали расу как сумму внешних признаков, определяемых кровным родством. Основными признаками арийской расы считались удлиненная голова (долихоцефалы), светлые волосы, голубые глаза и т. д. Арийцы безусловно наделялись всяческими добродетелями, в то время как «низшим расам» приписывались всевозможные пороки. На основе этих «признаков» нацисты проводили политику «расовой гигиены», приведшую к уничтожению миллионов людей. Однако среди фашистских идеологов не было полного единства в определении высшей расы. И это не случайно, ибо расистская теория противоречила историческим фактам и научным данным.

Теорию о «расе светлоголовых германцев», как якобы чистой расе прирожденных господ, подвергал аргументированной критике в 70—80-х годах XIX века Ф. Энгельс. Проанализировав большой научный материал, Ф. Энгельс делает вывод, что еще в доисторическую эпоху, когда светловолосые кельты и германцы пришли в Европу, они постепенно смешались с местным черноволосым населением — басками. Произошло смешение рас, и признак господствующей расы — светлые волосы — германцам приходилось восстанавливать искусственно: красить волосы в желтый цвет. «Немцы,— отмечал Ф. Энгельс,— отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время. По меньшей мере три расы предшествовали им» (52).

Нацистские эксперты по расовой теории не смущались однако оперировать историческими фактами, стилизуя их для своих целей. Это относится как к германским народностям, так и к населению других стран. Прагматический характер расовой теории определял и частую смену отдельных ее положений в зависимости от тактических задач и различных политических соображений. Например, установление тесных связей с Муссолини изменило отношение нацистской антропологии к «средиземной расе», заключение пакта с милитаристской Японией привело к переоценке расовых особенностей японцев.

Таким образом, расистская теория была одной из важнейших политических спекуляций нацизма, использовав-

шихся для обоснования как внутренней, так и внешней политики фашистской Германии.

Важное место в политической идеологии фашизма занимали идеи геополитической школы. Из всей суммы геополитических теорий нацистские идеологи особо выделили для своих целей теории «естественной границы», «жизненного пространства», «оптимального географо-экономического района» и биологическое учение о государстве. Все эти теории подбирались и модернизировались с таким расчетом, чтобы оправдать экспансионистскую политику фашистской Германии.

В соответствии с биологической теорией, переносившей закономерности развития живых существ на институт государства, нацисты объявляли Германию молодым государством, жизненной необходимостью которого якобы является динамичность, рост, максимальное раздвижение своих границ.

Характерная черта теории «естественной границы» — релятивизм, открывающий неограниченные возможности для любого произвола во внешней политике. На это обстоятельство указывал еще Ф. Энгельс в своей работе «По и Рейн» (53). Теория «естественных границ» использовалась нацистами для «обоснования» притязаний Германии на выход к Средиземному и Черному морям, к Пиренеям, Альпам и Уралу.

За короткий период нацистского правления резко изменилось отношение нацистских фюреров к теории «оптимального географо-экономического района». В начальный период нацистского правления был взят курс на экономическую автаркию, преследовавшую цель обеспечения полного самоснабжения для подготовки к войне. В соответствии с этим нацисты пропагандировали концепцию Зомбарта о распаде мирового хозяйства и неизбежности замены его системой «замкнутой национальной экономики». Однако, оккупировав ряд стран Европы, нацистские идеологи объявили национальные границы тормозом развития хозяйства и стали всячески прокламировать идею межевропейского разделения производства. Ведущая роль в этом «разделении», безусловно, отводилась «третьему рейху».

Центральное место в геополитических спекуляциях нацизма занимала теория «жизненного пространства». В ее основе лежала геополитическая формула об обратной механической зависимости между плотностью населения и

жизненным уровнем. Игнорируя социально-экономические закономерности, фашистские идеологи сводили все дело к природному фактору. При таком подходе жизненные интересы и будущее народа непосредственно связывались с наличием или отсутствием у него «достаточного пространства». Фашистский теоретик Х. Пфлюг с пафосом подчеркивал, что «связь между нехваткой жизненного пространства и судьбой народа, земельным пространством и мировой политикой — это не абстрактная проблема, а вопрос существования нашего народа» (54). Произвольно подбирая факты и манипулируя ими, нацистские идеологи пытались доказать, что в мире наряду с «невыносимой теснотой и перенаселенностью» существуют страны, жители которых не в состоянии осваивать свою территорию. По утверждению геополитиков, рано или поздно голод вынудит других прийти в подобные страны. При этом нацисты никогда не сопоставляли плотность населения Германии с плотностью в таких государствах, как Бельгия, Голландия, Англия, где она была значительно выше, хотя именно эти страны в первую очередь подверглись фашистской агрессии (55).

Теория «жизненного пространства» явилась одним из важнейших идеологических «обоснований» нацистской политики экспансии. Ею прикрывался любой акт агрессии. Но особенно широкое распространение в фашистской пропаганде она получила в период «похода на Восток».

Практическое значение геополитических идей в нацистских спекуляциях состояло в том, что, дополняя расистские теории, они давали доступные рядовому обывателю «аргументы» в пользу захвата чужих территорий. В соединении с теорией «избранного народа господ» геополитика превращалась в эффективное орудие реваншистского монополистического капитала. Она позволяла мобилизовать всех недовольных своим социально-экономическим положением немцев, не понимавших классовой природы неравенства в буржуазном обществе, и направить это недовольство на внешнюю агрессию. Геополитика служила и служит сейчас не только идеологическим обоснованием внешней функции реакционного монополистического капитала, но и демагогическим средством отвлечения рабочего класса и всех угнетенных слоев населения от внутренних задач классовой борьбы за социальное переустройство мира.

Отличительной чертой фашистской политической идеологии с самого начала являлась проповедь культа силы. Спекулируя на националистических настроениях бюргерских

масс, обостренных Версальским договором и экономическим кризисом конца 20-х годов, нацисты делали ставку не просто на прокламирование справедливости и географо-историко-политической необходимости осуществления ложно представленных национальных интересов германского народа, а на реализацию этих интересов «решительными методами».

Нацистская пропаганда постоянно использовала миф «культы силы» для возбуждения и активизации населения Германии. Всячески восхваляя звериные инстинкты и ненависть к человеку другой расы, нацистские идеологи обрушивались на миролюбие, гуманизм и культуру. Гуманизм они называли мешаниной глупости, трусости и высокомерной чванливости. Культ силы стал определяющим в воспитании подрастающего поколения. Ему уделялось главное внимание в учебных заведениях, во всех молодежных организациях, в штурмовых отрядах, на предприятиях, в армии. Пропаганда культа силы была возложена и на искусство. Именно эта сторона политической идеологии фашизма оказала решающее воздействие на формирование соответствующего эстетического идеала. Всемирное распространение подобных взглядов нацистами способствовало развитию агрессивности и садизма у мещанской части населения Германии, что облегчило проведение фашистской политики захватов и изуверств.

Большое значение фашистская политическая идеология уделяла борьбе с «капитализмом», либерализмом, демократией и марксизмом. Фашистские идеологи соединяли идею традиционного германского национализма (близкого и привычного обывателю) с «критикой» капитализма, которая импонировала трудящимся массам и получала поддержку некоторой части левых и центристских сил. В этом особенно ярко проявлялся демагогический характер нацистской пропаганды.

Если националистические идеи ясно показывали связь фашистской идеологии с монархическими, реакционными силами, отражавшими интересы правящих классов, то спекуляции на антикапитализме позволяли НСДАП выдавать себя за партию социальных изменений, прогресса, революции. Эти спекуляции преследовали цель привлечь на свою сторону мелкобуржуазные массы. Во имя этого же демагогически прокламировался «социальный национализм», проникнутый «сознанием своей ответственности перед обще-

ством» и находивший широкий отклик у бюргерских и политически незрелых масс Германии, и, наконец, «социализм».

Теория гитлеровского «социализма» полностью вытеснила «антикапитализм» в начале 30-х годов, когда нацисты пришли к власти и отряды СА, которые в нацистской партии наиболее рьяно выступали за «антикапитализм», были разгромлены Гитлером по требованию германской монополистической верхушки и рейхсвера, желавших видеть свое орудие более презентабельным. Социализм был для нацистской идеологии лишь модной вывеской, ширмой, прикрывавшей апологетику государственно-монополистической системы. Набор лозунгов, приманок, взятых из конкретных социально-экономических требований, активизировавших средние слои населения, соединялся с традиционным для Германии бюрократическим идеалом. Поэтому основным стержнем нацистского социализма стал стейтизм — высшая форма апологетики централизованной власти. Опираясь на Шпенглера, фашистские идеологи интерпретировали «социализм» как такую форму общественной организации, которая функционирует по принципу военной казармы. Эти спекуляции на понятии «социализм» использовались для обоснования «необходимости» борьбы с либерализмом, демократией, марксизмом. Из них же выводилась «необходимость» вождизма.

«Обосновывая» теорию вождизма, Гитлер нагло писал в «Майн кампф» о массе, что она так же мало осознает свое вопиющее духовное порабощение, как и крайнее издевательство над своей человеческой свободой. Массы видят только одну беспощадную силу и жестокость, которым, в конце концов, и подчиняются (56). Презрение к народу, жестокость, насилие и массовый террор — таковы важнейшие стороны принципа вождизма. Но в широкой пропаганде нацистская государственная система тотального насилия и беззакония изображалась как высшее проявление народовластия. Исходным моментом этой спекуляции было утверждение о народных истоках неограниченной власти верховного фюрера. По этой «теории» фюрер освобождался от всякой ответственности перед народом и обществом как высший выразитель народной судьбы, национального и расового духа.

Наиболее важной чертой фашистской политической идеологии был антимарксизм. Уже с самого возникновения

НСДАП нацистские идеологи искали такое пугало для обывателя, которое бы позволило привлечь на сторону фашизма самые различные социальные группы населения. Таким пугалом фашисты стремились представить марксизм, мировоззрение трудящихся масс. Делая ставку на борьбу со своим первейшим врагом — марксизмом и государством, которое провозгласило марксизм своей официальной идеологией, фашисты каждый раз вкладывали в понятие марксизма то, что им больше всего мешало в данный момент, либо просто было выгодно по тактическим соображениям.

Феномен антимарксизма все время держался на интересах и предрассудках мещанства Германии. Так, с самого начала фашистская политическая идеология изображала марксизм в виде порождения «еврейского духа». Под марксизм нацистами подводилось понятие либерализма и буржуазной демократии. В период борьбы против Веймарской республики нацисты объявили последнюю «марксистским государством», ибо благодаря участию социал-демократов в Веймарском правительстве оно часто расценивалось политически незрелыми массами, не говоря уже о сознательном искажении этого явления правыми радикалами, как «марксистское». Подписание Версальского договора, выплата контрибуции державам-победительницам, экономические трудности Германии периода Веймарской республики вызвали широкое недовольство и озлобленность в стране. Нацисты поспешили воспользоваться этим обстоятельством и привлечь на свою сторону мелкобуржуазную массу. Они активно выступили против Веймарского правительства, объявив его «марксистским». Эта позиция вызвала симпатии к НСДАП со стороны бюргерских масс и дала ей новых сторонников.

Характерно, что до войны с Советским Союзом нацистские идеологи постоянно говорили о необходимости борьбы с «марксизмом», а не с «коммунизмом», хотя практически они стремились натравить мещанские массы прежде всего против германских коммунистов. Аппарат фашистского террора после захвата власти нацистами также был направлен в первую очередь против коммунистов. Гитлеровским главарям тогда казалось, что понятие «антикоммунизм» является слишком узким для охвата всех объектов агрессивности нацистов. А в понятие «антимарксизм» они включали не только преследование коммунистов и социал-демократов, но и борьбу с Веймарской республикой, войну с Францией

и Англией. В начальный период второй мировой войны все свои внутренние трудности, не говоря уже о внешних, нацисты объясняли происками марксистов.

Рассматривая марксизм как главного противника национализма, нацисты сумели на основе антимарксизма соединить хотя бы временно различные националистические элементы Германии того времени и направить их на выполнение своей авантюристической политики. Антимарксистские лозунги находили поддержку не только у мелкой буржуазии, еще больше они устраивали германскую крупную буржуазию, ненависть которой к организованному рабочему движению постоянно возрастала. Во всяком случае монополистическая буржуазия, на первых порах поглядывавшая на Гитлера и его социальную демагогию с опаской, сделала все от нее зависящее, чтобы привести фашистов к власти.

Антимарксизм объединял НСДАП при всей ее демагогии, неприятно резавшей аристократический слух, с такими реакционными кругами, как дворянство, военная каста и высшее чиновничество, занимавшими в кайзеровской империи господствующее положение. Прагматизм обуславливает далеко идущую готовность эксплуататорских классов принять даже претящие им, частично идущие против их интересов элементы идеологии других социальных слоев во имя упрочения своей идеологии в целом, т. е. в конечном счете во имя своих политических интересов.

При этом нацистская пропаганда умело учитывала непосредственные интересы различных социальных слоев, часто носившие противоположный характер. Гитлеровская демагогия проводилась дифференцированно, с обещаниями всем всё и вся. Заигрывание с разными сословиями, лесть и посулы не знали границ. Среднему сословию Гитлер обещал ликвидацию крупных магазинов и устранение банковского капитала; безработным рабочим — работу и освобождение от ига капитализма; безработным служащим — конец засилья еврейско-марксистских пролетариев; всем вместе — новый немецкий рабочий класс — союз головы и кулака; крестьянам — надежду, что государство освободит их от долгов; тем, кто считал республику «красным ужасом», — обновление империи, возможно с Гогенцоллернами во главе; молодежи — новое, молодое государство вместо хилой «старой системы» — республики (57). Таким образом, национал-социализм выступал как панацея от всех бед и несчастий и на все времена.

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

---

1. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В НАЦИСТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ И «МИФ КРОВИ»

Антикоммунизм, вульгарная биологизация и прагматизм политической идеологии фашизма определили и его подход к эстетическим ценностям, законам их познания, к важнейшим принципам искусства. Взгляды нацистских теоретиков довольно часто менялись в зависимости от политических потребностей того или иного исторического момента. Никакой системы эстетики в строгом смысле слова практически не было. За все годы нацизма не вышло ни одного специального издания по эстетике. Но в речах и статьях нацистских лидеров и в отдельных работах можно выделить некоторые положения, свидетельствующие об «эстетических» взглядах нацистов. Эти положения касаются основных критериев эстетических ценностей, обосновывают новый идеал «красоты», разрабатывают правила национал-социалистской эстетики.

Большое внимание этим вопросам уделено в книге А. Розенберга «Миф XX века», впервые изданной в 1930 году. Розенбергу нельзя отказать в понимании психологии немецкого бюргера. Стремясь оторвать мелкую буржуазию от революционно-демократического движения, он отвергает буржуазно-демократические идеалы. В противовес им Розенберг выдвигает идеалы империалистической крупной буржуазии, которым придает форму, приемлемую для германского бюргера. Такой формой явился воинствующий национализм. В рамках националистического решения социальных и духовных вопросов эстетики фашизма успешно маскировали классовую сущность своей идеологии, уводили

массы от мыслей о классовой дифференциации. Националистическая основа позволяла разрабатывать теоретические построения, отвечавшие противоречивым духовным запросам мелкого буржуа, достаточно им понятные и вместе с тем окрашенные мистицизмом.

Проповедуя такие «ценности», как национализм, расизм, антикоммунизм, жестокость и силу, фашистская пропаганда широко спекулировала на мещанской психологии бюргера. Высокомерие, тщеславие, комплекс ущемленности, политическая инертность, иррационализм (месть интеллекту за свою необразованность, подчеркивание чувственности и мистицизма) — эти черты психологии немецкого мещанина стали благодатной почвой для нацистских идей. Гитлер, Геббельс, Розенберг неоднократно заявляли, что взамен уничтожаемых буржуазных «ценностей» необходимо создать новые — «позитивные» ценности для обработки масс в духе фашизма. «Миф крови», который Розенберг в своей книге объявил сущностью XX века, отвечал этим условиям и потому был нужен нацистам.

Известно, что миф является порождением примитивного группового сознания. В то же время он выступал своеобразной силой, сплачивавшей первобытный коллектив. На ранних этапах своего развития человек не мог выделить себя из окружающей среды и осознать как личность. Мифологическое сознание давало образ мира, природы и людей слитно, не расчлененно. В этом выражалось как непонимание мира, так и страх перед его могуществом, инстинктивная защита от стихии путем соединения с ней. К. Маркс и Ф. Энгельс считали подобное сознание первой исторически сложившейся формой, называя его «стадным», «бараньим» (1).

Групповой характер этого примитивного сознания определяется тем, что человек, еще не имея «своего собственного духовного мира», «живет общими для рода, для племени представлениями». Такие представления об окружающем мире носили «характер образов, слитых воедино с переживаниями и волевыми импульсами». Поэтому важнейшей чертой мифологического сознания является неспособность к критическому анализу, неспособность находить где бы то ни было логические, в нашем понимании, противоречия. В мифе нет критического отношения к действительности, а есть лишь примитивная апологетика ее. В нем откладываются и элементарные крупинки знаний, но в целом «это мо-

дель не столько мира, сколько поведения, его чисто иллюзорный регулятор» (2).

Элементы мифологического сознания остаются и сегодня, хотя уровень его другой, и возникает оно на иной основе. К. Маркс писал: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы» (3). Господство человека XX века над многими стихийными силами природы в значительной степени освобождает его от мифологического сознания. Однако непонимание законов общественного развития, причин различного социального положения людей в западном мире, путей и средств устранения эксплуатации и гнета является исходной основой существования мифологического мышления и в наши дни. Политически незрелый человек в современном буржуазном мире зачастую еще более бессилен перед стихией социальных явлений, чем дикарь перед природой. И так же, как последний, может не осознавать этого. Образно говоря, он может «быть рабом и считать себя господином», пишет в своей статье «Пути мифотворчества и пути искусства» А. Гулыга (4). Типичной иллюстрацией этого положения являлось немецкое бюргерство при нацизме. Если же к этому добавить тенденцию бюргерства «желать быть обманутым» для усыпления собственной совести, что было столь характерно для психологии «добропорядочного» немца во времена нацизма, то картина будет еще яснее.

Такова реальная основа возможности существования мифологического мышления в современном мире, на которой могут искусственным путем насаждаться реакционные мифы нашего времени. Даже прогресс науки и техники в антагонистическом обществе создает условия и для возрождения самых примитивных форм сознания.

Каковы же эти условия?

Во-первых, научно-технический прогресс обостряет противоречия между трудом и капиталом и способствует росту материальных предпосылок для социалистической революции. Это вызывает новые усилия апологетов империализма любыми средствами остановить неизбежный ход истории. Этим объясняется стремление реакционных классов к мифотворчеству в наши дни, стремление заставить массы поверить мифам, воспринять их как реальность.

Во-вторых, растущая специализация знания. В условиях

антагонистического разделения труда формируется особый тип мышления. Ему чужда самостоятельная оценка общей социальной ситуации, он легко принимает на веру чужие мнения. Здесь следует иметь в виду, что неоднократные повторения даже откровенного вымысла в конце концов заставляют людей воспринимать его как реальность. Это хорошо усвоили нацистские главарь, которые таким путем создавали иллюзию реальности нужного им мифа.

В-третьих, монополизация производства и стандартизация всей общественной и личной жизни в условиях империализма ведут к духовной инертности определенной части масс, апатии, притуплению чувства социальной ответственности человека. «Успокоительный» миф идентифицирует индивида с общественным целым, освобождает его от необходимости думать, снимает вопрос о личной ответственности и вырабатывает стандартные образцы поведения, которым нужно лишь слепо следовать. Тем самым психологически снимаются проблемы одиночества, неуверенности и страха и заменяются коллективным умиротворением.

Очень ярко этот процесс изображает Т. Мани в своей статье «Внимание, Европа!»: «Вакхический момент... мы находим снова... в коллективном опьянении, в чисто эгоистическо-чувственном, не несущем в себе ничего реального, наслаждении молодого человека от массовости маршей под пение песен, представляющих собой смесь деградировавшей народной песни с газетной передовицей. Эта молодежь любит лишенное личной жизненной ответственности растворение в массовом ради него самого (растворения) и цель марша не очень беспокоит ее... Массовое опьянение, освобождающее от личного «Я» и его бремени, является самоцелью; связанные с ним идеи «государства», «социализма», «величия фатерланда» становятся более или менее второстепенными, подчиненными и, собственно говоря, лишними: целью становится опьянение, освобождение от личного «Я», от мышления, точнее говоря, от морали и разума вообще, и, конечно, от страха, страха перед жизнью, который заставляет сплываться...» (5)

Наконец — средства массовой коммуникации. Они открывают невиданные доселе возможности для манипулирования сознанием обывателя, превращают любую иллюзию во всеобщее достояние. Недаром Геббельс однажды заявил, что без пропаганды не было бы фашизма. Речь идет о той роли, которая отводилась нацистами средствам массовой коммуникации.

Все это способно превратить миф, иррациональный образ в опасную социальную силу, которая может на определенный период задурманить людей и объединить их в массовое движение при отсутствии или умалении научной идеологии. Фашизм и явился таким движением, которому временно удалось в определенных условиях реализовать идею реакционного мифа в больших масштабах. Миф стал основой идеологии национал-социализма. Воздействуя на низменные инстинкты и предрассудки толпы, постоянно подогревая ее энтузиазм, нацисты стремились деформировать и извратить национальные, политические, моральные, эстетические представления людей и, искусственно внушая им «новые ценности», мобилизовать массы для выполнения своих чужденоненавистнических целей. Этой задаче как нельзя лучше соответствовал расовый «миф крови», «теоретически» обоснованный А. Розенбергом (чистота арийской крови, превосходство нордической расы господ, антисемитизм), со всеми специфическими чертами примитивно-мифологического сознания, да еще подкрепленного псевдонаучными «аргументами».

Для развития стадной чувственности использовались ритуалы массовых сборищ, факельные шествия в ночное время, театрално-игровые представления в присутствии десятков тысяч людей. Воздействуя с помощью культовой символики на психику человека, нацисты стремились добиться от всей нации поклонения мистическим силам крови, фюреру и правящей элите. Воспевая предания о «великом прошлом», о «зове» павших героев, о «голосе крови», требующем устранить «несправедливость» к немцам, фашистская пропаганда, с одной стороны, насаждала агрессивность, с другой, возводила в норму самопожертвование во имя «вечной немецкой судьбы» и «рейха». В то же время нацистские идеологи постоянно подогревали шовинистические настроения бюргерских масс своими прокламациями об избранности «нордической расы господ», призванной повелевать миром, и сулили манну небесную каждому немцу за счет ограбления «неполноценных» народов. Все эти пропагандистско-идеологические моменты вместе со строгим иерархическим членением, железной дисциплиной и тоталитарным порядком составляли сущность расового «мифа крови», с помощью которого нацисты стремились сцементировать нацию и превратить ее в орудие реакционного монополистического капитала.

«Миф крови» определял и аксиологические критерии на-

цизма. «Раса, являющаяся иносказательным выражением души, все расовое достояние ценны сами по себе без соотнесения с бескровными ценностями, исключаящими естественное, или с воззрениями материалистов, которые рассматривают происходящее только во времени и пространстве, не видя в этом величайшую и абсолютную из всех тайн», — писал Розенберг. Речь здесь идет о крови, струящейся «по жилам любой подлинной народности и любой культуры» вне времени и пространства (6).

С этих позиций Розенберг нанизывает всю историю культуры на стержень «нордической расы», к которому она якобы стремилась, и исходя из этого определяет ведущую роль в мировой цивилизации германской Европы, «одарившей» мир «новой верой». Этой верой является «миф крови», вера в то, что в крови заключается «божественная сущность человека». Основывающаяся на этом знании вера в нордическую кровь «представляет собой мистерию, которая заменила и преодолела старые таинства» (7).

В тесной связи с общей постановкой проблемы мифа стоит в нацистской идеологии и вопрос об эстетических ценностях. Рассмотрение эстетического явления как ценности означает, что художественное произведение анализируется не само по себе, а в его взаимодействии с субъектом, для которого оно предназначено. При этом характер эстетической реакции зависит как от степени эстетической зрелости воспринимающего субъекта, так и от эстетических возможностей объекта восприятия. По мере повышения культуры масс, развития эстетических вкусов народа, главного потребителя искусства, увеличивается роль субъективного фактора в восприятии художественных произведений. Искусство все в большей мере становится результатом творческой деятельности не только художника — создателя того или иного произведения, но и зрителя, ибо оно не отделено от массового эстетического сознания, а является его непосредственным продолжением и развитием.

Понимая это, нацисты искусственно снижали уровень эстетического сознания масс, фабриковали нужные «третьему рейху» эстетические оценки со стороны «народа». Антиинтеллектуальность нацистского искусства, которое подстраивалось к уровню самого примитивного индивида, определялась стремлением фашистских главарей спекулировать на инстинктах «толпы» во имя осуществления своих антигуманных целей. Отсюда полная тождественность критерия «народности» критерию массовости в нацистском искусстве.

Нацисты пытались, с одной стороны, сознательно придать своему искусству открыто дидактический характер, а с другой, вели поиски форм восприятия искусства одновременно большой массой людей. Они исходили при этом из выдвинутого ими же тезиса: интеллект низшей единицы определяет поведение толпы.

Содержание художественного метода не может быть оторвано от эстетического идеала и соотношения этого идеала с действительностью. Могут быть, разумеется, идеалы, не совпадающие с объективными закономерностями общественного развития, а следовательно, и с коренными интересами народных масс. Именно таким был нацистский идеал всемирного тоталитарного государства людей «высшей расы». Этот идеал нашел свое оптимальное выражение в искусстве натурализма. Метод натуралистического, объективистского бытоописательства есть отказ от выражения в искусстве подлинного идеала. Фактически это путь вырождения искусства.

2. НАЦИСТСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПРЕКРАСНОГО, ТРАГИЧЕСКОГО И КОМИЧЕСКОГО

«Миф крови» дал нацистам возможность завуалировать полное подчинение категорий эстетики их политическим интересам. Исходным моментом этой дезориентации явилось нацистское понимание истины и, как ее частный случай, правды в искусстве. Розенберг предлагает в своей книге идею «органической истины». Органическая истина заключена в самой себе и выражается в целесообразности существа. Если существо целесообразно, оно развивается, если нет — погибает. Органическая истина включает логическую, созерцательную и волевою сферы в трехмерном выражении. При этом целесообразность и образ (сущность, с точки зрения созерцания) есть показатели не части «вечной истины», а сама истина. Логическая часть этой истины представлена деятельностью разума, созерцательная — искусством, а волевая — религией и моралью. Все части органической истины находятся на службе расово обусловленного народа (8). В соединении с расистской теорией о нордической расе — молодом, сильном, развивающемся народе, призванном гос-

подствовать,— органическая истина оправдывала любые действия нацистов как «целесообразных» существ. Другими словами, это был прагматизм, обоснованный биологической, животной необходимостью. Ложью в нацистской аргументации считается лишь то, что не приносит пользы нордической расе.

Сущность искусства, по мнению нацистов, составляет самовоплощение эстетической воли художника, силы, которую следует поставить рядом с героическим и нравственным. В основе любого произведения искусства, по теории Розенберга, лежит формирующая воля, которая ставит перед собой задачу «разбудить активные силы души». Причем волевой момент в искусстве нигде якобы не проявился так ярко, как в «нордическом искусстве». Отрывая художника от условий его творчества, нацисты спекулировали на выдающемся таланте Баха, Бетховена и других гениальных художников. По утверждению Розенберга, художественные шедевры — это не гениальное отражение жизненной правды в искусстве, а спонтанный «взрыв душевных сил». Из этого следовало, что эстетический критерий поступков героев для нацистов был связан не с прогрессивными или реакционными действиями, а лишь с «внутренней необходимостью» данных поступков в соответствии с расовыми интересами.

Что же является для нацистского героя «необходимостью», определяемой эстетической волей соответствующих авторов? Защита чести немецкой нации. Эти гордые слова означали на деле изуверство, не имеющее ничего общего с общечеловеческим содержанием понятия чести. Исходя из древнегерманского мифа чести, нацисты заявляли, что «великий германский рейх» есть дело «целестремленного союза мужчин», которые должны четко представлять себе высшую ценность будущей жизни: «Идея чести — национальной чести — будет концом и началом всех наших идей и поступков. Она не потерпит рядом с собой никакого другого равноценного центра силы, будь то христианская любовь, франкмассонская гуманность или римская философия» (9).

За каждым из этих отрицаемых нацистами «центров» стояло уничтожение определенных этических ценностей, завоеванных прогрессом человечества. Под видом отрицания христианской любви нацисты стремились остановить борьбу народов за национальное освобождение и социальное равенство. Под видом борьбы с франкмассонской гуманностью были ликвидированы элементарные основы либерально-буржуазной демократии. Под видом борьбы с римской фи-

лософией отрицалась личность как субъект права. Фашистское тоталитарное государство уничтожило всякую правовую защиту личности, а вместе с этим и все теоретические обоснования духовной свободы личности. Понятие «чести немецкой нации» есть, таким образом, миф, не соответствующий ни этимологии этого слова, ни общественно-исторической практике.

Известно, что в древнегреческом языке одним и тем же словом обозначалось понятие «прекрасный» и понятие «благородный». В целом ряде современных европейских языков термин «прекрасное» ведет свое происхождение от латинского слова, которое обладает ярко выраженной этической окраской. В творчестве истинно народном, писал А. М. Горький, «эстетика — учение о красоте — всегда тесно связано с этикой — учением о добре» (10). Нацистское же понимание прекрасного не имеет ничего общего с понятием добра. Причем сами фашистские теоретики искусства сознавали это и, чтобы развязать себе руки в области эстетических оценок, заявляли, что не существует «никаких абсолютных эстетических ценностей». Данное утверждение представляло собой предлог для того, чтобы эстетическое пространство считать «полым пространством», в которое «охотно посылает нас искусный талант многих подлинных и мнимых гениев» (11). Область эстетики для нацистов — чистая доска, на ней можно изобразить что угодно. И они делали все, чтобы изобразить на этой доске расовый идеал «красоты».

Розенберг писал в «Мифе XX века»: «Суждение о произведении искусства должно исходить из расово-народного идеала красоты и распространяться лишь на те круги, которые сознательно или бессознательно несут в своем сердце ту же идею красоты» (12). Высшим критерием «прекрасного» в искусстве с позиций нацистской эстетики считалось так называемое «здоровое», причем здоровое в ущерб интеллектуальному, ибо последнее рассматривалось как разложение (13).

Такое представление о прекрасном и о тесно связанном с ним героическом становится совершенно понятным в свете расистской теории фашизма, его практической политики евгеники и этаназии. Характерно, что физическая красота понималась нацистами не просто как физическое совершенство, а как «высшее совершенство» в соответствии с признаками «нордического типа». «Герой всегда красив особой расовой красотой», — утверждал Розенберг. Т. фон

Трота, развивая его мысль о прекрасном, говорил о «германском», «нордическом идеале красоты», «идеале нового телосложения». На этом был построен высший принцип оценки произведений искусства — масштаб «видовой чистоты» и «видового сходства». Все, что не подходило к признакам нордического типа в искусстве или было создано «неарийцем», отвергалось как недостойное, разлагающее (14). Принимая физические черты древнегреческого идеала красоты (и считая нацистское искусство развитием этих черт), теоретики национал-социализма отрицали его морально-интеллектуальную основу. Взамен идеала разума, добра и справедливости, неразрывно связанного с категорией прекрасного, нацисты выдвигали идеал жестокости и силы.

Розенберг считал, что отрицание «эстетической воли» является одной из «позорнейших глав немецкой эстетики». Он отвергал какую бы то ни было значимость художественных творений прошлого, если они не связаны с эстетическими идеалами нацизма. XIX век, по его мнению, характеризуется бесплодными поисками художников (Гоген, Ван Гог, Пикассо), приведшими к вырождению — экспрессионизму. В качестве образов нордического типа в литературе и искусстве Розенберг считает Дон Кихота (искаженный образ), Генриха II, Парсифаля, скульптуры святых, картины Тициана, Джорджоне, героев Данте и др.

Постулируя исходную общность своего и древнегреческого идеалов красоты, нацисты в то же время заявляли, что древнегреческое искусство лишено внутренней динамики и понимания расовой красоты как утверждения нордической расы. «Лицо Перикла и голова Фридриха Великого, — писал Розенберг, — два символа одной расовой души и одного расового первоначально общего идеала красоты». Но, в его понимании, «древнегреческое искусство — искусство неподвижности, статики», а нордическое искусство — «искусство динамики». Отсюда нацистский стиль искусства объявлялся стилем «деловитости», вещественности, древнегреческий же — стилем «индивидуальности». Величайшими произведениями Запада считались не те, которые изображали красоту, а те, которые были пронизаны «силами души», «поднимали ее изнутри» (15). Смысл этой субъективистской позиции однозначен: игнорирование специфики искусства во имя пропаганды мистической силы крови.

Результат таких представлений сказался быстро. Как пишет в своем интересном, но не свободном от штампов буржуазной пропаганды исследовании западногерманский

критик нацистской политики в области театрального искусства И. Пич, в 130 драматических спектаклях (из общего числа 323) сезона 1933/34 годов содержание главным образом составляли лозунговые репортажи, воспевавшие «героизм» нацистского движения или отечественную историю, в которой та или иная историческая личность изображалась как «замаскированный наци» (16).

Но антихудожественные произведения на сцене слабо воздействовали на чувства бюргеров и не давали тех пропагандистских результатов, на которые рассчитывали нацисты. В связи с этим геббельсовская пропаганда стала подчеркивать, что для благого намерения необходимо умение. Кроме того, нацистские главари не могли допустить, чтобы каждый художник, даже очень ортодоксальный, выступал с собственной интерпретацией национал-социалистской идеологии. Решать, какие настроения нужно было подогревать у масс в тот или иной момент, исходя из тактических соображений фашистской политики, могли только нацистские фюреры.

Но дело заключалось не только в тактике. Стремясь обеспечить себе массовую базу, нацистское движение продолжало скрывать свои подлинные цели. Даже в первые месяцы после захвата власти, вплоть до ликвидации ремовской оппозиции, допускались демагогические выпады против «эксплуататорского капитала», засилья «мировой буржуазии». Обманутые этими демагогическими лозунгами, да и самим провокационным названием гитлеровской партии (Национал-социалистская рабочая партия Германии), некоторые наивные авторы принимали все это за чистую монету и писали «рабочие» произведения социал-демократического толка, что совсем не импонировало монополистическому капиталу, стоявшему за спиной нацистов.

После первых месяцев господства фашистские культуртрегеры увидели, что даже при той физической и духовной диктатуре, которая была установлена в Германии, идеи нацизма, если не сознательно, то по наивности, могли стать предметом художественной дискуссии. Стремясь исключить подобную возможность, было дано указание различным художественным объединениям вообще не касаться современной жизни «третьего рейха». Эта линия продолжалась и в последующие годы. Один из лидеров культурной политики фашистской Германии В. Бест заявил: «Но писать пьесу о нашем настоящем было бы дерзостью по отношению к человеку, который одним только фактом своей жизни взорвал

границы всех поэтических зрелищ и стал образцом в действительности. Только недочеловеки или конъюнктурщики придумывают себе фюрера теперь, когда фюрер немецкого народа уже существует... Но кто понимает деяния фюрера, тот служит ему, а не воспевает его, ибо такие воспевания не поднимаются над культовыми песнопениями духовенства» (17).

Подобным же образом звучали аргументы Геббельса против использования современного материала в искусстве. В одной из речей, обращенных к культуртрегерам СА в 1937 году, он заявил, что лишь через 100—150 лет могут появиться драмы и фильмы, воссоздающие историю и кульминационные пункты нацистского движения (18). Фашистские заправилы требовали, чтобы произведения искусства выражали нацистские идеи, но не были бы непосредственно связаны по своему материалу с историей этого движения, в которой имелось много компрометирующих фактов.

Извращения видны и в нацистском толковании трагического в искусстве. В основе трагического, как известно, лежит непримиримый жизненный конфликт. В трагедии преимущественно находят отражение решающие общественные противоречия, носителем которых выступает трагический герой. С эстетической точки зрения объективно трагическими выступают гибель или страдание, имеющие общечеловеческое значение, выражающие определенные общественные закономерности. Через трагическое, как правило, утверждается идеал прекрасного: героическая борьба против социального зла, защита справедливости, принципов чести, свободы родины, интересов угнетенных в условиях, когда борющиеся не имеют достаточно сил для победы в настоящий момент. Отсюда трагедийная развязка — гибель героя. Ценой своей жизни он прокладывает дорогу новым идеям и отношениям. Чувство долга у героя превышает инстинкт самосохранения и стремление к личному благополучию. Особенностью раскрытия трагического во всех видах искусства является анализ мотивов действий героя. Различные мотивы действий героя определяют классификацию видов трагедийной борьбы, включая как высокую трагедию, когда герой осознанно избирает себе трагическую судьбу, так и условия трагического стечения обстоятельств, «трагической вины» и «трагических ошибок».

Ничего подобного не было в нацистской интерпретации трагического. Исходным моментом нацистской интерпретации трагического было демагогическое утверждение о ре-

шенности всех проблем в «третьем рейхе». После захвата власти Гитлером и установления фашистской диктатуры нацистами был провозглашен «1000-летний рейх» — без противоречий и конфликтов, высший уровень человеческого развития. Снятие всех проблем сделало излишним критическое мышление в «третьем рейхе». Тем самым нацизм отрицал объективную основу категории трагического. Трагедийные произведения могли существовать лишь в прошлом и за пределами нацистской Германии. Применительно к «третьему рейху» трагедийные произведения рассматривались нацистами как признак слабости, постоянно вызывавшей осуждение и даже презрение. В. Бест в своей демагогической книге «Народная драматургия» писал, что национал-социализм преодолел 1000-летнюю трагедию немецкого народа и теперь «трагика возможна только в области истории», поскольку германская современность наполнена творческим пониманием жизни, и «из раздробленности она превращается в единство» (19).

Хотя теоретики нацизма и утверждали, будто в третьей империи сняты все конфликты и установлено полное единство нации, все же в пропагандистском плане постоянно говорилось о необходимости борьбы со «смертельными врагами» внутри и вне страны. Главными объектами ненависти нацистов провозглашались мировой большевизм, демократы, либералы, евреи и нытики. Этот агрессивный характер идеологии и пропаганды был дополнительным средством решения той или иной цели: отвлекал массы от подлинных социально-политических проблем и натравливал их на вымышленные объекты агрессии в интересах реакционного монополистического капитала.

Подобные приемы искусственно формировали переживания, запрограммированные нацистской пропагандой. Исходная же политико-пропагандистская задача «третьего рейха» состояла в том, чтобы изобразить «общую картину законов жизни в духе национал-социализма» (20). На этой основе, разумеется, не могло развиваться подлинное искусство. Нацистские инъекции привели к тому, что, например, театр в «третьем рейхе» превратился в политико-публицистическое явление. Директивы нацистов требовали драм, которые являлись бы формой выражения их тоталитарных притязаний. Произведение должно было быть «народно-чистым», черпать свои силы «из недр расы», «народности и общности», короче говоря, — национал-социалистским.

Основой драмы, как и каждого произведения искусства,

объявлялись мораль национал-социализма и государственная необходимость, ибо жизненным условием произведения должна была быть не критика, а преданность государству. Нацисты считали, что переворот 1933 года давал материал, импульс трем-четырем поколениям немецких деятелей искусства и облегчал создание «героических пьес», посвященных нацистскому движению.

Те же задачи были поставлены перед исторической драмой. Обозреватель «Фелькишер беобахтер» В. Браумюллер писал: «История станет мифом, если ее рассматривать национал-социалистски». «В исторической драме можно найти доказательство генеалогии нашей расы, в ней некогда минувшее становится вечной действительностью» (21).

Эти требования совершенно четко показывают стремление нацистов к политической фальсификации исторических событий для подкрепления своей расистской идеологии и прославления нацистского государства.

Исторически сложившееся толкование драматического никак не подходило для нацизма. Они называли его уродством, неполноценностью и т. п. Нацистские теоретики заявляли, что драматические законы нацистского театра диктуются высшей, расовой идеологией, которая «имеет право разрушать законы старой эстетики» (22). Иными словами, нацисты игнорировали художественную специфику драматургии и превращали ее непосредственно в политическую пропаганду.

Это ярко видно из их понимания трагедии. Один из нацистских теоретиков Г. Андерс в статье «Превращение трагизма» в 1935 году писал, что «национал-социализм как воля к полноценности» прямо соответствует трагедии. В духе пропагандистских лозунгов о «единстве» немецкого народа, нации и судьбы нацистские идеологи от искусства заменяли трагедию индивидуума коллективной, «общинной» трагедией. Это называлось «революционным преобразованием» понятия трагизма. «Общинный трагизм», продолжал Андерс, отличается от индивидуального тем, что он вносит глубокие изменения в «структуру причин трагизма». «Не человек является предметом трагического изображения», а «немецкий народ» и «общность», с присущими им свойствами и ценностями (23).

Что же касается до безликого индивидуума, как частицы единого, то его «трагедия должна быть жестокой и неумолимой». «Человек должен безжалостно идти по пути; предназначенному ему судьбой», сочувствие к нему писа-

теля, заявляет В. Томас, есть «слабость, сентиментальность» (24). Человек в своей судьбе должен всегда иметь наивысшую и радостную готовность к смерти. Постоянное присутствие смерти, говорил Р. Шлёссер в речи для гитлерюгенд в 1937 году, придает жизни метафизическую ценность. В своем поражающем воображении цинизме нацист приходит к выводу, что «воля к жизни и жизненная активность лишь через смерть получают свое высшее моральное достоинство» (25).

Признание «трагического основного аккорда» исходным моментом жизни и радость смерти напоминают «новую деловитость». Но у нацистов радость смерти носит активный политический характер. Это радость смерти за фашистские человеконенавистнические идеи. Такая профанация лишает трагедию ее высокого героического звучания, ее гражданского, общечеловеческого пафоса. В представлении нацистов в новой трагедии речь идет не о понимании или непонимании своей миссии, не о счастье или несчастье, а о показе сугубо «автоматической» борьбы за «идею спасения народа, его существования и чести». Через ликвидацию трагедии индивидуума нацисты приходили к ликвидации трагедии в целом.

Так, В. Бест писал, что с победой национал-социализма понятие трагического уже не связано с «индивидуальным переживанием» или, вернее, «безответственным поведением», а является лишь нарушением «закона общности, крови». Если молодой человек, продолжал Бест в духе нацистской политики евгеники, колеблется между двумя женщинами — здоровой и больной — и выбирает здоровую, а больная кончает самоубийством, то «для нас в этом нет ничего трагического... Исключение больного элемента не может рассматриваться как трагический случай, оно должно рассматриваться как жизненная необходимость... соединение здоровых... никогда не несет трагической вины». С этих позиций Бест рассматривал «Травиату» как «насилие драматурга над законом жизни» (26).

Р. Шлёссер в той же речи говорил: «Мы не можем, как это делал натурализм, винить среду за трагичность судьбы, мы не можем так же, как это сделал Геббель в своей великолепной пьесе, видеть вину в существовании бытия, мешающего миру и его порядку, новое мышление видит в великой душе нашей расы трагическую первопричину как плодородную почву любого великого деяния» (27). Обобщенная формула нацистского понимания трагического та-

кова: «Выполнение... задачи перед связанной узами крови общностью дает меру, нарушение этой задачи выражает смысл трагического, характер нарушения определяет степень трагического» (28).

Отрицание закономерностей борьбы нового, нарождающегося со старым, как объективной основы трагического, превращение индивидуума в функциональную единицу метафизической расовой общности, провозглашение принципа государственной целесообразности вместо гуманистического общественного идеала, замена проблемы сознательного самоопределения героя иррациональным голосом крови, проповедь радости смерти во имя человеконенавистнических целей, квалификация трагической борьбы героя с реакционной системой «преступным поведением» — эти характерные черты нацистской интерпретации трагического означали разрушение одной из важнейших категорий эстетики, что не могло не влиять на деградацию всего «искусства» «третьего рейха». В первую очередь такое понимание трагического определяло убожество нацистской драмы. Большинство из них скорее напоминало мелодекламацию, чем драму. В пьесах отсутствовали подлинные жизненные конфликты и драматические ситуации, глубокие психологические переживания героев рассматривались как «интеллигентское нытье», «разлагающий либерализм». Столкновение равноценных по силе характеров полностью исключалось, так как непреклонным героическим характером мог обладать только нордический тип, «величие» которого «нельзя омрачать» изображением достойного ему противника, тем более что «расовый дух», по нацистской теории, является одним и общим для всех «героев». Вместо действия и развития сюжета пьесы наполнялись длинными диалогами и патетическими монологами об избранности немецкой расы, вечности судьбы, исторической миссии немцев, божественности фюрера, прусских традициях и т. п. Лозунги заменяли мысль, рецепты поведения — драматические коллизии, культовая атрибутика — художественный образ, политическая дидактика — идейно-эстетические переживания.

Особенно ярко это подтверждалось в придуманной нацистами новой форме драмы — тингтеатре¹, театре как

---

¹ Тингтеатр просуществовал недолго. И. Пич называет его «быстро прошедшим наваждением». После того, как тинговая игра стала в официальном театральном ведомстве «нежелательной» в силу своей нежизненности, она нашла свое прибежище в нацистских объединениях.

культовой игре на открытом воздухе. В этом театре широко применялись реквизиты нацистских церемоний: развевающиеся знамена, горящие факелы, передача священного огня, боевые звуки фанфар, торжественные колокола и т. д. Все эти средства, заменявшие декорации, имели значение символов власти нацизма. Орган, колокола, приподнятые части сцены создавали обстановку, напоминающую богослужение, только богом здесь был фюрер. Литературная или драматическая осмысленность исчезала за нагромождением эффектов, тинговая игра становилась «маршевым театром» и пропагандистским лицедейством с заранее распределенными ролями.

Использование в тинговом театре вместо фона развалин старинного нордического замка, церкви или «священного камня» создавало искаженную действительность и переносило зрителя в область мистического переживания. Подобные реквизиты определяли своеобразную форму нацистской драматургии. Здесь не могло быть никаких конфликтов и драматического развития. Только констатация фактов и лозунги. Вместо психологизма и выразительности — маршеобразный ритм, создававший торжественно-тяжелое зрелище. Главная цель такого театра состояла в подавлении и растворении личности и формировании единого типа через общность эмоций в духе догм нацистской пропаганды.

Один из нацистских теоретиков В. фон Шрамм даже разработал подробный перечень признаков, отличающих тингтеатр от традиционного театра. Он писал, что в отличие от общепринятого театра, где человек интерпретируется как «индивидуум, отдельная душа, личность, духовность, набожность», в нацистском тингтеатре человек выступает как «Тип, Общественная душа, Народ, Раса, Культ» (29).

Примечательно, что особое внимание в нацистских «действиях» уделялось внешности актеров, которых возводили в ранг идеала нацистской внешности. Чаще всего воспевался белокурый, сложенный по-солдатски, положительно настроенный «герой наступления», в то время как «сложный тип существа» всячески дискредитировался.

Если категории прекрасного и трагического еще как-то разрабатывались нацистскими деятелями в рамках общей идеологической концепции фашизма, то категории комического почти совсем не уделялось внимания. Во всяком случае мы не находим определения комического и его интерпретации в работах нацистских теоретиков. Нацисты относились к комедии и развлекательному жанру как к

«необходимому злу». В. Бест, с пренебрежением говоря о «кризисе комедии», подчеркивал, что национал-социалистский писатель, к какому бы поколению он ни относился, «почти неизбежно стремится к серьезной драме» (30).

Эстетическая категория комического служит для отражения и оценки в искусстве тех социальных явлений, нравов, обычаев, деятельности и поведения людей, которые в той или иной мере не соответствуют, противоречат объективной закономерности общественного развития и эстетическому идеалу прогрессивных общественных сил, а потому и осуждаются в форме осмеяния. В основе комического в искусстве лежит неожиданное разоблачение внутренней неполноценности лиц и социальных явлений, претендующих на полноценность. Другими словами, комическое является особой формой критики социальных противоречий. Осмеиваются попытки безобразного, исторически обреченного, бесчеловечного выдавать себя за прекрасное, прогрессивное, гуманное. Тем самым через комическое в конечном счете утверждается положительный идеал в жизни.

Органическую связь комического и комедии с противоречиями социально-исторического процесса глубоко раскрывает К. Маркс: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее *комедия*... Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество *весело* рассталось со своим прошлым» (31).

Таким образом, как содержание комического, так и его форма противоречили нацистской реакционной патетике и тоталитарной духовной диктатуре. Обстановка слезки, доносов, запугиваний, террора ни в коей мере не способствовала развитию юмора. Результатом этой атмосферы был все усиливающийся кризис немецкой комедийной драматургии. В некотором роде исключением были политические комедии, поставленные в первые годы фашистского режима. В них демагогически изображались «противоречия» между рабочими и финансовым капиталом, рабочими и представителями умственного труда. Это исключение диктовалось политикой заигрывания с трудящимися. Но подобная «социалистическая» тенденция вскоре так же оказалась ненужной. «Мы должны знать, что тип шванка¹ и комедии

---

¹ Шуточные народные рассказы, возникшие в Средневековье.

представляют не что иное, как ловко завуалированное выражение классово-борьбы, которая разлагает народ», — заявил В. Бест (32).

И тем не менее нацизм не мог совершенно отказаться от комедии. В нацистском комедийном жанре оставалась поверхностная развлекательная пьеса. Подобные пьесы в своем большинстве непосредственно не выполняли пропагандистской функции, однако косвенно служили укреплению нацистского режима. Нацисты рассматривали эти комедии как средство успокоения масс, «утешения» их иллюзиями. В 1937 году Геббельс говорил, что народ посещает театры, концерты, музеи и художественные галереи потому, что хочет видеть красивое и благородное, т. е. «то, что ему жизнь так часто и соблазнительно держит перед носом». «Часто мы даже совершенно не представляем себе того, как безрадостно в общем проходит жизнь народа... — заявлял этот демагог в минуту откровенности, — мир чудес и благородного видения должен здесь предстать перед его удивленными глазами. С наивной и непрерываемой радостью игры он подходит к иллюзиям искусства и при этом ему снится сон о заколдованном мире идеала, который мы в жизни только представляем себе, но никогда не получаем...» (33)

Это движение за «организацию оптимизма» или «уравновешивание» психики людей особенно усилилось с началом второй мировой войны, когда доведенная до крайности концентрация всех человеческих (и технических) сил Германии была подчинена идеям нацистской агрессии. Как писал нацистский теоретик Калленбах, уравновешивание психики в «третьем рейхе» служит в конечном счете непосредственно политической задаче концентрации всех сил. Он заявил, что его можно бы назвать «необходимым злом», если бы это определение не слишком однозначно связывалось с представлением об отрицательном. Уравновешивание, продолжал Калленбах, представляет собой, выражаясь точнее, «выжидающий фактор». Оно есть перерыв для отдыха, без которого человек не может обходиться длительное время, такой перерыв, который является «выжидающим мгновением, но в большом и в целом должен быть рассмотрен как положительный, так как он именно путем преходящего разряжения работает для последующей и тем самым более усиленной концентрации» (34).

Эти высказывания говорят о том, что хотя «безобидные» развлекательные пьесы не соответствовали центральной ли-

нии нацистского искусства — быть средством политической обработки масс, тем не менее они имели тот же конечный смысл. Развлекательные пьесы, как и другие жанры драматургии и виды нацистского искусства, стремились лишить человека реальной жизненной правды, придать иллюзиям с помощью слепой веры характер фактов. Предоставлением возможности такого бегства в мир несбыточных грез нацисты рассчитывали отвлечь людей от реальной жизни, заставить их меньше думать о действительности, а больше верить в грядущие радости рейха.

Более того, при помощи комедийного развлекательного жанра нацисты стремились разрушить мир сложившихся духовных и эстетических ценностей и тем самым подготовить массы для восприятия нацистского мировоззрения. Иными словами, существование комического в нацистском искусстве допускалось в той форме и степени, в какой это служило целям политической пропаганды. Реальная же несовместимость фашистского режима с комическим определяла убогость комедийной драматургии «третьего рейха».

3. ДЕМАГОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ НАЦИСТСКОГО «ИСКУССТВА»

Если назвать нацистский примитивизм искусством, то из всех его видов наибольшее развитие в фашистской Германии получили театр и кино. Театр, с одной стороны, служил средством укрепления духовной диктатуры внутри страны, а с другой, выполнял функцию сохранения культурного престижа фашистской Германии. Правда, последняя функция носила временный характер, в основном до тех пор, пока фашистская Германия не имела сил начать мировую войну и была вынуждена считаться с международным общественным мнением. Официально выражая театральную политику «третьего рейха» начального периода, Г. Йост заявил, что театр является «абсолютно представительным культурным лицом нового рейха», «решающим форумом» выражения «для заграничной оценки того, чего хочет и чем является Адольф Гитлер» (35).

Скрывая перед границей фашистскую духовную дик-

татуру, варварское уничтожение произведений литературы и изобразительного искусства, разрушение традиционных эстетических ценностей, подчинение всех видов искусства «расовому принципу», замену интеллекта «расовым инстинктом» и «однозначный примат политики в искусстве и литературе» (36), нацистские идеологи заявляли о высшем развитии искусства в «третьем рейхе». Так, характеризуя функции театра, Геббельс говорил в 1938 году на театральной неделе в Вене, что «Германия была и есть родина мирового театра вообще, и наша культурно-политическая задача заключается в том, чтобы сохранить эту великую театрально-историческую миссию...» (37) В этом явно не соответствовавшем действительности утверждении кроме всего прочего была сформулирована внешняя задача театра — создавать видимость «активизации» и «демократизации» культурной жизни в гитлеровской Германии.

В своем демагогическом стремлении возложить на театр функцию приукрашивания «культурного фасада» фашистской диктатуры, нацистские идеологи, как справедливо пишет И. Пич, полагали, что театр обладает такими специфическими чертами, которые позволяют показать видимость демократичности культуры без особого опасения роста радикальных настроений. Во-первых, постановка спектакля не являлась «документом вечности». Во-вторых, по сравнению с некоторыми другими видами искусства (литература, кино) круг лиц, непосредственно его воспринимавших, менее широк. И, в-третьих, смысл спектакля мог варьироваться в зависимости от времени и места представления. Поэтому нацисты считали, что «риск радикализма» здесь был меньше, чем в каком-либо другом виде искусства (38). Однако главная задача театра, как и других видов «искусства» «третьего рейха», состояла в пропаганде и насаждении чужденоненавистнической идеологии нацизма. Т. фон Трота в статье «Раса и сцена» в 1934 году писал: «Сегодня мы знаем, что никакая политическая идея не продержится долго без ее культурного воплощения. Не может быть по-иному и с расовыми теориями нового рейха» (39).

Понимая силу эмоционального воздействия театрального искусства на человека, его глубокие культурные традиции и общественный авторитет, фашистские культуртрегеры использовали все это в своих реакционных политических целях и, демагогически ссылаясь на крупнейших драматургов прошлого, называли театр «моральным учреждением». Театр как «моральное», в нацистском понимании, учреж-

дение, должен был подавить «культурбольшевизм», демократизм, либерализм и обеспечить господство «чистого аризма», являвшегося главным теоретическим «аргументом» физического и духовного насилия в фашистской Германии.

Обе функции нацистского театра были неразрывно связаны. Украшая свой внешний культурный фасад (зарубежные гастроли различных немецких трупп, демонстрация отдельных спектаклей иностранным дипломатам и официальным гостям) главари «третьего рейха», с одной стороны, в какой-то мере дезавуировали свою человеконенавистническую, антидемократическую сущность в глазах доверчивых либералов Запада, а с другой, давали своим сторонникам фальшивую аргументацию в защиту рейха. Это отсрочивало прозрение и укрепляло позиции фашизма как вне, так и внутри страны, ибо облегчало подавление внутренней оппозиции нацистским доктринам и практической политике в самой Германии. Подавление же прогрессивных сил внутри страны и сокращение противников режима с помощью нацистского оболванивания средствами искусства в целом сокращало энергию протеста, что могло толковаться за границей как удовлетворенность внутренним положением основной массы населения.

Следует отметить, что театр в фашистской Германии выполнял еще функцию представительства нацистской элиты. Ближайшее окружение Гитлера, занявшее после переворота 1933 года высшие государственные и политические посты, по своей социальной и духовной сущности являло собой в прошлом мелкую буржуазию, не сумевшую занять более или менее видного положения в обществе. Мечта о власти, богатстве и уважении себе подобных привела их в нацистское движение.

По мере возрастания политического влияния Гитлера, главным образом за счет поддержки монополистических кругов буржуазии, он все больше стремился преодолеть антипатию к себе буржуазной верхушки, сблизиться с нею. Как ни парадоксально, снабжая гитлеровскую партию деньгами и укрепляя ее политическое влияние, господствующие круги буржуазной Германии продолжали относиться к Гитлеру с презрением. Характерен даже такой мелкий штрих. Шахт, широко финансируя НСДАП, не подавал руки Гитлеру вплоть до назначения последнего канцлером. В определенной мере это отношение распространялось и на всю нацистскую верхушку.

Придя к власти, мелкие буржуа всеми силами пытались скрыть собственное ничтожество и добиться почитания, поклонения и признания своего «аристократизма». Одной из форм такого иллюзорного утверждения и был театр, внешний блеск которого должен был возвысить их персоны, как компенсацию за былое пренебрежение, и показать правомерность осуществляемого ими элитарного господства.

Что же касается кинематографии, то нацисты с самого момента прихода к власти ставили перед ней одну задачу — пропагандистскую обработку масс в духе нацистской идеологии. Основываясь на необычайно широких возможностях распространения киноискусства, фашистская государственная система рассматривала кинопродукцию лишь как средство политического воздействия на население.

Полностью отрицая прогрессивные достижения кинематографии прошлого, нацистские авторы заявляли, что немецкая публика до захвата власти Гитлером лишь из года в год «основательно портила желудок деликатесами, которые в большинстве случаев были несвежими и даже гнилыми». Такими «деликатесами» нацисты считали в первую очередь психологизм и интеллектуальность. Определяя основные черты «нового» киноискусства, Розенберг подчеркивал, что первый его завет — «не заниматься психологией, а передавать сюжет» (40). Один из руководителей нацистской кинематографии Ф. Хиплер заявлял, что фильм, в отличие от других видов искусства, оказывает особо сильное пропагандистское влияние благодаря своему эффективному воздействию на «чувственное», на «неинтеллектуальное». Еще в первый год нацистского режима биограф Гитлера и Геринга Р. Мушлер писал в «Дойче культурвахт»: «Мы хотим воспринимать ритмику души, а не такт шагов в ногу с международными интеллигентами» (41).

В основе этих требований лежала нацистская теория об освобождении «чисто человеческих» сил души и крови, «задавленных разумом». В то же время нацистские бонзы требовали художественных достоинств фильмов, говорили о завоевании лучших кинотеатров мира. Эти задачи были несовместимы. За небольшим исключением нацистская кинопродукция не пользовалась успехом.

Главная цель нацистской драматургии и киноискусства состояла в том, чтобы вызвать у зрителя определенные политические настроения в духе фашистской пропаганды. Эти

настроения можно условно разделить на нацистскую апологетику и мотивы ненависти. Произведений, ставящих задачу прославления нацистских идей посредством апелляции к «положительным» эмоциям человека, было, пожалуй, больше, чем призванных вызвать ненависть. Фальсифицируя содержание различных моральных ценностей, нацистская пропаганда стремилась возбудить в мещанских массах чувства «величия», «гордости», «восторга», «вдохновения», «радости», «умиления» идеями и практикой фашизма. Для этой цели использовались все средства, в том числе и «художественные». Нацистские идеологи считали, что апологетическая пропаганда даст больше эффекта, чем спекуляции на негативных настроениях. Хотя в нацистской «морали» негативное подменялось позитивным и наоборот. Так, например, возбуждалось чувство «радости» в связи с преследованием и уничтожением невинных людей «чужого рода». Поэтому, условно выделяя два направления в нацистской идеологической обработке населения Германии художественными средствами, мы исходим не из действительного содержания тех или других моральных категорий и не из тех психологических восприятий, которые они вызывали у прогрессивных людей, а из тех эмоциональных настроений, которые нацисты рассчитывали вызвать и часто вызывали у мещанства.

Классификация фашистских «идеалов» позволяет выделить ряд основных направлений пропагандистской обработки населения «третьего рейха». Это, прежде всего, *фальсификация исторических событий и фигур* с целью «выявления» предшественников нацистских идей. Тон историко-политических спектаклей был задан геббельсовской пропагандой: все, что происходило до возникновения нацистского движения, объявлялось либо ошибочным и подвергалось критике, либо рассматривалось как первые интуитивные шаги в борьбе за нацистские «идеалы». Постоянное стремление «открыть» в истории «великогерманские устремления», «народные деяния», «германскую веру в бога в борьбе с римскими тенденциями» определяло псевдоисторический характер этих спектаклей.

Общая черта историко-политических нацистских суждений — фальсификация исторических событий и фигур, придание им мифического характера. Одним из таких мифов явилось заявление Розенберга о том, что автором идеи германского рейха должен считаться не Карл Великий, а саксонский герцог Видукинд. На основе этого мифа был соз-

дан, в частности, спектакль Ф. Форстера «Победитель» (1934 г.), в котором саксонский герцог показан как сильный и смелый человек, проявивший все нордически-германские достоинства. Названная пьеса — яркий пример сплошной фальсификации истории. В ней искажался факт создания империи, фальсифицировалась роль христианства, неоправданно идеализировался Видукинд. Целью этих искажений, преувеличений, эклектического соединения прошлого и настоящего было превознесение «третьего рейха», как эпохи «спасения» нации от исторических заблуждений. К откровенным вымыслам прибегнул и автор драмы «Видукинд» (1935 г.) Э. Кисс.

Несколько пьес было поставлено о Генрихе I, которого нацисты провозгласили «народным королем», а его склеп в Кведленбургском соборе сделали местом священного поклонения и реакционных культовых сборищ. Те же политические цели преследовали драмы Э. Г. Кольбенхейера и К. Лангенбека о Генрихе VI; их сюжет — борьба германцев с папскими притязаниями на власть.

Часто основой нацистской исторической драмы служила история Прусского государства. Воспевались Фридрих II (Фридрих Великий), Бисмарк, курфюрст Фридрих Вильгельм («Великий курфюрст»), считающийся одним из создателей юнкерско-милитаристского Прусского государства. С помощью этих пьес нацисты старались внушить массам мысль, что «третий рейх» является наследником агрессивных воинских традиций и казарменной муштры Пруссии.

Либерально-буржуазные критики нацистского искусства единодушно отмечают, что прусские мотивы вечного «призвания» Германии быть «освободителем» европейских народов от «восточных варваров», апелляция к солдатскому долгу и жестокости были эффективным средством осуществления нацистских идей о насилии. Главари «третьего рейха» постоянно использовали исторические параллели, особенно с Пруссией, для оправдания своей агрессивной политики. И. Пич, в частности, указывает на одержимость, с которой Геббельс ссылался в последние годы войны на Фридриха Великого как главного провозвестника грядущей «победы».

Обращаясь к далеким временам в поисках «предшественников» нацизма, фашистские идеологи не брезговали никакими приемами для создания «героев» собственной истории. Нацисты постоянно воспевали «павших 9 ноября

1923 года» в Мюнхене¹; «мученическую смерть» сутенера Хорста Весселя, убитого на почве личных счетов, а отнюдь не по политическим мотивам, как это представляла геббельсовская пропаганда; всячески распространяли легенду о Шлагетере, в которой молодой главарь «вольного корпуса»², не имевший никакого отношения к нацизму, изображен одним из первых «героев» национал-социалистского движения.

Эти легенды еще до захвата нацистами власти стали излюбленным средством фашистской пропаганды, рассчитанной на обывателя. Получив в свои руки систему государственной власти, нацисты широко использовали свои мифы и фальсификацию недавнего прошлого для завоевания мечтанских душ, особенно из числа молодежи. Уже в первые годы после захвата власти Гитлером ряд авторов выступил с пьесами о Весселе и Шлагетере. Именно к этому периоду относится пьеса «Шлагетер», написанная популярным среди нацистов драматургом Г. Йостом. Она была посвящена Гитлеру. В посвящении говорилось: «С любящим поклонением и неизменной верностью». Премьера состоялась в апреле 1933 года в день рождения фюрера. В Берлинском государственном театре собралось высшее руководство. Дебютировала Э. Зонеман — будущая жена Геринга. Известный немецкий реалистический актер А. Бассерман сыграл одну из последних ролей перед эмиграцией.

Широкое представительство на премьере нацистской верхушки способствовало успеху пьесы, на который она вряд ли могла претендовать сама по себе. Драматург стремился оправдать Шлагетера, изобразить его как героя национал-социализма, доказать, что Веймарская республика оклеветала и предала Шлагетера и задача национал-социалистов именно в том и состоит, чтобы воссоздать его «подлинное» историческое лицо. Чтобы понять, какие мысли

---

¹ Речь идет об авантюристической попытке германских фашистов произвести государственный переворот. 8 ноября 1923 года Гитлер, заключив блок с другим главарем немецких фашистов генералом Людендорфом, объявил себя в одном из кабаков Мюнхена правителем Германии. Отсюда возникло название этой авантюры — «Пивной путч». 9 ноября путч был подавлен.

² «Вольный корпус» — военная организация, возникшая в Германии после роспуска армии по Версальскому договору. Организация состояла из юнкеров и молодых офицеров, придерживавшихся крайне реакционных взглядов; использовалась для подавления рабочего движения. Подлинное лицо Весселя и Шлагетера раскрыто в книге Н. Корнева «Третья империя в лицах». М., 1937, с. 513—531.

внушала пьеса публике, рассмотрим политические сентенции, которые Йост вкладывал в уста Шлагетера и его соратников. «Когда я слышу слово «культура»,— говорит один из персонажей пьесы Фридрих Тиман,— я спускаю курок... Можешь ли ты всерьез назвать что-нибудь, что появилось на земле без крови и без резко выраженных фронтов? Повсюду... необходимо подорвать пару патрулей, прежде чем что-нибудь появится... Сначала солдаты! Солдаты создают факты. Мир... мы, люди,— и это не духи, а плоть и кровь, и законы жизни не духовны, а кровавы» (42).

Приемы, с помощью которых Йост добивался определенного эффекта своей пьесы, в отличие от многих других пропагандистских «творений» нацистских драматургов, были довольно просты. Он отказался от выпренности и лозунгового пафоса. Пьеса увлекала определенную группу зрителей своими жестокими парадоксами, излагавшимися в полемической форме. Надо ли взорвать десяток, другой немцев, чтобы побудить к действиям против французов немецкую нацию в целом? Надо! Подорвать пару поездов с немцами-заложниками — это значит поджечь спирт, «чтобы довести до кипения душу народа», заявляет Убениц (43). Эта полемика была рассчитана так, чтобы оправдать самые варварские и изуверские действия нацистов.

Та же фальсификация исторических фактов, воспевание «мученичества» идеализированных нацистов проводилась в «третьем рейхе» посредством кинематографической продукции. Этому были посвящены такие фильмы, как «Ганс Вестмар», «Штурмовик Бранд», «Гитлерюнге X» и многие другие.

Поставленный в 1933 году режиссером Ф. Зейцем фильм «Штурмовик Бранд» преследовал цель показать, что высшее счастье для человека — быть штурмовиком и членом гитлерюгенд. В фильме изображалась семья штурмовика Бранда. Отец — социал-демократ, но мать втайне на стороне сына. Напротив них живет вдова со своим мальчиком (Эрихом) — членом гитлерюгенд. Они влачат жалкое существование; единственной их радостью является приобретение для сына униформы гитлерюгенд. Мать по ночам шьет, чтобы заработать деньги на коричневую рубашку. Бранд дружен с мальчиком и берет его под свою опеку, что особенно необходимо в их квартале, где живет много коммунистов. Коммунисты же преследуют членов СА и гитлерюгенд. Отряд гитлерюгенд, в котором идет и Эрих, подвергается нападению. В Эриха попадает «коварная пуля».

Бранд приносит его на руках к матери. Со словами «теперь я иду к фюреру» мальчик умирает. За окном раздается маршевая музыка СА. Наступил день национального «возвышения». Германия «свободна» (44).

Подобные приемы «героизации» истории, создание мифических борцов за идеи национал-социализма находили определенный отклик у бюргерских масс и нередко достигали своей цели. Однако главным нацистским средством обработки масс являлся миф фюрера. Содержание подавляющего числа нацистских пьес составляло восхваление личности политического, солдатского или просто «народного» предводителя в борьбе за интересы нации и государства. Всем этим пьесам была свойственна одна и та же тенденция — откровенное или аллегорическое восхваление «величайшего фюрера всех времен» и олицетворение в нем «добродетелей», прокламируемых нацистами. Этими «добродетелями» были в первую очередь властность, жестокость, воинственность, поднятые до уровня абсолютных ценностей.

В 1934 году состоялась премьера «фюрерской драмы» П. И. Кремерса «Ришелье». В образе Ришелье явно подразумевался фюрер «третьего рейха». В пьесе утверждалось, что фюреру присуща прометеевская божественность и собственный этический критерий.

В другой пьесе — «Последняя крепость» (1942 г.) В. Дойбеля — пропагандировался миф о военной гениальности А. Гитлера посредством параллели, проводимой между полководцем Гнайзенау и Гитлером. В дополнение к возвеличению Гитлера, пьеса претендовала на философское значение. В ней делалась попытка представить войну как «прародителя всех вещей» и всех великих деяний, внушить немцам, что война — это «вечная немецкая судьба», суровостью и величием которой нужно гордиться (45). Пьеса оказала нацистам большую услугу в качестве средства, способствовавшего пропагандистскому опьянению масс.

Следом за пьесой, посвященной крепости Кольберга, нацисты обращаются к той же теме в кино. Проблема удерживать любой ценой завоеванные территории в этот период была особенно актуальна для нацистов: капитуляция немецких войск под Сталинградом в феврале 1943 года явилась предвестником поражения фашистской Германии и уничтожения гитлеровского режима. После первых недель растерянности нацистская пропаганда взяла несколько иной тон, чем до Сталинграда. Вместо бравурного он стал

более истеричным. Идея — погибнуть, но не сдать — все чаще звучит в пропаганде. В этих условиях Геббельс дал задание В. Харлану поставить «фильм о стойкости» — «Кольберг». В конце 1943 года фильм вышел на экран. Его главная идея выражена словами одного из защитников Кольберга: «Наши дома могут сгореть, но наша земля останется». Однако стержень фильма — это преданность Гнайзенау фюреру.

Миф фюрера пронизывал и многие другие нацистские фильмы. Так, в националистически-воинственном фильме «Беглецы» (1933 г.) режиссера Г. Уцики, изображавшем жизнь немцев, оторванных от родины, воспевается принцип фюрерства и радость смерти. Один из героев фильма говорит: «Умереть бы за что-то, я желаю себе смерти!» Как писал нацистский обозреватель, эти слова обобщают содержание фильма в его «последнем глубочайшем выводе» (46). Однако особенно изошрялись в пропаганде мотива фюреризма создатели фильмов о съездах нацистской партии. Наиболее «шумным» из них был «Триумф воли» (1935 г.) Л. Рифеншталь.

Большое место в нацистской драматургии и кинематографии занимало *воспевание крестьянства*, составлявшего основу *«мифа крови и почвы»*. Ставка на крестьянина (наряду, конечно, с рабочим и солдатом) определялась его социально-экономическим положением. Крестьянство являлось именно тем классом, который в силу своего консерватизма и недоверия к переворотам, нововведениям и демагогии было мало подвержен массовому опьянению. В то же время его раздробленность, мелкобуржуазная идеология и невысокий уровень политического сознания создавали условия для нацистского влияния.

По отношению к крестьянству нацистская пропаганда должна была использовать осторожные и в то же время достаточно эффективные средства. Стремясь привлечь крестьянство на свою сторону, нацистское руководство постоянно рекламировало деревню как сферу образцовой жизни и здоровой примитивности, призванной обновить всю культуру. Что же касается города, то он считался рассадником декадентства и опасного индивидуализма. Подобная проблематика являлась важной составной частью пропагандистского похода «за кровь и почву». «Крестьянская» драматургия «третьего рейха» и отражала сущность этих взглядов.

В сезон 1934/35 годов была поставлена пьеса Б. Веллен-

кампа «Лягушки из Бюшебюля». Староста деревни Гейд-прием, долго плававший по морям и возвратившийся домой врагом деревни, и бывший корабельный повар, потерявший уважение к родной почве в силу того, что он слишком долго чувствовал под ногами зыбкую палубу, решают срубить деревья у пруда и построить современную гостиницу с грязевыми ваннами. Сумасшедшие планы большого города полностью захватили их. Но все приходит в норму благодаря старому деревенскому оракулу и земельному советнику. В заключение, как пишет Х. Бреннер, показана «скотная ярмарка с танцами и слезами, флиртом и дракой, со всяческими шутками и вульгарностями». Староста смещается с должности. Победоносные лягушки квакают в летнюю ночь, на старой скамейке около пруда воркуют влюбленные молодые люди (47).

В пьесе В. Маттисена «Святая земля» дочь крестьянина, став образованной, потеряла себя, семью и родину, ибо ушла в город. Но в ней просыпаются голоса предков... Девушка умирает и появляется в виде мифического образа как прародительница. Тени, точнее души павших солдат, поют песню «о жертве и вере в родину и берут умирающую с собой в вечную родину». «Приросший корнями к земле, верный родине народ и крестьянство,— как писала нацистская пресса, оценивая эту драму,— победоносно утверждает в борьбе против вторжения жадного, декадентского мира» (48). Подобными пьесами в «третьем рейхе» утверждались нормы социального поведения и указывались санкции отностительно тех, кто их нарушал.

Однако приведенные пьесы были сравнительно безобидным проявлением «мифа крови и почвы». Чаще же этот миф выражал проповедь национализма, агрессивности и чистоты крови. Остановимся хотя бы на фильме «Возвращение домой» режиссера Г. Уцики. Фильм вышел на экран в канун нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и открыто преследовал агрессивные цели. Раскрывая судьбу немцев, возвращающихся в 1939 году на родину, создатели фильма подводят к причине «навязанной немцам борьбы за судьбу». Главная «идея» фильма состоит в попытке доказать, что Германия вовсе не стремится к империалистическим завоеваниям, она борется за признание жизненных прав немцев в этом мире, за обеспечение их существования. И то, на что жалуются правители разных стран с началом второй мировой войны, выразилось задолго до 1 сентября 1939 года «в судьбе фольксдойч»: жесто-

кая воля плутократических демократий, стремившихся убить, уничтожить, искоренить Германию и немцев (49). Этот фильм умело использовался геббельсовской пропагандой для разжигания военной истерии в фашистской Германии.

К «мифу крови и почвы» примыкала тема «наследственности и плодovitости». Она разрабатывалась как в «крестьянской» драме, так и в кино. Бездетность объявлялась виной против жизни и народа. Выдвигался и приобретал драматическое звучание принцип: поскольку земля несет плод, то и каждый отдельный человек, который обрабатывает эту землю, тоже должен нести плод. Эта проблема в более широком плане, «как вечная смена поколений в волнах времен», нашла выражение в фильме «Вечный лес» (1936 г.) режиссеров Г. Шпрингера и Р. фон Сонеvского-Ямровского. Главная идея фильма выражена аллегорически: «вечный лес — вечный народ» (50).

В духе «учения о крови и почве» была поставлена пьеса Р. Алера «Земля» (1936 г.). Ее герой Михаэль Хольг, поселенец-фронтвик, мечтает «быть мостом к грядущему свободному роду». Но несчастный случай обрекает его жену Марту на бесплодие. Михаэль в отчаянии. И тогда Марта добровольно принимает смерть. Идея пьесы: нежизнеспособное должно исчезнуть, человек, который не может исполнять свою «функцию», должен уступить место сильным и здоровым людям. Здесь мы видим прямое «обоснование» лженауки евгеники, принятой на вооружение в «третьем рейхе». Холодный биологический расчет оправдывается как новая «нравственность». В нацистском искусстве драма стала средством отражения одной из важнейших проблем политики — проблемы рождаемости.

Мотив материнства использовался нацистами, как это ни парадоксально, для пропаганды войны. В качестве примера можно назвать драму «Год 1000-й» (1940 г.) Ф. Лютцендорфа, поставленную в период войны, т. е. именно в то время, когда стал особенно актуальным призыв к «биологической воле». В пьесе повествуется о том, как, следуя «откровению Иоанна», народ ожидал в 1000-м году «конца света». Только одна беременная крестьянка Ханна, муж которой должен был уйти на войну, не готовилась к «концу света». Голос крови подсказывал ей вечное постоянство жизни и народа. И вот, когда в ожидании «последнего суда» народ вместе с кайзером собрался в предновогоднюю ночь в самом большом соборе, «внезапно появляется про-

светленная Ханна с родившимся ребенком на руках». Она сообщила радостную весть о вечности благодаря матерям человеческой жизни. С победой возвращается с войны и ее муж. Пьеса заканчивалась торжественным апофеозом «в честь женщины и мужчины — материнства и войны».

В своей проповеди нацистской идеологии автора отнюдь не смущает противоречивость утверждаемых постулатов — одновременное провозглашение «жизнеутверждающего принципа материнства и жизнеуничтожающего принципа войны». Причем он слишком ясно указывает на целевую функцию материнства — войну. Нацистская пропаганда тем самым разоблачала сама себя, распространяя реакционные и антинаучные идеи о «биологическом стремлении народа» к войне (51).

Нацисты сумели использовать в своих демагогических целях и проблему труда. *Миф труда*, созданный нацистами, нашел отражение в первую очередь в драматургии. Предоставление работы, главным образом за счет развития военной промышленности, миллионам безработных, сопровождаемое постоянной пропагандистской шумихой об этом «выдающемся успехе», дало возможность Гитлеру привлечь на свою сторону аполитичные слои населения и даже нейтрализовать отрицательное отношение к фашизму у некоторой части организованных рабочих. Получив элементарные условия своего существования и боясь их потерять, обыватель психологически был более подготовлен к восприятию нацистского насилия в социально-политической области.

Однако, запустив на полный ход военное производство, фашистский режим превратил свою «благотворительность» в отношении безработных в беззастенчивое «выжимание соков» из трудящихся, доведя это выжимание во время войны до настоящего порабощения. В противоположность социально-демагогическим произведениям начального периода нацизма, нацистская драма периода господства фашизма уже не заигрывала с рабочими и даже не старалась показать, будто выражает «интересы трудящихся» в борьбе с «непроизводительным, бюрократическим капиталом». Она откровенно защищала интересы господствующего класса.

Гитлеровская пропаганда не прекращала при этом воспевать сущность подобной практики. «Мы работаем не для того, чтобы жить, а живем для того, чтобы работать» — так примерно звучали лозунги, — пишет И. Пич, жившая в условиях фашистской Германии, — с помощью которых нацисты создавали «миф труда» (52). Показательна пьеса

Ф. В. Хьюмена «Бетон» (1938 г.), в которой на примере строительства моста изображается картина «самопожертвования в труде», воплощенная в поступке мастера. Никакие препятствия не могут помешать фанатично работающему мастеру идти к цели. Его не останавливает даже катастрофа и гибель множества людей, которую вызывает один из экспериментов.

Нужные нацистам идеи проводились и в комедиях, число которых, правда, резко сокращалось. Их содержанием было восхваление «великих» социальных деяний «третьего рейха» для улучшения жизни рабочего человека. В ряде пьес объектом сатирического осмеяния являлся профессор-интеллигент, не умеющий держать ружье, или даже предприниматель, в то время как мастер на все руки — рабочий, не научившийся считать деньги, изображался главной фигурой «третьего рейха». Эта демагогия была рассчитана на то, чтобы завуалировать реальный факт утраты трудящимися массами своих политических прав, увести их в мир нацистских иллюзий о равенстве всех под знаком свастики.

Что же касается *мотивов ненависти*, то посредством этих настроений нацистские драматурги пытались развить в людях определенные инстинкты и призвать их к действию. Главными объектами нацистской агрессии в политической области была демократия, в идеологической — марксизм, а в биологической — чуждые расы.

Выше уже говорилось, что в пьесах и фильмах, восхваляющих Шлагетера и Весселя, ответственность за гибель «героев» и «народные страдания» возлагалась нацистскими авторами на *демократию и либерализм*. Многие произведения, авторы которых брали сюжет из истории или современности, были направлены против парламентарной демократии. В них показывалась «бессмысленность» подобных государственных форм. Играя на действительных пороках капиталистического общества, нацистские авторы возлагали вину за них на демократию как социальное явление. Такие категории, как «демократия», «либерализм» и «свобода» постоянно отождествлялись с эксплуататорским капитализмом, анархией и порабощением трудящихся, причем фашистская диктатура выдвигалась как панацея от всех этих бед. Часто эти «идеи» подавались в примитивной аллегорической форме.

Наиболее характерна драма Мёллера «Гибель Карфагена» (1938 г.). Судя по названию, пьеса как будто воскрешала страницы далекой истории, в действительности же в

ней давалось понять, что речь идет о Берлине перед приходом к власти нацистов. По сюжету пьесы Карфаген — Германия после римских войн — представляет собой большую «расово и народно» подорванную продажную нацию, не желающую больше воевать и тем предающую интересы государства. Спасти «народ» может только лучший из всех, вождь молодежи, несущий в себе «героическое наследие предков», — Хаздрубал (Гитлер). Но его заточают в тюрьму. Хаздрубал гибнет, чтобы героической смертью искупить «позор и вину» своего пацифистского «народа» (53).

Практическая цель данной псевдоисторической мистификации ясна. Это возвеличение нацизма как «спасения» немецкой нации. Но ее философско-политическая направленность идет значительно дальше. Автор пытался возбудить у зрителей ненависть к демократической форме государственного правления и к демократии как общественному явлению. Демократическое движение, идеалы мирного взаимопонимания между народами, защита прав личности и гуманизма в этой пьесе изображались как наибольшее зло. Собственно говоря, это была та же демагогия, которой пользовалась геббельсовская пропаганда.

Много усилий прилагалось нацистами и к тому, чтобы вызвать массовую ненависть к «чужим расам», пробудить у рядовых граждан расистскую психологию. Тематика драматических произведений с этой идейной направленностью определялась новой «теорией» крови. Большей частью авторы прибегали к мотивам возвеличивания арийской расы, стараясь одновременно оправдать расовую ненависть и уничтожение «чужой» крови. Такие попытки предпринимались, в частности, в «исторической» драме Клюкке «Алья и немец» (1938 г.).

Те же мотивы проявились в драме Мёллера «Жертва», поставленной в декабре 1941 года. В ней прокламируется «неизбежность» и «справедливость» уничтожения людей «чужой», в данном случае славянской «крови». Попытки установить мир между различными «расами» объявляются не только невозможными, но и преступными по отношению к «арийской расе». Эта драма, приуроченная к началу «похода на Восток», имела целью представить жестокость к человеку другой расы «естественным правом» и активизировать расовую ненависть, как одно из главных мобилизующих средств новой агрессии (54).

В еще большей степени ненависть к представителям «чужой расы» была выражена в нацистской кинематогра-

фии. Достаточно назвать такие фильмы, как «Всадники немецкой Восточной Африки» (1934 г.), «Паромщица Мария» (1936 г.), «Ротшильды» (1940 г.), «Еврей Зюсс» (1940 г.). Например, фильм «Еврей Зюсс», поставленный режиссером В. Харланом по заданию Геббельса, по своей человеконенавистнической сущности явился прямой противоположностью фильма режиссера Л. Мендеса того же названия, поставленного фирмой «Гаумонт» в 1934 году и представлявшего интересную экранизацию известного романа Л. Фейхтвангера. Агрессивная направленность нацистского фильма была выражена столь ясно, что Гиммлер счел необходимым использовать его как наглядное пособие к «окончательному решению еврейского вопроса». Гиммлер дал указание, чтобы жандармерия, охранная полиция, все службы СС и СД в течение зимы (1940/41 годов) просмотрели фильм «Еврей Зюсс». В оккупированных нацистами странах были проведены организованные просмотры фильма для всех родов гитлеровских войск (55). Ненавистью к людям другой народности наполнен и сентиментальный фильм Ф. Висбара «Паромщица Мария» (56).

Изложенный выше материал показывает, что почти все пьесы и фильмы «третьего рейха» выражали нацистскую человеконенавистническую идеологию. Это можно, в частности, увидеть и обратившись к репертуару германских театров в любой период нацистского господства. Однако И. Пич приводит как наиболее характерный, и с этим нельзя не согласиться, период с ноября 1936 до августа 1937 года. Этот отрезок времени лучше, чем первые конъюнктурные сезоны или последние, которые шли под знаком войны, выражает суть нацистских драм.

За этот период в театрах Германии было поставлено 50 пьес¹. Из них лишь 6 не имели отчетливо выраженных политических или мировоззренческих тенденций. Основную проблематику большинства спектаклей составляли такие факторы, как политика, государство, империя, владычество, власть. В 16 драмах в центре событий стоит «народный вождь». Политический или солдатский героизм, покорность власти, верность знамени, нацистское товарищество являются определяющим мотивом в 17 драмах. Расовая идея намечается в 10 драмах, причем в двух из них эта идея разрабатывается как основная. Прямое указание на воз-

---

¹ Как пишет И. Пич, речь идет о «серьезной» драматургии, без учета комедий, «веселых» народных спектаклей и т. п.

вышение «третьего рейха» дается в одной драме. В то же время «антицерковные» тенденции вполне определенно выражены в 9 драмах, антисоветские, антикоммунистические — в 3, антианглийские — в 2, антиамериканские — «антикапиталистические» — в 1, антифранцузские — в 2 драмах (57).

Приведенный в этом разделе анализ социального содержания нацистских спектаклей и фильмов наглядно свидетельствует, насколько нацистское искусство было приспособлено к политическим целям германского фашизма. Причем эти «произведения» совершенно лишены художественности, многие из них представляли собой агитки в соответствии с конъюнктурными политическими целями «третьего рейха». Художественная беспомощность подобных произведений усугубляла поражение публицистических целей, на которые было рассчитано их содержание. Перенесение публицистических средств прессы и радио, выразившихся в навязчивом повторении одних и тех же реакционных идей, лозунгов и штампов в область искусства не могло дать того результата, к которому стремились нацисты. В искусстве голая политическая тенденция чаще всего приводит к обратной реакции.

Анализируя с этой стороны нацистскую драматургию, Г. Ййеринг вскоре после разгрома германского фашизма писал, что официозная нацистская драматургия не оправдала себя со всех точек зрения, в том числе и с «позиций национал-социализма» (58).

Современный английский критик политики «третьего рейха» в области кинематографии М. С. Филлипс в своей статье «Нацистский контроль над немецкой кинопромышленностью» пишет, что все, чего достиг Геббельс своей политикой в области киноискусства, «это создание ситуации, в которой подлинно творческий человек не мог творить». Отмечая различные причины, которые привели к этому, Филлипс видит и главное: «Но более важная и значительная причина заключается в самой природе фашизма» (59). Об этом же говорят многие исследования либерально-буржуазных критиков политики «третьего рейха» относительно других видов искусства (60).

Искусство имеет свои законы и нарушение их приводит к тому, что искусство перестает быть искусством. Поэтому вполне естественно, что нацистское искусство постоянно деградировало, и никакие инъекции не могли его спасти. Фашистская диктатура калечила и уничтожала людей как

физически, так и духовно, запрещая выражать подлинные настроения и проблемы того страшного времени, что вело к распаду искусства, ибо оно не может питаться суррогатом. Подлинное искусство неминуемо погибнет, если его пытаются подчинить не свойственной ему цели.

4. РЕАКЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В «ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ»

Сознательно фальсифицированная нацистами эстетика выдвигалась как основа политики «третьего рейха» в искусстве и принципов его оценки. Причем сама эта фальсификация была составной частью общей политики фашистской диктатуры.

В соответствии с этой политикой для нацизма имело значение только содержание произведений искусства, а не их художественные достоинства. «Образы» героев произведений искусства превращались фактически в газетный отчет или плакат, проповедующие расовую идеологию.

Канонической основой для суждений о произведениях искусства служили «научные» труды немецких расистов Г. Гюнтера, И. Надлера, А. Бартельса и Л. Бютнера. Гюнтер¹ в книге «Раса и стиль» (1926 г.) одним из первых заявил, что всякое художественное изображение человека должно соответствовать канону учения о нордической расе (61). В «исследованиях» Надлера утверждалось, будто поэзия может быть понятна только в зависимости от происхождения поэта и места возникновения его произведения.

Историк литературы Бартельс разработал своего рода систему расистской оценки поэзии. При отнесении того или иного произведения к «расово неполноценным» для Бартельса имели определяющее значение такие моменты (по его терминологии — «указатели»), как неарийски звучащая фамилия писателя, иностранное происхождение, неарийские черты лица, язык, стиль и образ мыслей, место службы, круг знакомств, национальность жены, наличие «неарийской кро-

---

¹ Ганс Гюнтер — один из крупных немецких расистов, развивший свою псевдонаучную деятельность в 20-х годах. Ординарный профессор Берлинского университета. Примкнул к Гитлеру.

ви», популярность автора в противоположность неудачам «немецких» писателей (62). Эти критерии оценки были подробно изложены Бартельсом в таких его одиозных произведениях, как «Еврейское происхождение и литературоведение» (Лейпциг, 1925 г.) и «Масонство и немецкая литература» (Мюнхен, 1929 г.).

Аналогичные идеи высказывал и Бюттнер в своей книге «Мысли о биологическом рассмотрении литературы» (Мюнхен, 1939 г.), а также и ряд других нацистских авторов.

Происхождении автора как критерий подхода к писательскому труду, как аргумент его правильной или неправильной оценки исторического факта стал основополагающим признаком «биологического рассмотрения литературы», которое соответствовало «жизненному восприятию... народа». Наиболее рациональным средством исследования произведения, подчеркивал Бюттнер, является «расовобиологическое определение писателя по портрету». Чтобы установить «происхождение и родословную поэта», его «наследственную картину» рекомендовалось использовать и фотографии предков (63).

Для оценки произведения определяющими были также воинские заслуги автора, его звание, участие в нацистском движении. Эти критерии «новой немецкой науки» совершенно не учитывали такие моменты, как социально-исторические условия создания произведения, классовая психология автора, его философские и эстетические взгляды.

На основании своих расовобиологических «указателей» А. Бартельс «отклонил» целый ряд художников слова, отнеся их к «евреям». Среди них были Клеменс и Беттина Brentano, Эрнст Барлах, Герман Бар, Эмиль Штраус, Аннета Кольб, Герман Гессе, Томас и Генрих Манны, Иоганнес Бехер и другие.

С тех же позиций другой нацистский лидер «культуры» В. Бест высказывался о Генрихе Гейне. В речи перед марбургскими студентами в 1935 году он заявил: «Рассматривать Гейне как явление немецкой литературы, более того, немецкой поэзии было бы не только кощунством по отношению к немецкому народу, нет, это было бы вторжением в область еврейской культуры» (64).

Р. Шлессер заявлял, что сущностью Генриха Манна является «злость», объясняемая «с почти несомненной вероятностью чужой кровью» (65). Место рождения автора, его «состав крови», географическое происхождение произведения считались решающим при определении книги «по-

лезной» или «вредной». Так, нацист В. Хорн, следуя «биологическому методу», обосновывал значение работ ведущего писателя нацистской партии Г. Йоста. Хорн писал, что к унаследованным силам крови, которые определяют характер и личность, относится такой «значительный формальный элемент, как область». По его мнению, Верхне-Саксонская область создает именно тот духовный тип человека, который всегда отстаивает «в лучшем и глубочайшем смысле» немецкую позицию. Таким саксонцем наряду с Лютером, Ницше, Вагнером Хорн объявляет и Г. Йоста (66). Само собой разумеется, что подобные суждения об «арийском» и «неарийском» происхождении совершенно произвольны и имеют одну цель — оправдать любой произвол.

Воспевая нордические идеалы и силу крови, нацистские культуртрегеры всячески поносили культуру и интеллект. Шлёссер писал, что не могут тонко чувствовать искусство те, у кого «сила интеллекта заглушила естественное чувство крови» (67). В. Бест, «доказывая» «примат практики над теорией», силы над интеллектом, однажды заявил в речи перед студентами: «Те, кто были первыми (нацистами.— М. Ф.), были людьми дела, они знали, что удар кулаком в морду крикуна (имеется в виду либеральная пресса.— М. Ф.) был более убедительным аргументом жизненной силы для честного немца, чем любая духовная формулировка государственно-политической необходимости» (68).

Важным принципом оценки произведений искусства у нацистов была политическая действительность, конечно, в духе расизма и национализма. Один из фюреров нацистской культуры Киндерман, выступая на заседании комитета Розенберга с докладом «Чего мы, национал-социалисты, ждем от нового описания истории литературы», потребовал, чтобы исследование литературы определялось не столько филологическими, идейно-историческими, эстетическими и им подобными критериями, сколько «национальными и расовыми» позициями. Тем самым, считал Киндерман, искусство будет служить «сохранению вида» (69). Такой субъективизм и односторонность в рассмотрении истории литературы и искусства были вызваны стремлением втиснуть всю мировую культуру в прокрустово ложе нацизма, что должно было «доказывать» неизбежность нацизма, его тысячулетнюю предысторию.

Нацистская политизация всей истории культуры обусловила и отрицание влияния зарубежной культуры на немецкое искусство и литературу. В то же время «обосновыва-

лось» превосходство немецкой литературы периода от В. фон дер Вогельвайте до Г. Анакера как выражающей «чистоту нордической расы» и «народную общность». Нацистская оценка всей культуры других стран определялась сугубо политическими целями нацизма. Эта позиция вела к духовной изоляции фашистской Германии, к признанию произведений только тех стран, с которыми «третий рейх» имел «особо хорошие внешнеполитические отношения» (70).

С тех пор, как с приходом Гитлера к власти расово-биологические методы оценки стали превалирующими в нацистской истории литературы и искусства, все искусство прошлого и настоящего интерпретировалось с точки зрения нацистски понимаемой художественно-политической истории жизни «немецкого народа». В так называемых исследованиях произведений все решалось в зависимости от родословной автора произведения, его отношения к «движению» и степени воплощения «ведущего образа» — Адольфа Гитлера.

Нацистский критерий определения ценности и значимости произведений искусства практически включал такие категории, как «раса» (ибо высшей политической действительностью нацисты считали борьбу за «чистоту» расы), «героизм», «фюрер». На практике главной из них была категория, названная по имени Адольфа Гитлера. Рассмотрим, как применялись эти оценочные категории.

В фашистской Германии был создан миф о «первом культурном политике» — Гитлере. Нацистская пропаганда на все лады прославляла его «художественность», которая проявилась лишь в том, что он сам рисовал значки и некоторые другие символы нацистской партии. Когда же он попытался заняться «серьезной» живописью — в 1936 году был выпущен альбом рисунков Гитлера, — то один из его ближайших помощников — Геринг, рискуя впасть в немилость, скупил все альбомы, чтобы спасти своего фюрера от позора. О «художественных запросах» Гитлера говорит и тот факт, что среди 1500 томов личной «библиотеки фюрера» не было ни одного произведения классической поэзии, а «научные» книги ограничивались только хроникой.

Тем не менее отрывки из речей Гитлера по культуре читались актерами на торжественных празднествах как художественные произведения, а каждый «деятель культуры» должен был подражать фюреру и восхвалять его в своих произведениях. Хагемайер считал, что на «Майн кампф»

строится вся немецкая литература, Йост — что из гитлеровского «мира языка выросла империя» (71). Гитлера прямо называли «посланцем бога», «спасителем» немецкого народа, воплощением «культурно-политической мечты» немецкой нации. Обобщенное восхваление Гитлера нацистскими деятелями литературы и искусства можно выразить словами Беста: «Национал-социализм — это неопровержимая органическая реальность, и эта реальность называется Адольф Гитлер!» (72)

Проверочная категория «Адольф Гитлер» использовалась как критерий для оценки всех произведений искусства и литературы. Более того, образ Гитлера должен был стать основным направляющим фактором и для искусствоведа, режиссера, издателя.

Другой критерий оценки — «раса» — применялся к художественным произведениям уже с самого возникновения фашизма в Германии. Ряд нацистских теоретиков отмечал, что высшими критериями художественных произведений являются «раса, кровь и народность». Р. Шлёссер писал, что самым «благородным и аристократическим» выражением народного духа автора служат «голос крови, понимаемой нами как решающая предпосылка», и «расово обусловленные идеалы красоты» (73). Поскольку высшей ценностью своей идеологии нацисты объявили голос крови, инстинкт, то и оценка произведений литературы и искусства определялась этими критериями. Знания человека, его культура, способности — все это не имело цены. Р. Шлёссер заявлял, что критик должен исходить из «нордических идеалов», те же, у кого «сила интеллекта» преобладает над силой крови, наносят вред нацистской культуре (74). Г. Лангенбухер поучал нацистских рецензентов, что литературная критика вырастает из «инстинкта», голоса «расовой судьбы» и потому не нуждается «ни в каких рассудочных правилах и законах» (75).

Этот принцип относился ко всем видам литературы и искусства. Западногерманский критик политики фашизма в области искусства Ф. Ро в своей книге «Вырожденческое» искусство.— Варварство в искусстве третьего рейха» приводит следующие «критерии», на основании которых подлежали уничтожению произведения изобразительного искусства: неарийская национальность автора, независимо от его мировоззрения и стиля; отражение еврейской тематики, независимо от национальности художника; наличие пацифистских сюжетов или сюжетов хотя и военных, но не прослав-

ляющих войну (например, картины Дикса); отражение «социалистических» и «марксистских» влияний; изображение неэстетичных натур, «принижающих полноценность арийской расы» (картины Э. Барлаха и О. Мюллера) и т. д. (76)

С особой силой расистская позиция проводилась при оценке произведений искусства и литературы, рассчитанных на молодежь. В этих произведениях нацисты требовали «особого подчеркивания... значения расы как корневой основы народа» (77).

На «расовобиологическом» критерии оценки основывалась нацистская интерпретация в произведениях искусства также целого ряда других понятий, таких, например, как материнство, любовь, родина, которые рассматривались исключительно в плане подчинения их военно-политическим и хозяйственным целям.

Третьим критерием нацистской оценки искусства являлась «возвышенно-героическая» категория. Она была непосредственно связана с расистским принципом суждения, ибо только немцы рассматривались как героические характеры с присущим им «духом борьбы» и «жизненной волей». Эта категория применялась как к произведениям с военно-политической тематикой, так и с крестьянской и исторической. «Героический» критерий оценки занял одно из центральных мест в фашистском исследовании истории литературы. Главной задачей «истории литературы» стало гитлеровское требование постоянно доказывать необходимость восстановления национал-социализма, который якобы восстановил величие и единство нордической расы, добился «сохранения народа». Ради этой «великой цели», демагогически писал Р. Шлёссер, «мы, фронтовые товарищи, так долго должны были выносить страдания и смерть...» «Возьмите мою кровать, возьмите мое тело...» (78)

Исходя из такого рода оценок, нацисты оправдывали свой отказ от произведений, отражающих подлинные заботы и страдания людей, толкуя их по своему произволу. Стилизация событий и лиц в фашистском духе выдавалась за художественную правду.

«Образцом боеспособности» в нацистских произведениях всегда оставался созданный фюрером и национал-социализмом фронтовой тип солдата. Именно этим персонажем утверждался стиль «героического искусства». Нацистскому солдату приписывались такие качества, как храбрость, верность и готовность к жертве. Общей тенденцией нацистской

героизации солдата являлось радостное восприятие смерти. Часто при этом героизировалась жестокость. Так, нацистский критик Б. Пайер, анализируя рассказ Гейзелера «Аполлония», писал: «Война требует от нас совсем иной, внутренней жестокости» (79).

Те же расово-политические принципы оценки применяли нацисты к классическому наследию прошлого. Причем это относилось как к представителям немецкой, так и всей мировой культуры. Общая политическая линия нацизма выржалась в стремлении «активизировать» классическое художественное наследие в духе изуверской идеологии фашизма. Однако определить, какое из произведений искусства прошлого можно приспособить, даже и путем подтасовок и стилизации, к политической идеологии нацизма, а какое нет, представляло сложную задачу. Например, крупные имена были нужны нацистам для приукрашивания внешнего фасада своей «культурной» политики, прогрессивная же направленность этих авторов способствовала укреплению духа протеста против фашизма у демократически настроенных слоев населения Германии. Поэтому отношение к произведениям мировой культуры прошлых эпох, не говоря уже об отношении к определенному художнику, у нацистов не было однозначным. К тому же это отношение менялось в зависимости от внешней и внутрисполитической обстановки фашистской Германии. Подробный анализ этой проблемы дается, в частности, в книге видного литератора ГДР Г. Ийеринга, а также в исследовании либерально-буржуазного автора И. Пич (80).

Одним из первых «ниспровергателей» классиков в период фашистской диктатуры в Германии выступил К. Герлах-Бернау. В 1934 году он выпустил с одобрения нацистской партии брошюру «Драма и нация», в которой «либерально-буржуазная» классика оценивалась с позиций расово-политической демагогии. В ней отвергались такие выдающиеся художники слова, как Лессинг, Шекспир, Гёте. В качестве «обоснования» ниспровержения классиков выдвигались разные причины, но суть их одна и та же — несоответствие нацистскому расовому клише. «Расовый упадок,— писал автор брошюры,— был источником противосударственного, лично-трагического, из чего могла возникнуть лишь негероическая буржуазная драма» (81). Шекспир им «обвинялся» в том, что в его драмах «царит страдающий герой», немцы же являются расой, «осознавшей свою миссию», а значит, им совершенно незачем знать,

что делает «дегенерированный королевский сын Гамлет» (82). «Ошибка» Гёте усматривалась в том, что он погубил «расово-врожденную способность» чистокровного немца влиянием чужого ландшафта, не соответствующего наклонностям нордической расы. Речь шла о драмах Гёте «Ифигения в Тавриде» и «Торквато Тассо», написанных под впечатлением поездок по Италии (83).

В противоположность тенденции «низложить» классиков существовала и другая — путем невероятных искажений объявить их «предшественниками» национал-социализма. Особенно большая возня происходила вокруг Шиллера, Клейста (Генрих фон, 1777—1811) и Граббе (Христиан Дитрих, 1801—1836). Ярким примером такого рода спекуляций была книга нациста Г. Фабрициуса «Шиллер — соратник Гитлера. Национал-социализм в драмах Шиллера» (1934 г.). Фабрициус писал: «С непоколебимой уверенностью отделяет Шиллер подлинное от фальшивого, ибо исходит в своем суждении из вечных сил крови. Бог, народ, родина, семья, то есть кровь и земля, честь, героизм и подлинная свобода — вот ценности, о неотъемлемости которых заявила его немецкая душа... Шиллер — национал-социалист!» (84)

В нацистском духе интерпретировал Фабрициус «Разбойников», «Коварство и любовь», «Валленштейна», «Марию Стюарт». В каждой из пьес Шиллера он пытался найти те или другие нацистские «идеи». Главы его книги звучали так: «Социализм и вождизм» («Разбойники»), «Государственная власть и свобода» («Дон Карлос»), «Рабство и трагедия господ» («Мессинская невеста»), «Терроризм и право» («Мария Стюарт»), «Солдаты и политика» («Валленштейн»). Обобщающая глава называлась «Шиллер и национал-социалисты».

Главное утверждение нацистского «критика» состояло в том, что Шиллер якобы видел трагiku в отсутствии «расовой» и «духовной» общностей и рассматривал расовую общность героя с народом как средство возвысить «управление» верноподданными до «фюрерства» (86). Такими приемами Фабрициус пытался представить Шиллера как провозвестника фашистской диктатуры.

Эта тенденция официального признания и широкого, спекулятивного использования классического наследия нацистами взяла верх. В 1936 году Р. Шлёссер заявил, что тот не понял национал-социалистской культурной полити-

ки, кто мечет гром и молнии против Шекспира, Клейста и Шиллера и называет Фридриха Геббеля (1813—1863 гг.)— «либеральным пролетарием». Еще резче отозвался о свирепых партийных «классикоедах» Геббельс: «Стремление покончить с Шиллером и Гёте одним движением руки, потому что они нам будто бы не подходят, не исторично и свидетельствует о совершенном отсутствии исторического пиетета» (86). На практике этот подход к классикам неоднократно менялся за период фашистской диктатуры в зависимости от политической обстановки. Многие произведения указанных авторов либо открыто запрещались, либо давалось негласное указание «не выпускать» их на сцену.

Расовобиологический подход, рассмотрение произведений искусства с точки зрения их пригодности для пропаганды идей нацизма или вуалирования его сущности — вот существенные черты отношения «третьего рейха» к мировой культуре.

Преобразование всей художественной жизни в условиях фашистской диктатуры в средство политической пропаганды наглядно проявилось в политизации литературно-художественной критики (87). Прагматический подход к эстетическим ценностям и игнорирование художественной формы произведений искусства и литературы выражались в том, что политическая оценка у нацистов имела решающее значение не только для определения состояния «поэтического творчества», но и для «будущности народа».

Оценка художественно-стилевых качеств произведений искусства рассматривалась нацистами как «предательство», как разрушение «целостности народа». Игнорирование художественных достоинств произведения превращало рецензии в простой пересказ его содержания и проверку лояльности автора. Критика приобретала характер пересказа сюжета, пропитанного духом расовой идеологии.

Место эстетической оценки занял контроль за мыслями. Он один решал, какую книгу в соответствии с нормативным кодексом нацизма следует отнести к разряду «желательных», а какую оценить как «вредную» с точки зрения ее политической надежности. Каждый автор, задумывая свое произведение, как бы сам совершал «превентивный» арест своих мыслей, ибо он должен был определить, стоят ли в созвучии с идейным миром «третьего рейха» его произведения и как они будут восприняты нацистской пропагандой. К тем авторам, которые не хотели следовать ра-

систской идеологии, применялись различные средства фашистского принуждения¹.

Духовная диктатура в фашистской Германии оправдывалась нацистами необходимостью подчинения высшей «культурной воле государства», о чем говорил, в частности, Геббельс в своем выступлении перед участниками первого съезда критиков в Берлине 14 декабря 1935 года (88).

Любой шаг фашистской диктатуры в усилении репрессий или наступлении на жизненный уровень трудящихся, в милитаризации экономики или непосредственной экспансии так или иначе прикрывался заявлением о необходимости борьбы с расовой опасностью, марксизмом и либерализмом. Так, В. Штаппель в своем сочинении «Литературное господство евреев в Германии в 1918—1933 гг.» писал в 1933 году об «опасности интернационального» и «культурного большевизма» в Германии. Считая «большевизм» и «либерализм» разрушителями культуры, нацисты выдавали себя за оплот культуры и защитников духовного творчества.

Стремясь любое средство общественного воздействия на массы поставить на службу национал-социалистской художественной политики, нацисты разработали систему контроля в области художественной критики. Политизация художественной, как и всей вообще критики, осуществлялась посредством характеристики групп книг и отдельных названий на официальных государственных и партийных пресс-конференциях по культуре; предоставления образцов национал-социалистского написания истории литературы и обсуждения книг; института функционеров-наблюдателей. В этом же направлении действовали общепропагандистские акции государства и НСДАП (89).

Внехудожественный, уголовно-юридический уровень контроля определял и лексикон нацистской «художественной» критики. Уже в своей книге «Миф XX века» Розенберг направлял отборную брань в адрес «вырожденческого искусства»: «метисское искусство», «душевный сифилис», «идиотское искусство», «ресторанная мистика», «пожиратель трупов» (90). Такие же выражения неоднократно употреблял Гитлер. Эти ругательства были характерны для стиля нацистской пропаганды.

Постепенно вся художественная критика в «третьем

---

¹ Подробней об этом говорится в заключении книги.

рейхе» превратилась в разновидность фашистской политической пропаганды. По нацистскому произволу она перекраивала историю всемирной культуры, а вместе с ней и важнейшие категории человеческой цивилизации, такие, как свобода, честь, совесть, долг. Но даже и такая «критика» не устраивала нацистов. Фашистская духовная диктатура логически привела к полному запрету критики, в том числе и художественной. Официально это было объявлено 3 декабря 1936 года в «Указе о новом формировании немецкой культурной жизни», подписанном Геббельсом. Указ был последней мерой, направленной против остатков формальной свободы критики в условиях буржуазного государства.

Этому указу предшествовало заявление Геббельса от 26 ноября: «Я предоставил со времени взятия власти (нацистами.— М. Ф.) немецкой художественной критике 4 года срока для того, чтобы сориентироваться с основами национал-социализма... Но поскольку 1936 год не принес удовлетворительного улучшения художественной критики, я запрещаю с сегодняшнего дня целиком дальнейшее проведение художественной критики в существовавшей до сих пор форме. Вместо критики... с сегодняшнего дня вводится сообщение об искусстве; на место критика теперь придет чиновник по литературе и искусству. Сообщение об искусстве должно быть в гораздо меньшей степени оценкой, нежели описанием и тем самым одобрением...» (91)

Как пишет Штротман, новый порядок критики затрагивал «повествовательную, лирическую и драматическую литературу, биографии, исторические и искусствоведческие монографии, народоведческую литературу, книги по изобразительному искусству, краеведению, зоологии и растениеведению» (92). Укрепление режима, когда отпала необходимость игры в демократию, задачи подготовки войны, новые репрессии, экономические тяготы, невыполненные обещания — все это вместе взятое и определило полное запрещение критики.

При обосновании запрета критики нацистская пропаганда снова использовала жупел опасности либерализма, соответствовавший умонастроению немецкого бюргера. Уже после запрещения критики В. Браумюллер в статье «Бейте его до смерти! Он рецензент» писал: «Эти современники, которых можно назвать только «либералами», являются трупными мародерами художественных произведений наших великих умов... Критика... обходит мировой поворот

1933 года, поэтому... национал-социализм запретил ее» (93). Таким образом, национал-социалистская художественная «критика» превратилась в одно из средств политического управления массами в «третьем рейхе». Ей вменялись те же политические обязанности, что и искусству и литературе, точнее, всей культуре вообще.

Такой подход к произведениям литературы и искусства, разумеется, не мог способствовать их развитию. Нацистская политика в области художественной культуры привела к полному растворению искусства в политике, и искусство в период нацистской диктатуры не имело ничего общего с подлинной культурой. Оно превратилось в функцию фашистской идеологии изуверства и человеконенавистничества.

* * *

Особенно наглядно это проявилось во время второй мировой войны. Авантюристические планы установления мирового господства, вынашивавшиеся гитлеровцами в интересах германского реваншистского монополистического капитала, принесли невероятные страдания и разрушения человечеству. В полной мере это относится к культуре и искусству. Уже в первые годы войны нацисты разработали план распределения художественных ценностей в духе будущей, ведомой немцами «нации Европы». Исходным положением этого плана было нацистское притязание считать немецким национальным достоянием все произведения, созданные в так называемой зоне германского воздействия, начиная с XV века. К этой зоне гитлеровские теоретики относили территории Австрии, Чехословакии, Польши, Франции и даже Италии. На всех захваченных гитлеровской Германией территориях проводилась тотальная конфискация художественных ценностей, а то, что нацистов не интересовало или не могло быть вывезено, уничтожалось.

Нацистский план «нового распределения европейских художественных ценностей» конкретизировался применительно к каждой вновь завоеванной стране. Так, после оккупации Франции нацистами был создан проект «охватывания» художественных ценностей (Rahmenplan). В нем выделялись три группы художественных ценностей Франции, подлежащих конфискации («охватыванию»): во-первых, произведения искусства, оставшиеся невозвращенны-

ми от завоеваний Наполеона на немецких землях; во-вторых, все художественные произведения и книги немецкого происхождения, которые, начиная с XV века, покинули «рейх» в результате войны или покупок; в-третьих, должны были быть возвращены вообще все произведения «германского характера» в соответствии с лозунгом «назад в Германию к немецкому сердечному народу». Помимо этого предусматривалась конфискация коллекций из государственного и частного имущества в виде компенсации за пропавшие художественные предметы. Официально эта компенсация проводилась за счет имущества политических противников нацизма.

Уже в первый год оккупации Франции по заданию Геббельса было составлено два списка произведений объемом в тысячу страниц, «возврата» которых требовала фашистская Германия. Среди нацистских фюреров постоянно шла борьба за присвоение награбленных ценностей. Характерно распоряжение рейхсмаршала Геринга. Посетив в ноябре 1940 года «Боевой штаб А. Розенберга» в Париже (организация, специально занимавшаяся розысками и конфискацией художественных ценностей во Франции), он дал указание следующим образом «классифицировать» награбленные художественные ценности:

«1) те художественные предметы, право на судьбу которых сохраняет за собой фюрер; 2) те художественные предметы, которые служат для пополнения коллекции рейхсмаршала (т. е. самого Геринга!— М. Ф.); 3) те художественные произведения и фонды библиотек, применение которых является уместным при строительстве высших школ в плане задач рейхслейтера Розенберга; 4) те художественные предметы, которые подходят для пополнения немецких музеев» (речь идет о помпезных произведениях, как правило, не имеющих подлинной художественной ценности.— М. Ф.) (94).

Эти произведения по указанию Геринга отправлялись в Германию.

В течение 1941—1942 годов Геринг 14 раз посещает Лувр и Тюильри, где были собраны произведения искусства, награбленные нацистами во Франции, и отбирает все лучшее для своей коллекции. Своих закупщиков художественных ценностей имели Гитлер, Гиммлер, Борман и другие нацистские бонзы, а также немецкие музеи и частные торговцы. Произведения искусства до смешного низко тарифицировались, но и такая цена часто не оплачивалась.

Только по официальной линии «Особым штабом по изобразительному искусству» за период с марта 1941 до июля 1944 года из Франции в «рейх» было отправлено 29 больших транспортов, состоявших из 137 вагонов с 4174 ящиками художественных произведений. Большое количество художественных произведений, в том числе 600 картин художников-модернистов, было сожжено в центре Парижа на террасе дворца Тюильри. Так расхищались нацистами художественные произведения Франции.

Еще больших масштабов нацистское варварство достигло на временно оккупированных территориях Советского Союза. Здесь уже у нацистов не было никаких попыток легализации своих действий. Они рассматривали культуру разума, гуманизм и человечность как препятствие к выполнению своих чудовищных замыслов против человечества. И устраняли это препятствие со свойственной им жестокостью. Нагло посягая на будущее, нацистские вандалы уничтожали лучшее наследие прошлого. Уничтожали и грабили. В сентябре 1941 года в Берлин поступила следующая «жалоба» из оккупированной Белоруссии: «В Минске находилась большая коллекция картин и других произведений искусства, которая почти полностью вывезена. По приказу рейхсфюрера СС Гиммлера большинство картин было упаковано эсэсовцами и отправлено в Германию. При этом речь идет о ценностях, исчисляемых миллионами... По свидетельству майора 707-й дивизии, передавшего мне оставшуюся наличность, эсэсовцы предоставили армейским частям все остальное для дальнейшего разграбления, в том числе ценнейшие картины, мебель XVIII и XIX столетий, вазы, изделия из мрамора и т. д.» (95) Как видим, здесь грабеж армейский, стихийный сочетается с грабежом организованным. И так было во всех захваченных нацистами в то время странах.

Вместе с тем в ряде оккупированных стран нацисты пытались насаждать угодную им литературу и искусство, создавать реакционные националистические объединения, в которые входили антидемократически настроенные писатели, актеры, художники, нередко подвергавшиеся судебному преследованию до прихода нацистов. Однако это сложная проблема, требующая специального рассмотрения.

Взаимосвязь искусства и политики не однозначна. Она может и способствовать прогрессу, и приносить вред человечеству. В фашистской Германии эта взаимосвязь искусства и политики представляла наихудший вариант. Значе-

ние искусства для исторического прогресса так или иначе связано с ролью класса, интересы которого оно выражает. Фашизм, явившийся воплощением крайней реакционности и агрессивности монополистического капитала, разумеется, не мог вдохнуть жизнь в искусство. Нацистское «искусство» стало функцией реакционной политики, что само по себе уже вело к его деградации.

Подлинное искусство гуманистично по своей природе. Фашизм же несовместим с гуманизмом. Подлинное искусство, отражающее в высшей художественной форме жизнь, ее развитие, вольно или невольно своим объективным содержанием разоблачает, обнажает античеловеческую сущность фашизма. Причем это относится к искусству всех эпох, времен и народов, к тому искусству, что пережило века и границы и стало достоянием мировой культуры. Поэтому-то нацисты стремились уничтожить не только современное антифашистское, но и всякое демократическое искусство, которое своей объективной направленностью, гуманизмом резко контрастировало с фашизмом. Уничтожение прогрессивных произведений литературы и искусства явилось крайним выражением духовной диктатуры фашизма.

Ход истории привел к полному разгрому германского фашизма. Но угроза миру в лице нового фашизма, распространяющегося в ряде стран, настоятельно требует сплочения всех прогрессивных сил в борьбе с неофашистской реакцией. Составной частью этой борьбы служит дальнейшее разоблачение неонацизма как модификации идеологии, политики и эстетики фашизма.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НЕОНАЦИЗМА

---

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕОНАЦИЗМА В ФРГ

После поражения фашистской Германии во второй мировой войне при попустительстве западных стран-победительниц на территории Западной Германии получила возрождение и широкое развитие крайняя форма национализма — неонацизм. Прославление «великого прошлого» в духе идей пангерманизма, разжигание националистических и шовинистических страстей, отрицание демократии и стремление к авторитарной системе, прокламирование милитаристских традиций, расизм и антикоммунизм — таковы характерные черты неонацизма. Причем неонацизм не ограничен рамками существующих в ФРГ неофашистских группировок. Последние — лишь проявление организованного неонацизма. Существенную поддержку неонацизм получает со стороны крайне правых националистических сил в различных политических партиях и институтах страны.

Организованные формы неонацизма возникли на территории Западной Германии сразу же после падения «третьего рейха». В результате того, что империалистические западные державы (а позднее и западногерманское правительство) грубо нарушили Потсдамские соглашения о декартелизации, демилитаризации и денацификации, многие нацисты оказались на свободе, а затем проникли в государственный аппарат ФРГ. Как пишет западногерманский историк Кнюттер, первоначально денацификация должна

была затронуть 6 083 694 лица в трех западных зонах (1). Всего же было арестовано 245 тыс. бывших нацистов. К 1947 году 100 тыс. из них вышли на свободу, а в дальнейшем денацификация была сведена на нет. Попустительство оккупационных властей в западной зоне Германии активизировало политическую деятельность нацистов в различных правых организациях. Стали быстро расти неонацистские местные партии и союзы. В 1952 году было уже 74 неонацистских партии и 28 союзов, объединявших 147 тыс. гитлеровских последышей (2).

В 1946 году появилась Немецкая правая партия, объединившая ряд неонацистских групп, в 1949 году — Социалистская имперская партия, взявшая пронацистский курс. Поскольку юридические органы ФРГ в ту пору еще не решились открыто поощрять фашистские организации, решением западногерманского конституционного суда от 1952 года эта партия была запрещена как духовная наследница НСДАП. В 1949 году в результате раскола Немецкой правой партии была создана Немецкая имперская партия, просуществовавшая вплоть до создания НДП. Возникновение этих партий способствовало организационному, политическому и идейному росту неонацизма. В них получили подготовку многие активисты будущей Национал-демократической партии.

В ноябре 1964 года разношерстные неонацистские партии были объединены в НДП, активно включившуюся в политическую борьбу. В 1966 году НДП одержала серьезную победу на выборах в местные органы самоуправления. На выборах в ландтаги Гессена и Баварии НДП получила соответственно 7,9 и 7,4% всех голосов. В 1967 году состоялись выборы в ландтаги земель Шлезвиг-Гольштейн, Рейнланд-Пфальц, Нижняя Саксония и Бремен, и везде НДП сумела создать свои фракции. 23 апреля 1968 года на выборах ландтага земли Баден-Вюртемберг НДП получила 9,8% голосов (3).

В ноябре 1967 года проходил III съезд НДП, на котором окончательно взяло верх правое экстремистское крыло партии во главе с Адольфом фон Тадденом и была принята реваншистская программа партии. По мере укрепления этой партии становились все более открытыми ее агрессивномилитаристский курс и фашистская сущность. Бывший главарь НДП фон Тадден так определил курс НДП на IV съезде (14—15 февраля 1970 г.) в Вертгейме: «Твердый, как сталь, антикоммунизм» и «поглощение» ГДР! (4)

Главной причиной возрождения неонацизма в послевоенной Западной Германии явилось сохранение и укрепление старой социально-экономической структуры, восстановление в ФРГ тех сил, которые в прошлом привели к власти Гитлера. Повинны в этом в первую очередь оккупационные власти империалистических держав в Западной Германии. В книге «Империализм ФРГ», подготовленной сотрудниками Института общественных наук при ЦК СЕПГ, говорится, что страх перед социализмом заставил империалистические державы, прежде всего США, проводить «политику возрождения сил» германского империализма с тем, чтобы сделать его «главным союзником США в Европе и оплотом международной реакции» (5). Эта политика распространялась не только на хозяйственную, но и все другие сферы общественной жизни Западной Германии, что вело к реставрации старых структур. Те же силы, которые фактически занимали господствующее положение до захвата власти Гитлером и при нем, заняли его снова. В первую очередь это относится к ведущим предпринимателям, юристам и генералитету.

Выполнение Потсдамских соглашений о декартелизации, принятых «с целью уничтожения чрезмерной концентрации экономической силы» (6), было сорвано. Прежние монополистические группы в короткие сроки восстановили и усилили свою мощь. По данным западногерманского социолога В. Цапфа, из 15 самых больших концернов ФРГ 11 еще до войны входили в число наиболее могущественных монополий (7).

Завершив консолидацию экономической мощи, западногерманский монополистический капитал в начале 60-х годов вступил в переходный период от реставрации к экспансии. Быстрое восстановление и развитие экономики в 50—60-х годах в Западной Германии определялось следующими причинами: сосредоточение на территории, оккупированной капиталистическими странами, подавляющего числа промышленных предприятий и крупных немецких собственников (вместе со своими капиталами), бежавших туда от советских войск, экономия материальных средств в связи с отсутствием армии в первые послевоенные годы, освобождение правительства ФРГ от несения расходов на содержание оккупационных войск, приток высококвалифицированной рабочей силы и, наконец, американские кредиты. Вместе с экономическими успехами в ФРГ происходит широкое наступление на демократические тенденции, которые после окончания второй мировой войны были довольно сильными.

Экономические успехи страны воспринимаются обывательскими массами как гарантия стабильности сносного материального положения и определяют ее политическую индифферентность. Страх потерять свое бытовое благополучие ведет мещанство к примирению с наступлением правящей реакции на демократические свободы.

Переход западногерманского государства в разряд экономически передовых стран служит основой для проповеди национальной исключительности немцев, их избранности, безнаказанности их лидеров за прошлые преступления. В этих условиях вновь утверждается право сильного и растет аполитичность массы населения. «Эта аполитичная позиция выражается в периоды высокой экономической конъюнктуры обычно в том, что мелкобуржуазные массы хотят видеть гарантированное статус-кво и поэтому поддерживают господствующие партии и их вождей, что создает видимость... политического интереса. Если же вера в обеспеченное экономическое положение... пошатнется, то аполитичное и некритическое доверие к мудрости государственной власти переходит в эмоционально-усиленные акции протеста», — пишет Р. Кюнль. Эту же мысль подчеркивает в своей работе западногерманский коммунист Л. Мюллер (8). Тактику использования недовольства масс в своих целях применяет НДП, подобно своей предшественнице НСДАП. Ряд либерально настроенных буржуазных авторов подчеркивают, что неонацистская партия строит свои расчеты на кризисную ситуацию (9).

Одновременно с ростом аполитичности мелкой буржуазии в ФРГ, наблюдавшимся до прихода к власти СДПГ, шел процесс усиления господства правящей партийной верхушки. Философ-экзистенциалист К. Ясперс в книге «Куда движется ФРГ?», изданной первоначально в Мюнхене в 1966 году, характеризует Западную Германию, писал, что место «свободного образования партий» заняла «олигархия партий», которая как «сплоченное меньшинство господствует над подавляющим большинством народа» и «пребрегает» им. Олигархия партий стремится к тому, чтобы «лишить народ информации». «Пусть уж он лучше остается темным, — рассуждают лидеры реакционных партий. — Народу не нужно знать цели, которые ставит перед собой олигархия... Вместо того ему можно преподносить возбуждающие фразы, общие выражения, замысловатые требования морального характера и тому подобное. Народ постоянно находится в состоянии пассивности под влиянием своих

привычек, эмоций, своих непроверенных случайных мнений» (10).

Ведущее место во всех этих морально-психологических спекуляциях занимает проповедь национализма. Эту линию в сегодняшних условиях ФРГ проводит НДП, не отстает от неё и наиболее влиятельная реакционная партия ХДС/ХСС. Национализм является основным и наиболее эффективным идеологическим оружием всей реакции ФРГ. В Западной Германии он неразрывно связан с реваншистскими притязаниями, которые во времена Аденауэра были подняты на уровень государственной политики. Провал этой политики неонацисты опять же используют в своих целях, объясняя его не объективными причинами, а «неумением» правящих партий действовать в правильном направлении. А вот они, мол, сумеют!

Подчеркивание территориальных притязаний в политике ФРГ до прихода к власти СДПГ активизировало национализм, а поскольку эти притязания были направлены на Восток, то они использовались реакцией для усиления антикоммунизма. Это был серьезный политико-идеологический фактор, способствовавший укреплению неонацистских тенденций.

На развитии неонацизма в ФРГ сказалось и извращение западными оккупационными властями политики денацификации. Советское правительство неоднократно заявляло о необходимости различать фашистско-империалистическую верхушку, которая несет всю полноту ответственности за последствия нацизма в Германии, и обманутый немецкий народ. Эту принципиальную позицию СССР вновь подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи 16 июля 1971 года на VIII съезде СЕПГ: «Даже в черную годину второй мировой войны советские люди не отождествляли трудящихся Германии с преступной гитлеровской кликой» (11).

Западные оккупационные власти, а позднее и правительство ФРГ применяли санкции главным образом в отношении лиц, занимавших среднее положение в нацистском движении, и не затрагивали элиту. Это делалось для создания видимости денацификации и сохранения активных нацистских сил. Такая практика в сочетании с репарационными платежами и контрибуцией создавала почву для буржуазных теорий о «коллективной вине» немцев. Эти теории широко использовались неонацистами в своих целях. Неонацистская пропаганда стала всюду трубить о подавлении

союзниками немецкой нации. В результате политика денацификации встретила отпор со стороны среднебуржуазных слоев. Этот отпор, как пишет западногерманский левый социалист Р. Кюнль, был направлен не только против оккупационных властей, но и против борцов антифашистского Сопротивления и эмигрантов, которых неонацисты «считали и продолжают считать изменниками родины». В конце концов и немецкая демократия рассматривалась националистическими элементами как «навязанная» немецкому народу. Ненависть к победителям и ненависть к немецкой демократии слились вместе и усилили «общее настроение недовольства» (12). Указанные обстоятельства создали политические и духовные предпосылки для возникновения и развития неонацизма в Западной Германии, оказали влияние на запрещение КПП в 1956 году и принятие чрезвычайных законов в 1966 году.

Неофашистская партия ФРГ сегодня малочисленна. Однако история неонацизма в Западной Германии в послевоенный период знала немало спадов неофашистско-националистического движения, когда неофашистские «партии» и союзы распадались и сходили со сцены, но само движение при этом не исчезало и в дальнейшем нарастало вновь (13). Еще больше подобных примеров было в истории гитлеровского фашизма. Между НДП и гитлеровской партией существует ряд серьезных аналогий.

Как уже говорилось, социальная структура НДП, массовой базой которой является средняя буржуазия, во многом совпадает с социальной структурой гитлеровской партии. Западногерманский либеральный автор В. Смюйдзин, анализируя социальный состав НДП, в книге «НДП. Партия с будущим?» (1969 г.) пишет, что «в настоящее время примерно половина членов партии относится к среднему сословию» (14). В конце 1967 года социальный состав НДП характеризовался следующими данными: ремесленники и крестьяне — 27%, занятые в промышленности (преимущественно рабочие) — 16%, служащие — 17%, мелкие торговые и ремесленные служащие — 16%, а остальную часть составили высшие чиновники и офицеры, профессиональные солдаты, пенсионеры и домашние хозяйки (15). Как видно из этих данных и многих других, процент рабочих среди членов Национально-демократической партии сравнительно небольшой, значительно меньше, чем он был в гитлеровской партии (НСДАП). Но настораживает тот факт, что среди

избирателей, сторонников НДП, доля низших социальных слоев значительно больше их удельного веса в социальной структуре страны. Социальная картина избирателей НДП в 1968 году была такова (в скобках указан удельный вес группы в структуре общества): крестьяне — 8,2% (3,4), мелкие самостоятельные хозяева (городские) — 6,9% (3,8), чиновники — 3,8% (4,3), служащие — 10,1% (14,9), рабочие — 32,7% (23,7), остальные (домашние хозяйки и т. д.) — 38,3% (47,4) (16).

Не случайно и политическая идеология НДП складывается из модернизированных применительно к современным условиям фашистских теорий. Для нее характерна та же социальная демагогия, рассчитанная на привлечение среднего бюргера и аполитичной части крестьянства и рабочих.

О политической идеологии НДП можно судить на основании программы партии, принятой в декабре 1967 года, «Вертгеймского манифеста» 1970 года, «Принципов» и «Манифеста» 1965 года и партийно-официальных комментариев к ним, официальной и неофициальной прессы НДП и выступлений лидеров этой партии на съездах и собраниях. Главная тенденция всех этих документов заключается в том, чтобы завуалировать классовую сущность неонацистских притязаний и представить свои цели как выражение общенародных интересов. В том случае, когда это бывает сделать трудно, руководство НДП, как в свое время и лидеры НСДАП, обращается к метафизической сфере, изображая свою программу воплощением воли «высших сил» — «немецкой судьбы», «мирового духа», «принципа жизни» и т. д.

Основная функция политической идеологии неонацизма — это привлечение сторонников из различных социальных групп и оправдание конкретной политики НДП.

Учитывая разнородную социальную структуру членов НДП и ее сторонников, интересы которых невозможно выразить в конкретной программе без явных противоречий, элита партии использует идеологию в качестве инструмента для обработки и объединения разрозненных групп в неонацистском движении. Неонацистская идеология путем различных искусственных построений пытается создать видимость того, что она выражает «общее» сознание и «общие» идеологические потребности при различии конкретных целей разных социальных групп. К тому же НДП ставит себе задачу, с одной стороны, убедить либеральную общественность в том, что Национально-демократическая партия

не имеет ничего общего с гитлеровской партией, а с другой — не оттолкнуть от себя «старых борцов», мечтающих о возврате фашизма. С одной стороны, НДП прокламирует себя как защитницу «народных интересов», а с другой — не может разочаровать реакционную монополистическую буржуазию, орудием которой является. Так, в V разделе «Программы НДП» говорится: «Цель национально-демократической экономической политики есть синтез предпринимательской свободы и социальных обязательств... Необходимо поощрять капиталообразование и создание личной собственности, слабых надо защищать от эксплуатации и обмана монополиями». Но в то же время НДП считает необходимым наличие в народном хозяйстве «крупной промышленности с большим капиталом» (17).

Все эти реакционные задачи и выполняет неонацистская политическая идеология. С ее помощью лидеры НДП стремятся максимально распространить фашистское мышление и укрепить движение неонацизма. Три основных компонента составляют содержание политической идеологии НДП: авторитаризм, национализм и расизм. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

2. АВТОРИТАРИСТСКАЯ ИДЕЯ НЕОНАЦИЗМА

Авторитаризм как компонент неонацистской идеологии находит поддержку у всех сторонников НДП. Это объясняется тем, что идеи авторитаризма, с помощью которых в прошлые времена феодалы повсюду защищали свое господство от политических требований прогрессивной буржуазии, глубоко укоренились в сознании немецкого бюргера. «Ни в какой другой стране... авторитаризм не господствовал так долго и суверенно, как в Германии», — пишет Кюнль (18). Неонацистская партия широко использует этот потенциал, остатки которого существуют и сегодня.

Извращая и произвольно интерпретируя исторические события, неонацисты находят «обоснование» для борьбы с демократическими идеями и проповеди авторитаризма. При этом они опираются на реакционные традиции прошлого. В период Великой французской революции и последовавшим за ней наполеоновском завоевании Германии в стране усилились реакционно-спекулятивные выступления против

демократии, «роковые последствия» которой якобы проявились в ходе французской революции.

Поражение немецкой буржуазной революции 1848 года, подавление Парижской коммуны и особенно образование немецкого единого милитаристского государства привели к полной капитуляции немецкого либерализма и широкому распространению в Германии авторитаристской идеологии. Либеральные лозунги свободы преобразовались в борьбу против западного влияния и в национально-оборонческую идеологию, которая в условиях тогдашней политической атмосферы Германии вылилась в отрицание всех передовых идей времени.

Гитлеровский фашизм уничтожил последние остатки либерально-демократического духа.

Разгром фашистской Германии и политическая ситуация первых послевоенных лет серьезно подорвали антилиберальное мышление, крайним выражением которого был и остается фашизм. Тем не менее основы для преемственности авторитарных представлений сохраняются в Западной Германии. Об этом свидетельствует как деятельность НДП, так и довольно широкая поддержка среди населения лозунгов реакционной партии ХДС/ХСС.

Прокламируя антилиберальные идеи, лидеры неонацизма формально отмежевываются в официальных документах от НСДАП и подчеркивают свою духовную связь с теоретиками предфашистского течения 20-х годов и с близкими ему по духу более давними концепциями, сыгравшими существенную роль в формировании фашистской идеологии.

Реваншистские, антидемократические идеи, приправленные социальной демагогией, выступают под общим названием «консервативная революция». Такой консервативный модернизм в свое время предвосхитил специфические черты фашистской идеологии. Эти идеи выдвигались реакцией еще 200 лет назад. Ссылаясь на высказывание времен Великой французской революции, принадлежащее Г. Д. Шарихорсту, — «быть консервативным — значит шагать во главе прогресса», Тадден в брошюре «Подлинное положение нации» писал: «...Разумное развитие нашего общественного строя означает консервативную революцию нашего времени, которая... преодолевает устаревшие и непригодные системы и ищет новые формы» (19).

Характерно, что накануне прихода гитлеровцев к власти идеи «консервативной революции» в Германии наиболее активно проповедовали Артур Мёллер ван ден Брук,

Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер. 80-летний Э. Юнгер сейчас является «корифеем» неонацизма. Поэт, романист, автор философских эссе и этюдов, он расчищал пером путь Гитлеру к власти, проповедуя культ «сильной личности», воспевая войну как высшую добродетель и главное «целебное средство» эпохи. В центре его интересов — проблемы власти, решаемые с позиции авторитаризма¹. Выступая против либерально-буржуазных концепций с их идеализмом и романтизмом, Юнгер пропагандирует «рабочую демократию», в которой мелкобуржуазного индивидуума заменяет тип, а массу — «органическая конструкция» (20). Подданные юнгеровского государства лишены всех прав. Частная жизнь для них исключена, они становятся функциональной единицей органического целого — элитарно-авторитаристского государства.

Реакционно-пропагандистская направленность этих рассуждений очевидна. Юнгер заявляет, что в «экономически независимом и авторитарно организованном государстве... немислимы забастовки и волнения». Но при всей радикальности, продолжает он, следует пощадить «чувство собственности», так как частная собственность может вполне влиться в «идеальное государство», «как лес и река в ландшафт парка» (21). Провозглашая авторитаризм и тотальную мобилизацию нации, Юнгер преследует реваншистские цели. Подлинный смысл его демагогии виден из статьи, помещенной в журнале «Арминус» в 1927 году. В ней Юнгер писал: «Так как может быть только один империализм, то рано или поздно только одна нация будет призвана к тому, чтобы управлять судьбами» (22). Не жалея красок, Юнгер воспекает немецкого реваншиста-ландскнехта как представителя «здоровой и сильной расы», «нового человека», «штурмующего пионера», «элиту средней Европы» (23). Так Юнгер приоткрыл лицо «консервативной революции».

Характеризуя предфашистский период «деятельности» Юнгера, прогрессивный западногерманский публицист В. М. Енч в статье «Эрнст Юнгер как идеолог авторитарного государства и реставрации» пишет: «Еще не освободившись полностью от буржуазного национализма, он уже отдал себя империализму» (24).

В сегодняшних условиях те же идеи проповедают многие неонацисты, как входящие официально в партию НДП, так

---

¹ Подробный анализ взглядов Э. Юнгера дается в следующей главе.

и примыкающие к ней. Наиболее крупными из них являются последователь О. Шпенглера и М. ван ден Брука профессор Э. Г. Аирих; реакционный историк И. Ф. Барник; старый гитлеровец Г. Граберт; ярко выраженный неонацист К. Э. Кене; неонацистский профессор К. Нотцинг и другие.

Современную фашистскую интерпретацию «консервативной революции» дает А. Моллер в своей послевоенной книге «Консервативная революция в Германии 1918—1932 гг.»: «Революция понимается здесь в отличие от ее понимания в духе идей прогресса вовсе не как ускоренный толчок вперед... а как удаление мешающего жизни народа» (25). При таком толковании термина «революция» им можно назвать любую контрреволюцию, реакцию, обскурантизм. Не случайно фон Тадден, будучи в свое время лидером НДП, брал на вооружение эту книжку.

Демагогия НДП выражается уже в том, что она ставит своей задачей борьбу против «всех доктрин капиталистического, либералистского и марксистского направления». Объявляя «капитализм и большевизм» двумя сторонами «одного и того же явления» — либерализма, НДП обрушивается на либеральное понятие свободы как основу всех зол (26). Лидеры этой партии пытаются представить свою идеологию синтезом национализма и «социальной справедливости», который на практике может быть только уничтожением всех остатков демократии, ибо национализм и фашизм находятся в явном противоречии с ее принципами.

Исходя из фашистского понимания социального порядка, НДП резко выступает против буржуазной демократии в ФРГ. Так, фон Тадден писал: «Призывы к «демократизации демократии» есть не что иное, как замаскированный призыв «Вся власть Советам!» (27) Критикуя современную политическую конструкцию ФРГ, НДП призывает к сильному государству «социальной справедливости», которое не должно иметь ничего общего ни с демократией, ни с либерализмом, ибо «демократизм», пишет орган НДП «Дойче нахрихтен», заканчивается в конце концов «коллективным социализмом» (28). В официальных документах этой партии прямо не говорится об уничтожении демократии и установлении авторитаризма. Главный упор в них делается на то, чтобы с помощью крикливых заявлений соединить недовольство мелкобуржуазных масс различными сторонами общественной жизни в условиях господства монополистического капитала и использовать это реально существующее

недовольство для дальнейшей узурпации власти наиболее реакционными кругами того же капитала.

В качестве объектов недовольства в своих официальных документах НДП называет «притязания большого бизнеса», «неограниченную материализацию» жизни, «общую нивелировку» личности, расшатанность моральных устоев, «монопольный контроль» над средствами массового воздействия, непонимание должного положения семьи в обществе и государстве, недостатки школьного воспитания, потерю былого уважения церкви, зависимость судей от государства, налоговые удержания с оплаты сверхурочной работы, отсутствие социального страхования для домохозяек, запущенность немецкого леса, плохо устроенные переходы через рельсы («на уровне рельс») — и чего только нет в этом наборе (29). Особняком и на первом плане стоят вопросы, связанные с поражением фашистской Германии во второй мировой войне (30). Не обошлось, конечно, и без «угрозы порабощения со стороны коммунизма» (31).

За всей этой демагогией стоят реакционные политические требования неонацистской партии: ликвидировать «узурпацию политических привилегий» профсоюзами, запретить использование «забастовок и локаутов в политических целях», покончить с либеральной «беспринципной кликой», подрывающей «национальные, моральные и этические ценности», заменить «вырождающуюся свободу», ведущую к «распаду народа», «твердым порядком», народ должен «отдать себя ради целостности» государству, необходимо усилить права президента, ибо он является «олицетворением народа и государства» (32). Так НДП осторожно разбирает по различным разделам своих программных документов антидемократические идеи, составляющие в целом авторитаристскую систему, к которой стремятся неонацисты.

Совершенно недвусмысленно в «Манифесте НДП» заявляется, что немецкий народ достоин «лучшего», чем «боннское руководство»: «Мы не хотим его больше!» (33) В завуалированных фразах и намеках дается понять, что Германия призвана к господству и повелению над другими народами. «Германии нужно государство,— говорится в том же манифесте,— которое определяет свою позицию не из того, чем она кажется, а из того, что она есть» (34). «Социальная справедливость», за которую ратует неонацизм, в действительности означает дальнейшее укрепление власти монополистического капитала. И сколько бы ни говорилось

в документах НДП демагогических фраз о «народной общности», о «закреплении рабочих мест» за производителями, о «защите слабых» от «эксплуатации монополий» и т. п., в тех же документах четко записано: «НДП считает необходимым наличие в нашем народном хозяйстве крупной промышленности с большим капиталом» (35).

Демагогия неонацизма направлена на то, чтобы заявлениями о «гармонии интересов» усыпить классовое сознание трудящихся и морально оправдать репрессии против профсоюзов и различных демократических объединений: «Окончательное преодоление классовой борьбы», замена ее «рабочим миром» объявляется важнейшей задачей индустриального массового общества. Вместо классовой борьбы провозглашается «обобщий долг верности работодателя и рабочего», «справедливое» участие обеих сторон в выручке от труда и т. п. (36) А все, кто против этой «гармонии» выступают, объявляются разрушителями немецкой «трудовой общности» (37). В первую очередь здесь указываются опять же коммунисты и «зараженные коммунизмом» профсоюзы, выступающие «средством классовой борьбы». Поэтому, откровенно заявляет орган НДП, остается только «подавить их» (38).

Антидемократический, авторитаристский характер социально-политической программы НДП, при всем стремлении этой партии к вуалированию своих целей, столь очевиден, что это признается целым рядом либерально-буржуазных критиков. Так, западногерманский исследователь неонацизма А. Бругеман в своей диссертации «Сторонники и противники Национально-демократической партии Германии (НДП)» в результате изучения документов НДП и обобщения работ либеральных авторов приходит к выводу: «...концепция национальной или народной демократии означает план ликвидации демократии» (39).

Главным теоретиком неонацистской модели государства является профессор Э. Анрих, который в фашистской Германии вел идеологическую работу в нацистском студенческом союзе, а после конфликта с Ширахом в 1932 году подвизался в качестве профессора новой истории. В своем реферате «Человек — народ — государство — демократия», изложенном на съезде НДП в Карлсруэ, принятом без поправок как идеологический документ партии, он недвусмысленно заявляет о гегемонии государства по отношению к личности и о демократии не для индивидуума, как это официально трактуется в либерально-буржуазном государ-

стве, а для «биологической общности»—«народа» (40). Это противопоставление конкретных демократических прав личности высшей воле трансцендентально возникшего образования, «естественной» общности — «народа», в которой господствуют силы крови, органического и истории, в которой зародился человек, явилось одним из главных теоретических обоснований «фюрерского государства» при Гитлере. Нацистский теоретик О. Келльрейтер в 1939 году писал, что «политическую силу фюрерского государства составляет идея общности... как целостность народа» (41).

Аналогично этому Анрих заявляет: «Государство есть форма деятельности народа... Государство точно так же не создается решением, как общность, формой деятельности которой оно является: это изначальная форма жизни... Оно появляется там, где есть подлинная, то есть возникающая из определяющей силы и вскормленная ею общность» (42). Провозглашая государство «хранителем целого» и выразителем «народной общности», теоретик неофашизма наделяет его неограниченными полномочиями и суверенностью по отношению к индивидууму, массе живущих в данный момент людей и поколениям. Уже из этих рассуждений ясно, что человек в «идеальном» неонацистском государстве — ничто. Не государство для человека, а человек для государства. Демагогически играя на известном противопоставлении общества и личности, Анрих и НДП в целом требуют «ликвидации парламентарной демократии» и выдвигают «как образец фашистскую социальную структуру» (43). В качестве морального обоснования этого требования Анрих использует «неспособность» существующей системы ФРГ «навести порядок» и справиться с «историческими задачами». Поэтому он заявляет, что свержение либерально-демократического государства является «моральным долгом». Приняв эти притязания за «основу своей политики», НДП присваивает исключительное право быть защитницей «интересов народа» и обещает манну небесную всем слоям населения, чтобы привлечь их на свою сторону (44).

Вуалируя свои подлинные цели, Анрих кое-где оставляет «в качестве демократического фигового листка», пишут Г. Майер и Г. Ботт, слова о плебисцитной легитимации «народной» или «национальной демократии» (45). Однако характер государства, к которому стремится НДП, виден уже из того факта, что его идеологи объявляют форму государства внешней, не принципиальной стороной. Важно лишь, чтобы государство соответствовало «народному духу»

и выражало сущность «немецкой нации». Тот же Анрих готов допустить и диктатуру, «если нравственный дух диктатора, благодаря его особой одаренности, таков, что в нем народ, государство и долг соблюдения моральных прав индивидуума проявляются в одной точке с такой силой, что дают одновременно действенность и порядок» (46). Не трудно понять, что означают «действенность и порядок» в интерпретации неонацистов, являющихся духовными наследниками гитлеровского фашизма. Насмешкой звучат слова о «долге» диктатора за соблюдение моральных прав личности. Как известно из многочисленных нацистских трактатов (о чем говорилось в первых двух главах), «высшие интересы нации» освобождают фюрера от «человеческого» понимания права, долга и совести и дают ему новые, «надмировые» масштабы измерения всех ценностей. Что же касается до «народа», который «проявляется» в диктаторе, то мы уже говорили о неонацистской трактовке этой категории. Трансцендентальный характер ее возникновения опять же позволяет диктатору апеллировать к высшим силам, не считаясь с интересами народных масс. К тому же реально существующая масса простых людей полностью игнорируется НДП, как неспособная к решению каких-либо общественных вопросов. В «Политическом лексиконе» НДП говорится, что «сообразно природе» у народных масс отсутствуют необходимые для этого «знания, опыт политического действия и нужное благоразумие» (47). Бывший председатель партии фон Тадден в газете «Дойче нахрихтен» со значением цитировал слова одного реакционного поэта: «Что большинство? Большинство — это чушь, разумом обладают немногие!» (48) Таким образом, из той тирады о диктатуре, что мы цитировали, остается диктатор со своим «нравственным духом» и воплощенное в нем государство по известному принципу: «Государство — это Я».

Однозначно решается идеологами неонацизма и вопрос о «нравственном духе» диктатора. Образцом нравственности для них является милитаристская Пруссия, в соответствии с агрессивными традициями которой Анрих призывает к тотальной милитаризации народа, определяя ее как «мобилизацию сил высшей реальности» (49). Все изложенное говорит о том, что в неонацистской модели государства сливаются в одно целое авторитаризм, тоталитаризм и милитаризм.

Авторитаристско-тоталитарные тенденции неонацизма выражаются и в открытом оправдании фашистской узурпа-

ции власти как в Германии, так и в Италии в недалеком прошлом. «Политический лексикон» НДП определяет фашизм как такую систему, которая с помощью «нового порядка, авторитета и дисциплины» устраняет «экономическую и социальную нищету» и дает «равную» долю «решающего голоса» работодателям и рабочим (50). Особые дифирамбы здесь поются нацизму, который де «осуществил для Германии социальную революцию», выразившуюся в первую очередь в соединении «национального сознания» с «социальной справедливостью» и в замене «классовой борьбы... гордостью трудового мира» (51). Зверства же фашизма называются «перегибами», обусловленными «человеческими недостатками» лидеров и «отсутствием чувств меры» (52).

Фашистско-тоталитарный режим рассматривается в «лексиконе» как более справедливый по сравнению с либеральным, поскольку последний, мол, осуществляет тоталитаризм «скрытно», так что жертвы «чувствуют себя «свободными», и это повышает его эффективность (53). Сопоставляя авторитаризм и демократию, НДП высказывается за авторитаризм, заявляя, что он основывается «на деловом превосходстве отдельного человека, на большом опыте, знаниях и компетенции». Авторитаризм фашистской Германии интерпретируется ею как исходивший из «добровольного признания превосходства» Гитлера (54). Идея авторитаризма ясно показывает преемственность между политической идеологией НДП и гитлеровского фашизма.

3. НАЦИОНАЛИЗМ И НЕОНАЦИЗМ

В идеологии неонацизма мы находим все те же широко расцветшие при гитлеровском фашизме идеи национализма и расизма, лишь незначительно измененные в соответствии с новой обстановкой.

Гитлеровский фашизм широко опирался на гипертрофированный национализм ван ден Брука. Выступая против примитивизма в этом вопросе, который, как он утверждал, может только скомпрометировать идею, Брук подчеркивает «важность» для понимания расы не столько расовой чистоты, сколько расового единства. Единство должно включать помимо проблемы крови духовное и культурное скрещи-

вание. Этого «пророка», выпустившего в 1923 году книгу с пресловутым названием «Третий рейх», и прокламирует сегодня НДП: «Возвышаясь над своим временем, Мёллер ван ден Брук остается вождем и совестью в идеологической и политической борьбе современности» (55).

В условиях развитых капиталистических стран, где идет острая классовая борьба, призыв ван ден Брука к общности всех классов и слоев, к единению нации служит прежде всего для того, чтобы скрыть классовые противоречия и социальную несправедливость. Хотя идеология национализма выражает непосредственно интересы крупного капитала, т. е., как правило, правых, наиболее реакционных монополистических группировок, тем не менее она глубоко проникает в сознание средних буржуазных слоев. Это объясняется рядом причин. Во-первых, идеология империалистической буржуазии с помощью государственного аппарата и массовых средств коммуникации превращается в господствующую идеологию всего общества. Эта тенденция усиливается по мере развития техники и научных приемов воздействия на массы людей. Во-вторых, националистическая идеология соответствует престижным мечтаниям части средних буржуазных слоев ФРГ о создании «нового великого рейха». Неонацисты же всячески спекулируют на факте существования двух германских государств. В-третьих, ссылки на «общее благо», на «надклассовую», «национальную» позицию служат средством социальной дезориентации трудящихся масс и ослабления классовой борьбы, что рассматривается многими представителями среднего сословия гарантией их собственного положения.

Важным фактором, способствующим распространению национализма в современной Западной Германии, является дальнейший процесс концентрации капитала, обратной стороной которого выступает разорение мелкого и среднего собственника. Активное распространение идеи «общности интересов» нации, хранителем которой неонацистские идеологи провозглашают среднее сословие, выступает для этого сословия в некотором роде средством борьбы за сохранение существующей социальной структуры общества. Здесь есть серьезный момент для демагогии, поскольку одна из особенностей современного этапа общего кризиса капитализма состоит в том, что интересы монополистического капитала часто противоречат интересам нации в целом, включая и среднюю буржуазию (56).

Наконец, в условиях технизации, рационализации и стандартизации производства и жизни в буржуазном мире различные группы среднего сословия все больше чувствуют неуверенность своего положения. Психологически это состояние воспринимается индивидуумом как бессилие перед миром техники и страх потерять свою индивидуальность. Отсюда мелкобуржуазные слои, не имеющие чувства солидарности, которым обладает пролетариат в связи с его специфическим общественно-экономическим положением, находят иллюзорную успокоенность в идентификации с чем-то «стабильным» и «великим»: с общностью «крови», «духа» и «судьбы», что составляет содержание национализма. Страх мешанины перед технизацией умело используется неонацистами для «обоснования» теории «консервативной революции». Фон Тадден, ссылаясь на А. Гелена, говорит о приближении эпохи, в которой «человек станет в высшей степени несвободным». «Это произойдет,— продолжает Тадден,— не обязательно путем распространения большевизма или левого либерализма, а в результате принижения человека до простого средства «прогрессивных» технических процессов...» На первом месте у Таддена, конечно, выступает пугало коммунизма (57).

Все эти причины обусловили довольно широкое распространение национализма в Западной Германии и явились важным стимулом к объединению сил реакции, особенно в связи с признанием правительством ФРГ сегодняшних границ в Европе.

Характерной чертой неонацистского национализма являются безграничные территориальные притязания под видом восстановления «справедливости», «защиты» чести и достоинства нации, «спасения» ее материальных и культурных ценностей от «мирового заговора» против немцев. В официальных документах НДП открыто претендует на территорию Германии в границах 1939 года (XV раздел «Программы НДП», «Немецкое единство и свобода. Тезисы и требования»). Причем требование «единства» выступает для неонацистов как демагогический пароль восстановления фашистского «третьего рейха». Военная капитуляция 1945 года, говорится в программе, «не ликвидировала германский Рейх как носителя государственного и международного права» (58). Однако в действительности неонацистские притязания идут значительно дальше, ибо они связывают свой главный лозунг — «достижение государственного единства Германии» — с уничтожением социалистической си-

стемы в восточной Европе, называемое «восстановлением свободы», и созданием «единства Европы» под эгидой Германии (59).

Известны и открытые притязания неонацистов не только на ГДР, области восточнее Одера, Нейсе, но также и на западные районы СССР. Тадден в речи на съезде в Карлсруэ в 1966 году сказал: «Кто отказывается от претензий на Кенигсберг, тот в конце концов должен признать границу по Эльбе и Верре» (60). Неонацисты призывают поглотить Судеты, Богемию и Моравию, Данциг, Мемельскую область, Австрию. В новогоднем послании неонацистам с 1965 годом председатель НДП приветствовал немецкую землю от Балтийского моря до Салернского Кельна, от Эйфеля до Богемского леса, от Саара до Мемеля. Эти территории у неонацистов входят в «новый порядок европейского центра» (61). Все эти территориальные притязания сопровождаются угрозами миру (раздел XV, п. 10 «Программы НДП») (62).

Выражая интересы наиболее агрессивных групп монополистического капитала, НДП выступает за беспредельные территориальные захваты и уже в силу этого принципиально отвергает политическое урегулирование европейских проблем. Неонацистские главари считают, что «политическая интеграция» свяжет им руки в восточной политике. Решающим моментом в определении размеров территориальных притязаний для них является соотношение сил с системой социализма в различных областях: экономической, политической и, в конечном счете, «в военной» (63). Неимоверность неонацистских притязаний была выражена Тадденом в брошюре «Подлинное положение нации»: «Единая Германия, свободная от страха и иностранного господства, свободная Германия — как оплот свободы немцев и мира!» (64)

Территориальные захваты, провозглашенные неонацистами, при всем их созвучии с психологическим настроем немецкого бюргера требуют тем не менее теоретических подпорок. Одних заявлений о «молодом», «динамичном» народе явно недостаточно. На смену выступает пугало мирового заговора против Германии, в котором главным инструментом неонацисты считают мировой коммунизм.

Мировой коммунизм, международные организации и западное декаденство — все это эклектическое соединение выступает у неонацизма как угроза смерти «немецкой сущности». Лишь посредством националистических движе-

ний во всех странах, национальной замкнутости и «оборонительной борьбы не на жизнь, а на смерть» можно спасти германский характер, вещают неонацисты. Свою историческую миссию НДП видит в подавлении «мирового лефтизма», который в настоящее время «окончательно скомпрометировал себя своим интернационализмом» (65). Эта позиция прямо смыкается с гитлеровской партией, которая считала своей главной задачей скорейшее уничтожение века «разума, марксизма, демократии».

Теоретическими подпорками неонацистского национализма выступают также спекуляции на надуманной проблеме «коллективной вины» и фетишизация войны как основы всех дел. Неонацизм, используя приемы геббельсовской пропаганды, стремится внушить немецкому населению, что союзники вменяют в вину всему немецкому народу развязывание второй мировой войны. Это несуществующее обвинение неонацистские идеологи выводят из действительной вины фашистской Германии.

Подробно анализируя неонацистское требование «покончить с осквернением собственного гнезда», защитить немцев от обвинений «во всех грехах», западногерманский коммунист Л. Мюллер пишет: «Германия, безусловно, не виновата во всех несчастях во всем мире. Но что здесь вообще означает Германия?» (66) Он показывает, что, когда неонацисты говорят Германия, они имеют ввиду весь немецкий народ. «И кто бы тут хотел ответить: «Да! Мы одни виноваты» — это не соответствовало бы действительности». Раскрывая классовый характер империалистической войны, Мюллер подчеркивает, что немецкие рабочие, крестьяне, учителя, врачи и другие честные служащие не делали и не желали войны. Но именно они за войну расплачивались. Что же касается подлинных виновников — представителей монополистического капитала, то они «войны не проиграли... за нее не заплатили», ибо крупнейшие германские капиталисты — Крупп, Флик, Сименс и др. — не только не потеряли свои капиталы, но и значительно их увеличили в современных условиях (67).

Стремясь натравить немецкий народ на другие народы мира, и в первую очередь Советского Союза, неонацистские теоретики всячески прокламируют «собственную ценность и национальное достоинство» немецкой нации. «В течение последних десятилетий готовность к подчинению и признанию коллективной вины парализует немецкую политику,— гово-

рится в «Программе НДП». — Мы решительно отвергаем утверждение в исключительной или главной вине Германии в мировых войнах. Борьба с этой ложью — это задача всего народа...» (68) Демагогии нет конца: «НДП осуждает массовые убийства и военные преступления всех времен и народов... Исследование причин войны должно служить исторической правде...» (69)

Повторение этих «идей» мы находим и в «Вертгеймском манифесте», принятом IV съездом НДП в 1970 году: «НДП... осуждает любые военные преступления и преступления против человечности...» (70)

За какую же историческую правду борются неонацисты?

НДП считает ложью доказанную историей вину фашистской Германии в развязывании второй мировой войны и в преступлениях против человечества. «Историческая правда» — это «мировой заговор против Германии» и «преступления союзников».

Духовно-политическое родство неонацизма с гитлеровским фашизмом отчетливо проявляется и в попытках оправдания изуверской практической политики фашизма.

НДП оправдывает внешнюю политику «третьего рейха», поскольку сама придерживается тех же методов и целей. Вооружение «третьего рейха» определялось, как заявляет НДП, «стремлением сохранить безопасность». Главными виновниками второй мировой войны неонацисты называют страны антигитлеровской коалиции. Более того, НДП считает, что союзники совершили «преступления» против немцев. Военные преступники «третьего рейха», осужденные международным трибуналом, и те более мелкие, которые были интернированы после 1945 года, прославляются как люди, «не теряющие мужества», вынужденные томиться за колючей проволокой и «принимать мучения за свой характер». Процессы против нацистов объявляются «национальным самоунижением», «самозамаранием», предательством Германии. Официальные документы НДП требуют всеобщей амнистии нацистских преступников и возмещения им «ущерба» в возрастающей прогрессии за содеянное (71). Все это говорит об оправдании фашизма сегодняшним неонацизмом.

С этой же целью НДП создала «Комитет по установлению исторической правды», руководителем которого является ее кандидат в Гамбургском парламенте профессор В. Вебер. Этот комитет, как пишет Л. Мюллер, пытается «доказать», что налеты гитлеровской авиации на английские

города явились исключительно ответными действиями. Средства массового уничтожения в концлагере Дахау были созданы лишь после разгрома Германии по приказу американцев для дезинформации. Целенаправленное завоевание немцами пространства «как источника жизни» тоже объявляется ложью, изобретенной союзниками из своих соображений (72).

Изображая национал-социализм и «третий рейх» как невинные жертвы мирового заговора, НДП стремится оправдать фашистскую агрессивную политику и, представив ее последствия как «несправедливость», подготовить морально-идеологические условия для новых империалистических завоеваний. Используя приемы геббельсовской пропаганды, неонацисты разжигают страсти на тему «скованного, эксплуатируемого и презираемого народа», чтобы превратить чувство «национальной ущемленности» в «объединительную» идею реванша. Своя же НДП высокопарно называет «политическим движением будущего», элитой, призванной повелевать массами.

Важным средством националистического обольщения масс является неонацистская теория войны. Сегодняшние нацисты, как и вчерашние, широко используют миф о прогрессивности империалистической войны. «Побуждение к агрессии...— говорится в «Политическом лексиконе НДП»,— представляет собой существенный культурный фактор» (73).

На основе этой «теории» неонацистами воспевается агрессивная сущность всякого империализма. Для широкой публики подобные теории подаются чаще всего в эмоциональном, «поэтическом» оформлении.

Воспевание силы, жестокости, романтизация войны пронизывают всю неонацистскую пропаганду. При этом происходит широкая спекуляция на этических категориях мужества, товарищества, верности, бессребреничества и других человеческих ценностях. Для немецкого бюргера, мечтающего об идее реванша, подобные теории выступают как пророческие вещания, осуществление которых, по их мнению, было бы проявлением высшей справедливости и силы духа.

В сегодняшних условиях, когда правительственная коалиция социал-демократов и свободных демократов добилась ратификации западногерманским бундестагом договоров с социалистическими странами, юридически закреп-

ляющих реально сложившиеся границы в Европе, неонацисты без всякой вуали подняли злобный вой (74). Всех политических деятелей, по тем или другим соображениям отказавшихся от притязаний на чужие территории, неонацисты объявляют «предателями» (75).

Наиболее эффективное средство неонацистской пропаганды против договоров ФРГ с социалистическими государствами — игра на национальных чувствах немецкого обывателя. «Все должны узнать, как продается и предается немецкий народ», — заявляла «Дойче национал-цайтунг» по поводу еще не ратифицированного договора с СССР. Это — «торжество мирового коммунизма» (76).

Неонацисты сегодня занимаются не только пропагандой, но и действуют. Это подтверждается созданием неонацистами организации «Акция сопротивления», ставящей своей целью борьбу против «восточной политики» западногерманского правительства и прежде всего против договоров ФРГ с Советским Союзом, ПНР и ЧССР. Фашистские провокации правоэкстремистских элементов, запрет на профессии, широко применяемый земельными органами власти ФРГ, попытки реакции срывать праздники газеты «Унзере цайт», нападения на профсоюзные, молодежные и другие демократические организации — все это свидетельствует о стремлении неонацистов торпедировать наметившуюся разрядку напряженности в Европе.

Значительную услугу проводникам реваншистских и милитаристских концепций, выступающим против договоров с социалистическими странами, оказывает газетный концерн гитлеровского последыша, миллионера А. Шпрингера. В периоды подготовки к так называемому «дню родины», которые проводятся в сентябре месяце каждого года, издания этого концерна публикуют целые серии выступлений реваншистов, открыто требующих возврата «бывших территорий» германского рейха и «критикующих» договор с СССР. «Союз изгнанных», объединяющий наиболее рьяные правоэкстремистские силы ФРГ, в виде благодарности за поддержку наградил издателя Шпрингера реваншистской медалью «За заслуги во имя германского востока и права на самоопределение».

Политическое лицо противников разрядки напряженности в Европе говорит само за себя — это реакционеры, неофашисты, антисоветчики и поборники «холодной войны»; они выражают интересы наиболее реакционных кругов милитаристского монополистического капитала, орудием ко-

того довольно часто выступает мелкая буржуазия, попавшая на крючок демагогической пропаганды. Миф национализма в разных проявлениях играет в ней существенную роль.

4. РАСИСТСКИЕ ИДЕИ НЕОНАЦИЗМА

Приспосабливаясь к новым историческим условиям, неонацисты вынуждены в значительной мере вуалировать свои расистские теории, однако так, чтобы не ослабить этот рычаг демагогической обработки обывателя. Этим объясняется активная поддержка неонацистами мыслей, высказанных в свое время предфашистскими теоретиками расизма типа Гобино, Ляпужа, Чемберлена. «Дойче националцайтунг» 14 августа 1970 года в статье «Что читает национальная интеллигенция» с большим пафосом писала, что «высшие слои национальной интеллигенции» зачитываются Гобино и Чемберленом (77).

Большое влияние на политическую идеологию сегодняшних фашистов оказывают теории ван ден Брука, О. Шпенглера и других об «органическом» развитии истории. Как уже говорилось в первой главе книги, сущностью этого учения является отождествление законов развития живых организмов и общественных явлений. Народ и раса по этой теории объявляются такими же индивидуальностями, как растения и животные, со всеми обусловленными природой антагонизмами и связями. Трансцендентальная воля природы, согласно этому учению, определяет не только различие народов и рас по их внешности и характеру, но и по их ценности. Борьба за единство «народной общности», «чистоту расы» и искоренение «малоценных» народов объявляется законом природы. Так фашистское мышление, сливаясь с империалистическими целями, пишет Кюнль, превращает тезис о защите народности и общности в «высшей степени кровавую радикальность» (78).

Расистские идеи НДП в наиболее развернутом виде были изложены ее шефом по идеологии профессором Э. Анрихом в том же докладе на съезде НДП в Карлсруэ, о котором говорилось раньше. Еще в годы прислужничества фашистскому режиму Анрих написал «сочинение» о «национал-социалистском мировоззрении». Его убеждения с тех

пор мало изменились. Он лишь приспособил к своему прежнему толкованию гитлеровской «ортодоксии» учение «глубинной психологии» об «Оно» (Es) — безличном родовом основании подсознательной психики человека (79). Ссылаясь на это учение, Анрих заявляет, что «Оно» человечества является сущностью мистической «общности», существующей до человека и всех конкретных групп людей, индивидуум же в значительной степени представляет собой составную часть и орган этого «Оно» (80). Возможность своего развития «человечество, а следовательно, и каждый индивидуум», пишет Анрих, имеет только потому, что в условиях человеческого бытия как такового в «отдельном человеческом в начале неосознанном знании от рождения заложена предварительная переработка встречи человека с человеком, человека с миром в виде своеобразно запоминающих картин и форм» (81). Поскольку «общность» предшествует каждому и всем индивидуумам, «она есть общность, а не общество». «Общность не создается, а возникает и всегда обладает силой вызывать возникновение» (82).

Задачи человечества, как целого, слишком велики и разносторонни, демагогически заявляет «профессор», и потому оно не может найти осуществления в одной форме. Отсюда Анрих делает главный политический вывод о дифференциации конкретных «подобностей» и «подвидов», которые создает «общность» в форме рас, различающихся «телесными и духовными задатками, стилем самовыражения и распространением» (83). Особый акцент в своих рассуждениях он переносит на различие «духовных», «культурных» способностей рас. Так Анрих вновь готовит идеологическое «обоснование» пресловутой теории о «высших и низших расах». Расовая субстанция, по его учению, является не только особой «зародышевой силой», определяющей формирование той или иной конкретной народной общности, где бы она ни возникала, но и основой ее существования. Чистота расы, по Анриху, должна быть высшей заповедью народа, так как «расовое смешение приводит в конечном счете к гибели» (84).

Подобные рассуждения в прошлом явились «теоретическим» обоснованием гитлеровской «расовой политики», приведшей к массовому уничтожению людей. На них же построено расистское учение и неонацизма.

Расистская идеология является исходной основой в решении теоретических, политических и практических вопросов для НДП. В «Политическом лексиконе» этой партии

прямо говорится, что «расовый принцип» является «ключом истории», а «расовая гигиена» повышает «качественный уровень населения в смысле здоровья, работоспособности и таланта» (85). Все идеологии, отрицающие «силу крови» как основу развития общества, объявляются ненаучными, вредными и «не немецкими» (86).

Расистское учение НДП, как справедливо отмечает Кюнль, связано с социально-дарвинистскими представлениями, которые переносят принцип борьбы за существование в органическом мире в международно-политические отношения и тем самым «переводят созданную людьми историю в область простой биологии». Социальный дарвинизм и расистское учение проповедают необходимость «расовой иерархии, разделения человечества на расы господ и расы рабов» (87).

В политической области современные идеологи неонацизма оправдывают и поддерживают режим апартеида. Наглядным примером являются гимны НДП политике расизма в Родезии и Южно-Африканской Республике. «Политический лексикон» прямо заявляет, что апартеид основан на мысли о «наследственном различии рас», для которых характерны различные восприятия права, нравственности, долга, ответственности и прежде всего «различный масштаб самообладания как основы способностей к культуре» (88).

Из тактических соображений неонацисты в нынешних условиях подкрепляют свои человеконенавистнические теории авторитетом «всевышнего», который «создал различные расы для того, чтобы они в этом мире жили бы рядом друг с другом, вместе с друг с другом, но никогда не жили бы вперемежку» (89). Но реакционная сущность расизма от этого не меняется. Исходя из этой идеологии, неонацисты осуждают даже формально-правовое гражданское равенство рас, существующее в буржуазных странах, оправдывают расистскую политику «третьего рейха» и ряд других расистских актов.

Однако расовая теория определяет идеологию НДП не в той степени, как это было в НСДАП. Неонацисты не могут действовать столь открыто, ибо наряду с прочими факторами усилилась в последние годы волна массовых требований роспуска НДП. Нельзя забывать и о юридической стороне дела. Формально конституция ФРГ запрещает расовую дискриминацию. Тем не менее НДП широко использует расистские предрассудки в своих политических целях.

Политические цели, которые неонацисты (как и нацисты в прошлом) хотят достичь при помощи проповеди расизма, можно охарактеризовать, пожалуй, следующими четырьмя достаточно очерченными направлениями: территориальные притязания; отвлечение масс от социально-экономических проблем; борьба с демократическими силами; воспитание морального нигилизма. Что касается связи территориальных притязаний неонацизма с расизмом и национализмом, то эта сторона раскрыта в предыдущей части.

Одной из важнейших функций расизма является отвлечение масс от социально-экономических проблем. Существование в современном капиталистическом обществе связано для индивидуума с целым рядом экономических трудностей и социальных ограничений. Рост монополистического капитала, гонка вооружений, ограничение буржуазно-демократических прав, сокращение средств на социальные нужды, застой производства, безработица, инфляция, рост цен, налоговый пресс — все это тяжелым бременем ложится на трудящиеся массы и средние слои населения. В этих условиях массы ищут виновников трудностей своего существования, но политически незрелая часть находит их не там, где они действительно есть. Чтобы отвести от себя выражение этого недовольства, империалистическая буржуазия подставляет искусственный объект для нападков, критики и даже ненависти, ничего общего не имеющий с причинами этих трудностей. Сущность политики империалистической буржуазии по отношению к массам в том и состоит, чтобы энергию протеста всех недовольных направить против демократических и революционных сил. Поскольку прямо это сделать не всегда удается, то применяются обходные пути.

Одним из таких средств, широко используемым фашизмом, является расистская идеология. Эта идеология объективно направлена на то, чтобы скрыть существующие в буржуазном обществе отношения господства и подчинения, с тем чтобы не дать возможности угнетенным классам постигнуть свои подлинные социально-политические интересы, и, следовательно, укрепляет существующую эксплуатацию. Об этом говорит уже один перечень «низших людей» современными неонацистскими расистами. К этой «категории» они относят так же, как и нацисты, марксистов и интеллигентов, евреев, славян и цыган. И дело не в том, велика или мала указанная категория, чтобы в борьбе с нею апеллировать к обывателю. Да и сущность этой борьбы носит одноплановый характер. В конечном счете она направлена про-

тив коммунистов, возглавляющих современный мировой революционный процесс. Однако неонацистская пропаганда использует различные укоренившиеся предрассудки бюргеров, чтобы соединить субъектов этих представлений в одно крайне реакционное движение, являющееся орудием агрессивного монополистического капитала.

НДП не только использует расистскую идеологию в своих политических целях, но и оправдывает массовое уничтожение людей в гитлеровской Германии. Издевательством звучит «сожаление» НДП о концентрационных лагерях, в которых были уничтожены миллионы людей. Наибольшей гнусностью, пожалуй, является теория «педагогической» функции этих лагерей, развивавшаяся в прошлом Гиммлером, а в наши дни оратором НДП П. Штекихтом, заявившим в 1965 году: «Нельзя забывать о воспитательном действии концентрационных лагерей, которые превращали многих бойцов Ротфронта и марксистов в порядочных немцев» (90).

Совершенно неприкрыто политическая направленность расизма выступает в борьбе с интеллигенцией, которая своей деятельностью «разрушает» в глазах мещанина привычные устои, дисциплину и порядок. Интеллигенция, объявленная неонацистами чуждой расовой группой, «не вписывается» в понятие «немецкой народной общины», «нации».

Нацизм принципиально несовместим с подлинной интеллигентностью. Культура и интеллект мешают сегодняшним нацистам, как и вчерашним, держать мещанина в состоянии примитивизма, в котором он находит свое удовлетворение и которое питает его иллюзии превосходства над всем неподобным себе. Леворадикальная демократическая интеллигенция объявляется «предателями», «внутренней гнилью», «продавцами яда», «самоосквернителями народа». Но этого мало неонацистским идеологам. Для усиления недовольства, нервозности и агрессивности шписбюргеров они отождествляют прогрессивную интеллигенцию с главным пугалом мещанства — с «красной опасностью», якобы захватившей власть во всех сферах общественной жизни страны. Так, фон Тадден демагогически заявлял, что система образования и средства массовой коммуникации ФРГ находятся в руках коммунистов, разрушающих «национальный дух» немецкого народа (91).

Неприкрытый антикоммунизм неонацизма стал главным направлением его идеологии. И здесь еще раз мы видим использование гитлеровской тактики подведения всех вра-

гов под одну категорию. Все, что не нравится неонацистам, объясняется влиянием коммунистической идеологии и Кремля.

Последствия обширной подстрекательской кампании против собственной интеллигенции и современного рационального мышления, как пишет Кюнль, «вообще невозможно предвидеть». Вместе с представлением о «коммунистическом мировом заговоре», в котором якобы принимают участие также ООН, либералы Соединенных Штатов и все те, «кто целиком отдался рациональности и просвещению», эта политика ведет к распространению психологии ущербности, национальной мании преследования, которая, порождая жестокость и стремление к разрушению, вызывает к «отмщению» всем «врагам Германии» (92).

Одним из объектов агрессивности, которую пытаются раздуть неонацисты, сейчас выступают иностранные рабочие в ФРГ. Всевозможные обвинения против них преследуют две основные цели. Во-первых, расколоть пролетарскую солидарность, являющуюся мощным фактором в борьбе с монополистическим капиталом, и натравить одну группу рабочих на другую, а, во-вторых, усилить и мобилизовать недовольство бюргерских масс и направить его в нужное неонацизму русло. Исходя из этого крайне правая реакция всячески поносит иностранных («гостевых») рабочих. Это находит отражение как в «Программе НДП», где официально выражено дискриминационное отношение к ним (93), так и в выступлениях неонацистских лидеров, в которых иностранные рабочие объявляются людьми второго сорта. В своей речи на предвыборном митинге под Нюрнбергом в 1966 году фон Тадден прямо заявил: «Иностранные рабочие для нас то же, чем были евреи для нацистов» (94).

Эти злобные выпады «обосновываются» тем, что гостевые рабочие не имеют постоянного места работы, постоянного жилья и находятся без семьи. В представлении бюргера, а особенно западногерманского, подобные факторы являются чем-то постыдным, аморальным, и, конечно, не для социальной системы, порождающей такие явления, а для людей, попадающих в эту ситуацию. В представлении мещанина иностранные рабочие ищут легкую жизнь, что несовместимо с дисциплиной, порядком и настоящей работой. Непонимание социально-экономических причин, определяющих существование категории «гостевых рабочих» в буржуазном обществе, и политики монополистического капитала, всячески расширяющего систему ввоза рабочих из

других стран как дешевой и слабо организованной в социальном отношении рабочей силы, ведет к серьезной неприязни обывательских масс оседлого населения к этой категории трудящихся. Их обвиняют в том, что они «отнимают работу» у коренных рабочих, «объедают» страну, «выкачивают» немецкие деньги на своих детей (речь идет о доплате на ребенка) (95).

Умело используя неприязнь к иностранным рабочим, неонацистская пропаганда стремится разжечь у мещанства низменные инстинкты. С этой целью ораторами НДП неоднократно высказывались мысли о «нецелесообразности» смешения древнебаварской и, например, сицилийской крови, о подрыве «немецкой субстанции» иностранными сезонными рабочими, которые соблазняют немецких девушек и женщин. Один из идеологов НДП Вайтшелл, мечтая о возврате «третьего рейха» и миллионах «подневольных рабочих», заявляет: «В 1943 году знали, что со сбродом надо обращаться так, как он этого заслуживает... и с нашими женщинами и дочерьми ничего не случилось. Теперь этих господ называют «гостевыми рабочими», и наши женщины боятся ходить по ярко освещенным улицам» (96). Реакция приписывает иностранным рабочим всевозможные преступления, обвиняя их в том, что они превращают страну в гангстерское Эльдorado. Однако главной чертой неонацистской демагогии в отношении иностранных рабочих является обвинение их в леворадикальных и коммунистических настроениях, «подрывающих» государственную систему и социальные устои ФРГ. «Дойче нахрихтен» в статье «Баварская «Красная гвардия» пишет: «Большая часть особенно многочисленных в Баварии итальянских сезонных рабочих организована коммунистически. Все чаще красные деятели... пытаются оказать воздействие на своих немецких коллег по работе и сезонных рабочих другой национальности... Не удивительно, что обычными стали звуки Интернационала, несущиеся из бараков и общежитий» (97).

Посредством таких приемов неонацистская пропаганда, спекулируя на стремлении бюргера к сохранению своего привычного буржуазного уклада жизни, на укоренившихся предрассудках и низменных инстинктах обывательских масс, возбуждает ненависть к «чужим расам» и переводит ее как в активную жестокость против беззащитных представителей других наций в своем государстве, так и в потенциальную готовность к новым завоеваниям.

Определенное место в неонацистской демагогии занимает критика «либерализма» США, связанная в основном с поведением американских солдат на территории ФРГ, хотя это обстоятельство не мешает призывам к совместной борьбе с Востоком.

Воспитание жестокости, если такое формирование человека вообще можно назвать воспитанием, является составной частью того морального нигилизма, который воспевают неонацисты сегодня. Ссылаясь на Ницше и в особенности на Шпенглера, неонацистские профессора и вся та идеологическая реакция, которая идет с ними в ногу, стараются дискредитировать «морализм». Их «моральная» установка определяет политику, человеческие поступки находящимися «по ту сторону добра и зла» и объявляет своим высшим идеалом «хищного зверя».

Для обоснования своего морального нигилизма неонацисты пускают в ход известную догму о том, что человек по своей природе несправимо жесток, агрессивен, коварен. И чем сильнее в человеческом индивиде выражены черты агрессивности, властности, жадности, тем более полезным звеном «народного общества» он является. Апофеоз жестокости и аморализма, как известно, включался в понятие «высшей нравственности нордического человека» в гитлеровской идеологии. В этом же направлении, по расистской теории неонацистов, и должно идти расовобиологическое «совершенствование» человеческой природы.

Бывший главный редактор неонацистского журнала «Национ Ойропа» А. Эрхардт (в прошлом штурмбанфюрер СС) заявил в 1968 году, что определяющим моментом человеческого существования всегда были и останутся «тяга к борьбе и биологическая агрессия, инстинкт присвоения территории и потребность в иерархическом господстве — подчинении» (98). В разжигании этих патологических устремлений и видит свою задачу неонацизм. Таков политический смысл неонацистского расизма.

Анализ основных направлений политической идеологии неонацизма показывает, что эта идеология воспринята из рук национал-социализма. Л. Мюллер в своей брошюре пишет: «Мы должны избавиться от чада, от спертго воздуха мифа о крови и пространстве, от искажений истории, которые так легко производятся дешевыми и вместе с тем рафинированными спекуляциями на извращенных комплексах, за счет которых живет НДП и, безусловно, не только она» (99).

Восприняв нацистские идеи и политику фашистской Германии по коренным проблемам, НДП в целях самосохранения стремится скрыть подлинную сущность национал-социализма в целом. Так, в «Политическом лексиконе» партии говорится: «Немецкий национал-социализм 1920—1945 гг. представляет собой попытку добиться гармонии четырех составных элементов человеческой жизни, а именно: биологического элемента для сохранения рода, экономического — для обеспечения рода, политического — для регулирования совместной жизни и религиозного — как последнего смысла жизни» (100). В конечном счете «третий рейх» представляется НДП «самозавершением» немецкого народа, воплощением «национальной свободы и социальной справедливости», «здоровья», «величия» и «культуры» нации (101).

Обеляя гитлеровский фашизм, неонацизм стремится изобразить его главарей как представителей прогресса, культуры, борцов за «народное счастье». В 1964 году в Мюнхене вышло новое издание «Политического дневника А. Розенберга 1934/35 и 1939/40». В предисловии к нему издатель называет крупнейшего нацистского военного преступника, повешенного за свои злодеяния по приговору Международного трибунала в Нюрнберге, «революционером», «слугою народа» (102). Оправдание и даже возвеличивание гитлеровских преступников и самого Гитлера происходит сейчас не только в ФРГ, но и в ряде других стран.

Во второй половине 60-х годов в неонацизме определилась новая тенденция: перенимаются уже не только идеология и политика национал-социализма, а берутся на вооружение заклеянные историей его лидеры. Возникновение этой тенденции связано с дальнейшей дифференциацией сил прогресса и реакции в странах капитала, успехами международного коммунистического и рабочего движения и новыми социально-экономическими и политическими победами системы социализма.

Пропагандистский бум с обелением самого Гитлера также не случаен. В немалой степени он объясняется общей политической и идеологической обстановкой 70-х годов нашего века, которая характеризуется разрядкой международно-политической напряженности в мире и в частности в Европе. Важный фактор сегодняшнего дня западного мира — зловещий экономический и политический кризис, превосходящий по своим масштабам подобные явления за несколько десятилетий. Рабочий класс и другие слои

трудового населения капиталистических стран не могут примириться с угрозой дальнейшего обнищания и безработицей. Создаются условия для грандиозных классовых боев, равных которым еще не было в послевоенной истории. Рост активности всех демократических сил сегодня, укрепление организованности рабочего класса и резкое повышение его политического самосознания — все это вместе создает возможности при благоприятной обстановке прихода к власти левых правительств. Яркий пример — события в Португалии.

Боясь потерять свое влияние и власть, монополистический капитал все чаще выдвигает идею диктатора, «сильной руки», могущей якобы навести «порядок» в собственном доме. Отсюда идет воскрешение культа Гитлера, а заодно и Муссолини. Что же касается «просчетов» фюрера, то между строк дается понять, что они совсем не обязательны... А вот создание мощной империи, обеспеченность работой, быстрая карьера, возможность повелевать народами — эти демагогические «идеи» фашистской пропаганды всячески прокламируются.

Подобная демагогия не остается бесследной и оказывает воздействие на бюргерские массы. Так, проведенное осенью 1965 года «Немецким институтом изучения общественного мнения» исследование воззрений правого радикализма установило, что «коллективистская ориентация», которая требует однозначного подчинения индивидуума «потребностям общины» в нацистском понимании, безусловно, поддерживается «большинством населения» ФРГ. 25% западногерманского населения согласны со следующей фразой: «Германия не имела бы этих больших проблем (речь идет об экономических и социальных трудностях в ФРГ.— М. Ф.) ...если бы были дисциплина и порядок». 36% одобрили предложение: «Мы нуждаемся в сильном человеке во главе, который со всеми отрицательными явлениями устроил бы короткую расправу». 45% опрошенных заявили, что немцы «сильнее и способнее всех остальных народов» (103).

Такие настроения были в 1965 году. С тех пор многое изменилось в Западной Германии. Но сказать, что эти и подобные настроения исчезли, нельзя. Об этом достаточно красноречиво говорят результаты опроса общественного мнения ФРГ, проведенного Алленсбахским институтом летом 1975 года на тему: «Как вы сейчас относитесь к Гитлеру?» Почти каждый второй западный немец старше 45 лет

и каждый третий из числа более молодых называют Гитлера (при условии, что развязывание им войны при этом не учитывается) «одним из величайших государственных деятелей Германии». 36% опрошенных считают его диктатуру — «третий рейх» — «не такой уж плохой», а 25% той возрастной группы, которая занимает сейчас ключевые позиции, полагают, что человек вроде Гитлера лучше справился бы с проблемами сегодняшнего дня, чем боннские политики (104). Если сопоставить эти данные с другим опросом, выполненным тем же институтом в марте 1975 года по поручению журнала «Штерн», то картина будет достаточно полная. На вопрос анкеты, какой партии отдает предпочтение тот или другой избиратель, за ХДС/ХСС высказалось 52% опрошенных, за СДПГ — 41% и СвДП — 6%.

Подобные настроения являются тем потенциалом, из которого неонацизм вместе со всей реакцией вербует своих союзников. Как заявил бывший узник Бухенвальда, крупный историк ФРГ О. Коган, «бацилла нацизма продолжает существовать. И если мы будем бездеятельны, если мы не будем говорить с молодежью, то в один прекрасный день мы окажемся совершенно беззащитными» (105).

НЕОНАЦИСТСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ НА ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

---

1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НЕОНАЦИЗМА В ФРГ

Понимая незначительность влияния неонацистской политической пропаганды в современных условиях на психологию масс, идеологическая реакция в Западной Германии, как и во всем капиталистическом мире, пытается использовать для достижения своих целей литературу и искусство, культуру в целом. Общая тенденция современного неонацизма в области культуры — это возрождение приемов и художественных критериев фашизма применительно к новой ситуации. После разгрома гитлеровской Германии во второй мировой войне обстановка изменилась коренным образом и не дает возможности широко развернуться современным неонацистам. Тем не менее этот феномен остался и при определенных условиях активизирует свою деятельность, что было рассмотрено в предыдущей главе.

Одной из важных сфер проявления неонацистских тенденций являются литература и искусство. Это объясняется, во-первых, тем, что в области культуры нацизму удалось сохранить определенные позиции, поскольку в этой области было значительно труднее устанавливать состав нацистских преступлений в соответствии с нормами международного права и соглашениями антигитлеровской коалиции по денацификации Германии. Эзоповский язык искусства широко использовался юридическим крючкотворством реакции для реабилитации нацистских культуртрегеров. Тем более, что и прямые военные и нацистские преступники зачастую уходили от ответственности с помощью своих заокеанских «друзей».

В первые послевоенные годы, когда в обстановке всеобщего осуждения фашистских преступлений открытая пропаганда нацистской идеологии встречала решительный протест и была политически невыгодна монополистическому капиталу, литература и искусство являлись главным средством для протаскивания завуалированных идей нацизма. Это привело к активизации одной из форм современной крайне реакционной идеологии — неонацистского «искусства». Данное обстоятельство лишний раз подтверждает взаимосвязь различных форм общественного сознания, которая проявляется и в их взаимозаменяемости. Общеизвестно, что при определенных обстоятельствах, когда политические взгляды не могут быть прямо выражены, они вуалируются, а центр тяжести переносится на философские, эстетические и даже научные теории, в которых так или иначе проявляются политические тенденции. Поэтому в условиях, когда господствующие реакционные политические взгляды не встречают достаточной поддержки масс, реакционный класс использует искусство как наиболее тонкий вид идеологии для протаскивания этих взглядов.

Важным обстоятельством, определявшим активизацию неонацистского «искусства», является большая возможность в «художественной» сфере, чем, например, в науке, фальсификации исторических фактов и смещения политических акцентов различных общественных событий. Такая возможность основана на том, что подлинное искусство, отражающее жизнь, не нуждается в доказательствах. Сама природа искусства не терпит лжи, ибо последняя ведет к нежизненным образам, к утрате искусства в полном смысле слова. Сущность неонацистского «искусства», как и нацистского, в том и состоит, чтобы, спекулируя на художественных приемах и создавая видимость искусства, насаждать политические, экономические и морально-этические фальсификации. Эти фальсификации находили почву в растерянности умонастроений немецкой буржуазии.

Психологическая ломка, которая происходила в головах бюргерских масс после краха «великого» и «непобедимого» «третьего рейха», диктовала необходимость получения «объективной» информации по вопросам «что произошло с Германией?», «кто в этом виноват?» А инертность психологии, в свою очередь, определяет большую веру в те источники, которым привыкли верить, которым хочется верить, и, более того, в которых найдешь тот ответ, которого ждешь.

Геббельсовская пропаганда была уничтожена, к тому же она слишком явно себя скомпрометировала. Но ее носители от искусства остались. У них мешанство искало объяснений происходящего и главное — утешений, видов на будущее. Влияние неонацистского «искусства» усиливалось еще и потому, что оно не несло непосредственной ответственности за гитлеровскую политику, приведшую Германию к поражению, а именно это больше всего обескураживало немецкую буржуазию. Наконец, подобное «искусство» прокламировало реваншизм, национализм, расизм, антикоммунизм, насилие и жестокость в поэтически эмоциональной форме, что щекотало нервы и возбуждало, но и в то же время не требовало непосредственных действий, не ставило конкретной альтернативы, к чему растерянное мешанство было не готово. Другими словами, неонацистское «искусство» стало постепенно вновь вливать духовный яд в бюргерские души.

Главным методом воздействия неонацистского «искусства», как и всей нацистской идеологии, на политически незрелые массы являются спекуляции на психологии этих слоев населения. Стремясь подавить развитие политической активности масс, связанной с усилением капиталистической эксплуатации, и завоевать себе сторонников, политическая организация неонацизма — НДП демагогически выступает против империалистической культуры, осуждает все явления индустриального мира, «чуждую крестьянам и родине политику» руководящего «финансово-экономического слоя» и объявляет себя сторонницей «революционного контрдвижения» против «века масс», «побед большевизма» и американского либерализма (1). Другими словами, философским содержанием неонацистской политики в области культуры является все та же «консервативная революция».

Любая форма эмансипации — будь то духовное просвещение и современные науки, политическая эмансипация — демократия, социальная — освобождение рабочих от гнета капитализма или эмансипация женщин — все объявляется неонацизмом, как в прошлые времена и нацизмом, декадентством и разложением.

Поскольку кризис буржуазной культуры, сопровождаемый массовой империалистической халтурой в области искусства, приобрел широкие масштабы, демагогия неонацистов находит определенный отзвук в средних кругах населения ФРГ. Не случайно 73% читателей грошовых кни-

жонок, которые большей частью изображают основанный на идиллии «святой патриархальный мир», являются выходцами из средних слоев (2).

В качестве «контридеологии» неонацизм прокламирует ценность «чувства и души», «крови и почвы». Продолжая гитлеровскую политику в области культуры, направленную на борьбу с «интеллектом», «либерализмом, материализмом, разумом», НДП заявляет, что система образования, наука и идеология должны служить развитию национальных и биологических ценностей и «уяснять свидетельство прошлого величия», а не разлагать рациональной критикой «единство народа» и «не загрязнять собственное гнездо» исследованием исторической правды (3).

Спекулируя на «национальном комплексе неполноценности», обвиняя интеллигенцию ФРГ в «мазохизме» и в «политическом флагелланстве», глашатаи НДП требуют расправиться с «предателями» немецкого народа, к которым они относят либерально настроенных ученых, журналистов и писателей.

Анализируя эти имена, писатель-коммунист Л. Мюллер, живущий в ФРГ, в своей работе «НДП. Критика неонацизма в Федеративной Республике» пишет: «...Мы все это однажды пережили. Тогда это начиналось так же... Это... большей частью изгнанные и оклеветанные еще в 1933 году, которым вновь грозит то же самое» (4).

Взамен Генриха и Томаса Маннов, Л. Фейхтвангера, А. Цвейга, Б. Брехта, Ф. Кафки прокламируются Э. Юнгер, Г. Гримм, Э. Г. Кольбенхейер, Г. Йост, Д. Эккарт, В. Норден, Г. Шуман, «художники крови и почвы» Л. Хоттер, К. Герхардингер, Р. Кнехт и скульпторы А. Брекер и В. Торак (5). Фашистское направление этих авторов не вызывает сомнений. Именно поэтому неонацисты берут их произведения на свое духовно-«эстетическое» вооружение.

Напомним хотя бы идейную позицию Г. Гримма, который в «Народе без пространства» писал: «Я вижу в национал-социализме первое и до сих пор единственное подлинно демократическое движение немецкого народа». Кольбенхейер в свое время приветствовал Гитлера словами: «Поблагодарим бога за судьбу, что наш немецкий народ в лице своего освободителя стал руководить этим преобразующим строительством» (6).

Западногерманские реваншисты уже через несколько лет после окончания второй мировой войны начали пред-

принимать попытки оправдать преступления гитлеровцев. Было сделано все возможное, чтобы заставить молодежь меньше всего думать о злодеяниях нацистов. При этом использовались старые испытанные средства во всех областях идеологии, в том числе и в области литературы.

При попустительстве и поддержке бывшей правительственной коалиции ХДС/ХСС появились многочисленные издательства, взявшие на себя труд выполнять «социальный заказ» реакционных кругов ФРГ, требовавших «литературно» овладеть немецким прошлым с милитаристско-неофашистских позиций. В эту кампанию активно включились писатели и поэты гитлеровских времен.

Бывший президент пресловутой имперской литературной палаты, бригаденфюрер СС и прусский государственный советник Г. Йост тотчас после войны возобновил свою литературную деятельность в Западной Германии. Взялся за перо и его коллега по профессии Э. В. Мёллер, романы которого проповедают реакционные идеи. В свое время Мёллер был одним из активных драматургов-воспитателей гитлерюгенда.

Г. Шуман, один из особенно ценимых во времена фашизма писателей, сегодня хозяин западногерманского издательства «Хоэнштауфен». Он издает произведения самых реакционных авторов и, конечно, собственную продукцию, в которой пропагандируются «коричневые идеалы». Недавно Шуман переиздал свою кровавую трагедию «Смерть Гудрун», набившую зрителям оскомину еще во времена нацизма.

Шуман придерживается старой идеологии и, как утверждают эксперты, завоевал место в западногерманской литературе наравне с Г. Бауманом, Г. Боме и Х. Менцелем. Все они принадлежали к прямым политическим проповедникам нацистских идей, преподносившихся в песнях, кантатах, посвящениях, прозе и поэзии. Эти идеи были в первую очередь обращены к немецкой молодежи, дабы сделать ее твердой в осуществлении идеалов и целей германского империализма.

Г. Бауман ныне известен как автор многих детских и юношеских книг, издаваемых в ФРГ и США. Преданность нацистским идеалам стала предпосылкой его карьеры после 1945 года. В 1941 году он получил премию Дитриха Эккарта от нацистов. Фашистская коллегия по премиям отметила тогда его как выдающегося представителя молодого поэтического поколения, «подарившего гитлеров-

ской молодежи много песен», и как «выдающегося драматурга». В 1959 году написанная им драма «Под знаком рыбы» была отмечена премией Герхарта Гауптмана, имя которого используется реакцией в своих целях.

Занимается литературной деятельностью и профессор М. Х. Бём. В «Коричневой книге», изданной в ГДР, о нем можно прочесть следующее: «Основатель нацистской социологии и истории границ, ведущий идеолог фашистской пятой колонны. С 1933 года руководитель кафедры университетов Берлина и Иены. После 1945 года руководитель «Восточнонемецкой академии» (Люнебург) — идеологического центра реваншизма. Президент реваншистского «Северовосточного объединения культуры» (7). В 1967 году Бём в западноберлинском бундестаге произнес речь «Об обязывающей восточной родине» с открыто реваншистскими и шовинистическими измышлениями. Речь эта была опубликована издательством западноберлинского «Союза изгнанных». Выступление Бёма в западноберлинской палате депутатов — это, как пишет в своей статье «Уничтожение репутации, кровавые и территориальные мифы» западноберлинский коммунист Г. Д. Будде, «только небольшое доказательство безнаказанной антинародной травли в нашем городе, где произведения таких нацистских писателей, как Генрих Анакер, Вилли Веспер, Мирко Елузиг, Роберт Хольбаум, Бруно Брем, Агнесс Мигел, находят широкое распространение» (8).

Итак, видные нацистские авторы времен Гитлера после войны не переменили своей профессии. Оставшиеся в живых продолжают писать, проповедуя прежние идеи, их часто издают крупными тиражами.

Важнейшей тенденцией НДП в области культурной политики, как и идеологии в целом, является антикоммунизм. Изменение границ Германии в результате разгрома гитлеровского фашизма советскими войсками во второй мировой войне и образование на востоке Германии социалистического государства придают лозунгу антикоммунизма особую пропагандистскую эффективность среди мелкобуржуазных слоев ФРГ. Такие неофашистские органы, как «Дойче нахрихтен», «Дойче национал-дайтунг». «Дойче вохен-дайтунг», «Дер судетен дойче и другие, которые заменяют сегодняшним обывателям и бывшим нацистам «Фелькишер беобахтер» и «Ангрифф» Геббельса, на все лады раздувают антикоммунистическую истерию. Одним из распространенных демагогических приемов антикоммунистической исте-

рии в ФРГ является стремление обвинить социализм и коммунизм во всех трудностях Западной Германии.

Таким путем неонацизм пытается сформировать мешанскую идеологию бюргера в соответствии с задачами наиболее агрессивного монополистического капитала, чтобы превратить ее в активную политическую силу в периоды социального кризиса. «Германия, проснись!» — кричали колонны СА. «Мы хотим Германию, которая вновь обновится», — провозглашает НДП (9).

Этим же целям служат так называемые «позитивные» требования неонацистской идеологии. В своей «позитивной» культурной политике неонацизм главную ставку делает на идеи реваншизма, воспевание войны, жестокости и насилия.

«Освобождение» восточнонемецких областей, Судетов, Богемии, Литвы, Латвии, Эстонии и других восточных территорий — постоянная тема неонацистской литературы. Об этом можно судить даже по названиям статей в реакционной западногерманской прессе: «Данциг — форпост немецкой родины», «Кенигсберг должен быть возвращен», «Земли по ту сторону Одера и Нейсе никогда не были древними польскими территориями». Тут же содержатся призывы к «действиям», чтобы вернуть утраченное (10). Неонацистские авторы отрицают вину гитлеровской Германии в развязывании мировой войны и взваливают ответственность на союзников антигитлеровской коалиции, поляков, евреев. Исход же войны, по их словам, решило... предательство. Они заявляют, что само понятие «военные преступления» лживо и надуманно. Преступления, совершенные во имя Великой Германии, всячески оправдываются. «Дойче нахрихтен» пишет: «Мы должны, наконец, опять признать гигантскую жизненную энергию той великой духовной силы, которую мы называем национализмом» (11).

Неонацистские издательства выпускают огромное количество литературы, воспевающей преступления нацистов. Выходящий в ГДР журнал «Ди вельтбюне» 20 января 1970 года сообщал, что в ФРГ возникло новое неонацистское издательство «Мунин ферлаг», которое рекламирует следующую программу: «Мунин ферлаг» поставило себе задачу ознакомить общественность с сущностью и использованием войск СС во второй мировой войне. Это тем более необходимо, что об этих бывших немецких частях, состоявших из обычных солдат, существует превратное мнение». Вот весьма красноречивые заголовки некоторых публикаций издательства: «Война при северном сиянии» (немецко-

финское военное содружество за Полярным кругом), «Трагедия верности» (гибель III танкового корпуса СС), «Европейские добровольцы» (история 5-й танковой дивизии СС) (12).

Широкое распространение в Западной Германии получили комиксы, несущие вполне определенную идейную нагрузку. «Все комиксы,— писала в 1970 году газета «Ди вархайт», орган СЕПГ Западного Берлина,—носят фашистский отпечаток». Учитывая интерес обывателя к такого рода литературе, издательство ЕНАРА (Штутгарт) довело тираж этих книг до 3 миллионов экземпляров в месяц. Обобщая наиболее опасное направление литературы Западной Германии, «Ди вархайт» отмечает, что «волна мутной нацистской литературы» не ослабевает в Федеративной Республике и Западном Берлине (13). Дело дошло до того, что неонацистская литература в последние годы постоянно демонстрируется на Франкфуртской книжной ярмарке.

Как пишет А. Вайнц в статье «Торговля коричневой литературой в расцвете» в газете «Унзере цайт», органе ГКП, «через двадцать шесть лет после крушения нацистского режима в ФРГ происходит фантасмагорическое или, правильнее сказать, в высшей степени реальное и скандальное повышение акций нацистской «литературы» (14).

Та же картина наблюдается и в других видах искусства, например, в живописи и кинематографии. По словам Г. Д. Будде, западногерманские и западноберлинские монополии «мнений» «систематически вздувают престиж нацистских деятелей искусства» (15). При этом они особенно заботятся о старых участниках выставок «коричневого искусства». Издательство «Тагесшпигель» напечатало хвалебный материал об одном из известных скульпторов фашистского режима А. Брекере, кавалере «Золотого партийного значка» НСДАП, личном друге Гитлера, Геббельса, Гимлера.

Широко рекламируется сейчас в Западной Германии профессор В. Пайнер, бывший руководитель пресловутой школы Г. Геринга «Майстершуле» в Вестфалене, переименованной после 1945 года в «Школу Вернера Пайнера». Профессор Г. Каспар, создавший в свое время интерьер имперской канцелярии, с 1938 года работает в Мюнхенской академии искусств. Каспар получал с 1933 года от нацистского режима массовые заказы. В связи с разгромом фашистской Германии он временно приостановил свою работу, но уже через несколько месяцев баварские власти дали

указание нацистскому художнику продолжать работу над полотнами, заказанными ему еще при нацистском режиме. Профессор Ф. Штэгер написал серию батальных картин для Гитлера, среди которых были полотна, воспевающие нацистские преступления против польского народа. Всю эту стряпню Штэгеру дали возможность показать по западногерманскому телевидению в 1969 году. Продукцию нацистского профессора охотно раскупают реакционные представители крупной индустрии и реваншистские союзы.

Пропаганда такой «культуры» вызывает возмущение прогрессивной общественности. Искусствовед ГДР Д. Шмидт в книге «Немецкое искусство XIX—XX веков» писал о работах нацистских художников: «Образцом для бастардного, действительно выродившегося, используемого для демагогии тенденциозного искусства нацистов служит вещественно-реальная помпезность искусства грюндерства¹, фальшивая патриотичность провинциальных писак крови и почвы, восходящая к домашнему искусству рубежа XIX—XX вв., символизм предметного направления, выродившийся в героико-националистическую халтуру, а также новая вещественность, олутившаяся до соревнования с фотографией... В пластике господствует судорожное любование раздутой мускулатурой в гигантски-безмерных формах классицизма или изнеженная бисквитно-фарфоровая, бесильная декоративная скульптура в натуральную величину. Всюду царит деспотическое культоподобное выражение, подслащенное настолько же ханжеской моралью, насколько похотливой эротикой, или одобренное лживой бездушной героикой. Это искусство в духе злобной демагогии речей министра пропаганды и других «фюреров» было средством апеллирующего к инстинктам и низменным чувствам соблазна, рассчитанного на вкусы погрязших в невежестве и предрассудках масс» (16).

Реакционные монополистические объединения ФРГ, связанные с военной промышленностью и обладающие огромным капиталом, всячески поддерживают движение за реабилитацию нацизма и пропаганду реваншизма. Особенно ярко это видно на примере такого доступного для широких масс вида искусства, как кинематография.

Глубокий анализ современного состояния киноискусства Западной Германии дает Э. Кранц в книге «Киноискус-

---

¹ Немецкое искусство конца XIX века.

ство в агонии», выпущенной в ГДР в 1964 году. В предисловии автор пишет, что он поставил задачу показать, «как в этой области общественной жизни систематически подрываются и ликвидируются основные демократические права и свободы и на их место ставится замаскированное господство реакционных кругов монополистической буржуазии над большинством населения Западной Германии» (17).

Упадку западногерманского кино способствует реакционная монополистическая буржуазия, ставящая своей целью не развитие культурных ценностей, а воспитание у населения ФРГ иррационализма, жестокости, идей реваншизма и воинственного антикоммунизма.

Несмотря на определенную разрядку международной напряженности в Европе, надо помнить, что в такой стране, как Западная Германия, где очень сильна правая оппозиция ХДС/ХСС, продолжается милитаризация духовной, культурной и общественной жизни. Поэтому и сегодня нельзя игнорировать откровенное заявление буржуазного социолога Х. де Мана о необходимости психологической подготовки к грядущей войне (18).

Для осуществления этой цели западногерманская реакционная пропаганда, с одной стороны, стремится сделать все возможное, чтобы отучить массы самостоятельно мыслить и погасить «нежелательные» воспоминания о фашистском времени, а с другой — всячески восхвалять нацизм и его «успехи». Первую сторону этой двуединой задачи выполняют прежде всего так называемые развлекательные фильмы, уводящие зрителя из мира действительности в фантастический мир несбыточных грез, рисующие картины легкой, беззаботной жизни. Некоторые из этих картин не лишены и политической тенденции.

Примером такого рода развлекательного зрелища служит фильм «Пощечины» (1970 г.) известного западногерманского режиссера Р. Тиле. Девушка Ева, член коммуны «Красный Октябрь», нагая входит в кабинет капиталиста и бросает ему в лицо «протест» против эксплуатации в его банке. Капиталист проникается симпатией к «коммунарке» и начинает заботиться о ней. Ева быстро включается в обеспеченную жизнь своего благодетеля. Она пытается завладеть главным пакетом акций и раздуть их стоимость путем биржевых спекуляций. Здесь буквально слышится призыв: покупайте акции, создавайте состояния, тогда проповедуемая вами классовая борьба станет излишней! В фильме делается попытка подорвать революционное дви-

жение и скомпрометировать демократические требования против фашистского террора, захватнических войн и других проявлений реакции. Главная цель этой ленты, говорится в «Ди вархайт», нанести удар прогрессу и демократии (19).

Вместе с тем на западногерманского зрителя направляется поток антигуманных криминальных и порнографических фильмов, фильмов ужасов. Место человеческих чувств здесь занимают животные инстинкты, жажда убийства, извращенная сексуальность и т. п. Вот лишь несколько характерных фильмов западногерманского производства: «Поцелуй, которые убивают», «Сатана заманивает любовь», «Банда ужасов», «Замок ужасов», «Ненависть без милосердия», «В аду еще есть место» и др. В фильме «Мертвый в сети» (1959 г.) человек, укушенный гигантским пауком, сам становится ужасным когтистым чудовищем, которое загоняют в болото, где оно тонет. В фильме «Нагая и сатана» (1959 г.) сумасшедший врач отрезает людям головы, помещает их в сыворотку, где они продолжают жить, соединяет красивую голову медицинской сестры-калеки с телом танцовщицы. Вся эта «гнусность и жестокость», пишет Э. Кранц, сочетается с проповедью расизма (20).

Не имея возможности продолжать анализ подобной продукции, остановимся на одном из фильмов 1970 года. Взяв фабулу рассказа Э. Т. А. Гофмана «Мадемуазель Скудери», западногерманский режиссер Э. Райтц поставил фильм, перенеся для большей остроты действие в сегодняшний Западный Берлин. Главное место в фильме занимают сцены убийств. Подобно своему литературному прообразу Кардильяку, герой Райтца выслеживает и убивает новых владельцев вещей. Исчерпав свои «творческие» возможности, он лишает себя жизни посредством собственноручно изготовленного электрического стула. Мысли своего героя Райтц выражает в элитарном принципе: единственный масштаб моего искусства — это я сам (21).

Лишенные человечности фильмы, в которых не только разрушен образ человека, но и извращено все человеческое, служат политико-идеологическим инструментом западногерманских милитаристов для морального разложения людей, распространения нигилистического и циничного презрения к жизни и ее ценностям. С их помощью западногерманский кинозритель приучается к агрессивности, к кровавым расправам и войнам.

Характерны в этом отношении фильмы о Джеймсе Бон-

де, которые положили начало новому жанру в кино. Одной из причин их успеха является то, что Джеймс Бонд олицетворяет собой воплощенную мечту обывателя. Воздействие фильмов о Бонде объясняется и тем, что в обстановке массового психоза и милитаристско-неонацистской пропаганды «угрозы с Востока» он выступает якобы как защитник западной «свободы».

Опасность такого рода фильмов заключается не столько в возможности подражания, сколько в постоянном пробуждении низменных инстинктов. Буржуазные социологи установили, что посещение фильмов, воспевающих «агрессивные действия», ведет к увеличению агрессивности в человеческом поведении.

По образцу Джеймса Бонда в разных странах возникают все новые серии фильмов. «Фильмы о Бонде,— пишет Э. Кранц,— пропагандируют воинственный антикоммунизм и расовую ненависть ...Они входят в общую систему антикоммунистической пропаганды и дают политически индифферентной, оболваненной кинопублике конкретно-наглядные иллюстрации к абстрактным тезисам антикоммунизма. Они пропагандируют сверхчеловека, устраняющего все опасности и демонстрирующего «непобедимость» и «силу Запада» (22).

В последний период в западных странах получает широкое распространение обработка населения в духе антиинтеллектуализма с помощью «научно»-фантастической кинопродукции. Ярким примером служит фильм ФРГ «Бегство с планеты обезьян» (1971 г.), который является продолжением «Планеты обезьян», демонстрировавшегося за два года до этого. В первом фильме показывается, как три американских космонавта попадают на звезду, удаленную от нас на сотни световых лет, и находят там захвативших власть грамотных обезьян, обладающих всеми агрессивными признаками современного западного человека. Люди же не умеют говорить и содержатся в клетках как звери. Пытаясь разобраться, что это за планета, космонавты обнаруживают в песке остатки статуи Свободы. Они понимают, что это наша планета Земля, только 2 тысячи лет спустя. Командир корабля полковник Тейлор в ярости проклинает человечество, которому «знание» принесло гибель.

Во втором фильме путешествие происходит в обратном направлении. Три обезьяны отправляются на Землю из будущего времени (4995 года) и издали видят, как она разваливается наподобие картофелины. Но они попадают на

Землю в наши дни, идет 1973 год. Странных пришельцев помещают в зоопарк, где одну интеллектуальную обезьяну душил горилла. Вскоре люди узнают об интеллигентности и высоком уровне развития оставшейся обезьянкой парочки. Им выделяют роскошную квартиру и одежду, принимают в обществе. Но ученый советник президента устанавливает за ними слежку. Путем полицейских методов обезьян заставляют открыть «страшную правду» о будущей гибели Земли. Сами же они представляют наглядный пример того, как широкое развитие образования, знаний, науки ведет к утрате преимуществ человека над животным миром, устанавливается господство образованных обезьян. К тому же эти обезьяны являются источником непосредственной опасности для общества, ибо они могут размножаться и обучать немых обезьян способности мыслить и говорить. В конце концов обезьянку парочку убивают, спасается только невинное дитя. Но «опасность» не предотвращена... В одном цирке обезьяний детеныш произносит слово «мама».

Общая идея этого фильма довольно проста и в то же время модна в западном обществе. В псевдотеоретическом плане она «обосновывается» философией «технического пессимизма», представители которой в разных вариациях выражают страх перед наукой и техникой, якобы ведущих человечество к гибели. На этом «основании» предлагается уничтожить всю культуру и цивилизацию. Параллельно с этой идеей в фильме оправдывается насилие для сохранения «человеческой расы» в борьбе с другими видами, инакодумающими и чувствующими. «Инакодумающие» — это трудящиеся слои населения и некапиталистический мир в целом.

Обобщая подобные фильмы, «Ди вархайт» в статье «Искусство как оружие» писала, что массовая империалистическая культура — это не искусство, а инструмент «дегуманизации и разрушения идеологических средств борьбы с угнетением» (23).

Что же касается кинопродукции откровенно милитаристско-неонацистского характера, то она появилась через 5—7 лет после войны. В документальных фильмах «До без пяти двенадцать», «Германия, Германия...» и «Таким был немецкий солдат» уже открыто пропагандировалась фашистская идеология и превозносилась непобедимость немецкого солдата. Многие фильмы были посвящены оправданию нацистских главарей и генералов вермахта: «Кана-

рис», «Генерал дьявола», «Это произошло 20 июля». А в американском фильме «Роммель — лиса пустыни» (1952 г.) последний изображается чуть ли не борцом антифашистского сопротивления.

В целом ряде западногерманских фильмов фальсифицируется история. Фашизм и война изображаются как стихийные эсхатологические явления, которые неожиданно поразили Германию. Социальная сущность фашизма и его агрессивная политика в интересах монополистического капитала всячески замалчиваются. Эта позиция отражена, например, в фильмах Ф. Висбора «Акулы и малые рыбы» (1957 г.), «Собаки, вы хотите вечно жить» (1958 г.), «Ночь спустилась над Готенхафеном» (1959 г.), «Фабрика офицеров» (1960 г.) и «Шагай или подыхай» (1962 г.).

Главная цель, которую преследуют фильмы Висбора, это показать обывателю, что войны не имеют никакого отношения к политике, а является только сферой проявления смелости, дружбы и оружия. Отделив армию от политики и взвалив всю вину на Гитлера и его клику, эти фильмы оправдывают военные преступления вермахта.

Среди других военных фильмов в ФРГ особенно восхвалялась реакцией стряпня В. Харлана «Кольберг», которая призывала немцев «продержаться любой ценой». Многие из этих фильмов носят антисоветский и антикоммунистический характер. За период с 1955 по 1965 год в общей сложности в ФРГ появилось 585 воспевающих войну фильмов и только 9 антивоенных. Цифры весьма показательны (24).

Милитаристско-неонацистские фильмы прославляют и романтизируют бесчеловечность, жестокость и убийство. Уничтожение человека стало нормой неофашистской кинопродукции. Эти тенденции в реакционной западногерманской кинематографии продолжают и по сегодняшний день. В военном фильме Р. Хауера «Те, кто идет к черту», вышедшем в середине 1970 года, война снова изображается «сама по себе», без причин и мотивов. Главная функция войны состоит якобы в том, чтобы служить средством проявления «мужских качеств». Фашистские офицеры в этом фильме окружены ореолом благородства и смелости. Виновник войны — один Гитлер, который все напортил. Как пишет «Ди вархайт», эта легенда служит «оправданию высшего офицерства вермахта с целью его безболезненного перевода в бундесвер» (25). Те же идеи выражены в фильме «Ударное подразделение — золото» (1971 г.).

По аналогии с американским фильмом «Роммель — лиса пустыни», в 1970 году вышел фильм «Королевский тигр перед Эль Аламейном» франко-итальяно-западногерманского производства. Основной его тон — честность на поле битвы и уважение к противнику. В фильме поется гимн смертельной жертве, слепому повинению, фанатичной преданности долгу, мужеству и солдатской верности. В нем нет никакого намека на причины и цели войны. Война в качестве исходного начала изображается как единственная возможность выразить величие человека или в крайнем случае является неизбежным атрибутом общества. Роммель в этом фильме вновь представлен борцом движения Сопротивления. «Если бы только не было этого дилетанта-ефрейтора Гитлера, если бы генералам дали свободу действий, вот тогда бы...» — главная мысль фильма. В ней откровенно выражена идеология немецкого милитаризма и неонацизма» (26).

Чувствуя свое бессилие перед все расширяющимся влиянием идей марксизма и успехами социалистического развития, реакция мобилизует все усилия, чтобы оклеветать социализм. Первые откровенно антикоммунистические фильмы были поставлены в 50-х годах. Один из них — «Путь без возврата» (1953 г.). В этом и подобных фильмах злобная антикоммунистическая пропаганда была направлена в первую очередь против Советского Союза. Тема антикоммунизма подробно разрабатывалась и в фильмах, посвященных лагерям немецких военнопленных в СССР: «Врач из Сталинграда» (1957 г.), «Черт играет на балайке» (1964 г.).

С не меньшим рвением ведется пропаганда против ГДР. Явно фальсифицируется жизнь в ГДР в кинолентах «Побег в Берлин» (1964 г.), «Вопрос седьмой», «Туннель 28» (1962 г.), «Опоздание в Мариенборне» (1963 г.), «Конечная станция «Свобода» (1963 г.) и многих других.

В ряду неонацистско-антикоммунистических фильмов много шума вызвал фильм 1971 года «Джимми пошел к радуге», поставленный по одноименному роману И. М. Симмеля (27).

Анализируя подобные проявления западногерманской кинематографии, авторы ГДР Г. Хаак и Х. Кесслер в своем глубоком исследовании «Политика против культуры» пишут: «В западногерманской кинопромышленности сегодня вновь почти безраздельно господствуют наиболее реакционные круги финансового капитала... Руководящие посты в

западногерманской кинопромышленности занимают большей частью старые нацисты, которые выдвинулись еще в гитлеровские времена. Подавляющее большинство западногерманских фильмов служит целям психологической войны, которую ведут боннские милитаристы и реваншисты» (28).

Из изложенного материала видно, что по основным направлениям культурной политики неонацизм идет по стопам гитлеровского фашизма. Что же касается приемов, с помощью которых неонацистская культурная политика стремится возродить фашистскую идеологию, то этот вопрос мы постараемся раскрыть на примере неонацистской литературы.

2. СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МАССОВОЙ НЕОНАЦИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эстетические идеалы современного неонацизма настолько слились с реакционной империалистической политикой, что их очень трудно отделить от политических целей империализма. Тем не менее мы предпримем попытку выделить из всей массовой литературы те направления, которые в первую очередь характерны для современного неонацизма.

В настоящей работе мы оставляем в стороне художественные особенности неонацистской литературы, тем более что эти произведения чаще всего не представляют художественной ценности. Однако сами претензии на литературную форму уже способствуют широкому распространению неофашистской идеологии, и этим определяется необходимость критического анализа социально-этического содержания неонацистской массовой литературы.

Наряду с другими формами идеологического воздействия массовая литература в империалистических государствах стала эффективным средством влияния на сознание людей со стороны господствующих классов. «Начиная со школьной скамьи,— говорится в изданной в ГДР «Истории немецкого рабочего движения»,— граждан превращали в верноподданных, в безвольных слуг «трона и алтаря». С помощью солдатских союзов и празднеств в честь Седана через так называемые произведения для народа, официальную прессу, воспоминания ветеранов и домашние пропове-

ди, а также с церковных кафедр проповедовалась отвратительная идеология голого насилия, безудержного шовинизма, высшей расы и антисемитизма» (29).

Реакционная буржуазная концепция массовой литературы наиболее отчетливо изложена у Ортеги-и-Гассета. Он рассматривает народные массы как «второй сорт людей», лишенных «определенного органа восприятия», биологически неспособных наслаждаться подлинным искусством (30). По его теории, именно потребности этих людей вызывают поток тривиальной, низкопробной литературы. Демократическая концепция массовой литературы рассматривает эту продукцию как историческое явление, обусловленное социальной системой капиталистического общества и политикой господствующего класса. Массовая литература выполняет социальный заказ монополистического капитала.

Буржуазные идеологи и политики возлагают на нее следующие основные задачи. Во-первых, с помощью создания ложного мира счастья отвлекать читателя от реальных условий жизни империалистического общества. Во-вторых, насаждать психологию иррационализма для расширения типа человека, не желающего «напрягать мозги». В-третьих, формировать у массы людей антикоммунистическую идеологию. И, в-четвертых, добиваться деформации и разложения эстетического вкуса у тех людей, которые его имеют. Указанные задачи носят политический характер. Именно это обстоятельство является главным фактором широкого распространения китча в западном обществе. Но нельзя игнорировать и тот факт, что подобная продукция дает большую прибыль, ибо она охотно раскупается. Этому способствует и хорошо поставленная реклама сенсационного характера. Достаточно напомнить, что газетный король А. Шпрингер, занимающийся выпуском как массовой литературы, так и газетного чтива, ежегодно получает доход в 60 миллионов марок.

Масштабы издания массовой литературы в ФРГ поистине огромны. Этим занимаются в первую очередь мощные монополистические объединения и тресты. К концу 60-х годов в Западной Германии имелось около 40 книжных обществ, издававших книги по цене на 25—30% ниже обычных. Наиболее крупным из них является концерн «Бертельсманн», объединяющий более 2,5 млн. членов. Этот трест в 1965—1966 годах, пишет в своем исследовании «Романы с конвейера» критик из ГДР К. Цирман, реализовывал через своих членов до 27 млн. книг в год (31).

Помимо указанной группы мощных литературных концернов, издающих наряду с массовой и другую литературу, есть большая группа предприятий, почти исключительно специализирующаяся на издании массовой литературы. Большое место в ФРГ занимает производство книг карманного формата. Самостоятельной отраслью издательского дела стало изготовление книг для частных платных библиотек, распространявших уже в начале 60-х годов до 600 млн. томов в год низкопробной литературы (32). Однако наибольший объем массовой литературы приходится на сферу периодики: это роман-газеты («грошовые романы»), романы, печатающиеся в журналах и газетах, а также передающиеся в программах радио- и телепередач, и т. п. Их читает около 90 процентов жителей ФРГ.

В статье «Фабрики романов» Г. Херм пишет, что грошовые романы выбрасываются на рынок ФРГ еженедельным тиражом в 6 млн. экземпляров по цене от 70 до 80 пфеннигов (33). Это самое примитивное чтиво, рассчитанное на малообразованные слои населения в возрасте от 14 лет. Данная продукция даже не имеет авторского лица, на обложке стоит групповой псевдоним, представляющий своего рода товарный знак. Такие романы пишутся за неделю, а то и за 3—4 дня по жестко сконструированной схеме. Тем не менее в «лаутину грез» об «идиллической любви», «страховой премии», «здоровой сельской жизни» и «возмутительных коммунистах», пытающихся все это разрушить, попадает каждый третий немец в возрасте от 26 до 70 лет (34).

Наводнение рынка подобной продукцией объясняется тем, что наиболее реакционные группы монополистического капитала объективно заинтересованы в формировании социально пассивного, недумающего «типа личности». Оглушение человека, вытравливание из него подлинно человеческого достоинства и интеллекта неразрывно связано с агрессивными устремлениями монополистического капитала, постоянно готовящего себе армию ландскнехтов, послушных воле империалистических политиков. Эту функцию и выполняют менеджеры массовой культуры. Даже либерально-буржуазные критики, которые не могут в силу своей классовой ограниченности вскрыть социальную сущность империалистической массовой литературы, подчас дают верную и глубокую характеристику менеджерам халтуры. «Это не наивные души... а изощренные психологи масс. Одним словом, люди, сознающие, что это халтура, и систематически изучающие методы фабрикования специфи-

ческих халтурных изделий», — пишет западногерманский критик Л. Гиезц (35). Не случайно один из референтов «культурного круга» крупнейших монополий ФРГ заявил: «Культура — это изюм, который я запекаю в деловой пирог» (36).

Политическая цель такой литературы состоит в воспитании психологии иррационализма, что является главной предпосылкой формирования мещанской идеологии, необходимой агрессивному монополистическому капиталу для проведения политики милитаризма и антикоммунизма, а в случае кризисных ситуаций и фашизации страны.

Массовая литература не только отвлекает читателей от действительности и уводит их в мир грез и иллюзий, но и создает для них определенные активизирующие идеалы, выполняющие еще более реакционную функцию. Эти идеалы — верноподданничество, жестокость, шовинизм, расизм — совпадают с «эстетическими» идеалами неонацизма. Особую роль в формировании этих идеалов играют так называемые жесткие жанры: солдатская литература, криминальные, приключенческие и «научно»-фантастические романы. Но при всем разнообразии жанров неонацистской массовой литературы ее социальное содержание остается одним и тем же. Рассмотрим это содержание подробнее.

Миф «Восток — Запад»

Идеологи современной реакции создали целую систему антикоммунистических концепций и теорий. Реальная сложность исторического развития способствует воскрешению на новой основе специфически подновленных вариантов старых «мифов», одним из которых является миф «Восток — Запад», взятый на вооружение неонацизмом, как в свое время гитлеровским фашизмом.

Реакционная буржуазная теория противопоставления Востока Западу, трансформированная в сегодняшних условиях, утверждает неизбежность в России и в так называемых отсталых странах Восточной Европы деформации, растворения социалистических принципов, поскольку России, якобы экономически и культурно отсталой, приходится решать задачи, уже решенные в передовых буржуазных странах. Именно в этом смысле «отсталый» Восток противопоставляется «просвещенному» Западу. В соединении с фашистскими расистскими теориями этот миф используется неонацистами как одно из эффективных средств оболванивания мещанских масс и заигрывания с Западом. Глав-

ными чертами собственно неонацистской интерпретации мифа «Восток — Запад» являются воинственный антикоммунизм и антисоветизм. Фашистская Германия и «последовательные немцы» изображаются как сторожевые псы «свободной Европы», защищающие ее от «зачумленного азиатского Востока». А поскольку Азия в течение ряда веков изображалась как нечто чуждое, враждебное, варварское, Советский же Союз — азиатской страной, то этим оправдывается непримиримая ненависть к советскому народу и ко всей системе социализма в целом.

Почти во всех произведениях неонацистских литераторов — Двингера, Клозе, Керна, Цизеля, Конзалика и многих других — советский человек изображен как представитель низшей расы, война против которой приобретает религиозный характер, становится «крестовым походом». Так от защиты западной «цивилизации» прокладывается мост к агрессии, реваншизму и человеконенавистничеству.

За примерами ходить недалеко. Небезызвестный бард «крови и почвы» Й. Бауэр в романе «Пока держат ноги» (1954 г.)¹ рассказывает о побеге из советского лагеря для военнопленных обер-лейтенанта Фореля. При этом автор всячески героизирует образ фашистского офицера и преподносит его в качестве образца для подражания. Книга переполнена антисоветскими клеветническими рассуждениями. Борьба с Советским Союзом изображается как необходимая защита цивилизации от смертельной опасности. По этому роману в ФРГ был показан шестисерийный телефильм (37). Те же «идеи» проповедают К. Цизель в романе «Жизнь не покинет нас» (1953 г.), Г. Айзен в романе «Станция Рускиная молчит» (1954 г.) (38).

Изображая Советский Союз и советских людей только черными красками, неонацистские литераторы стремятся, с одной стороны, оправдать реваншистские устремления монополистического капитала ФРГ, а с другой — правомерность существования концентрационных лагерей, газовых камер, уничтожения целых народов и других зверств. К. Лаар в романе «Пятый всадник» (1952 г.) описывает сцену пыток. Палач из местных немцев поучает офицера: «Мне это тоже не нравится, но я родился в этой стране и провел здесь всю жизнь. Я знаю этих людей...» И далее: «Им нужен кнут, потому что по существу они жаждут наказания...» (39)

---

¹ Переиздан в ФРГ в 1973 году.

Целую серию антисоветских произведений мы находим у Х. Г. Конзалика. Остановимся на двух его романах: «Врач из Сталинграда» (1956 г.) и «Штрафной батальон 999» (1959 г.) (40). Действие первого происходит в Сталинграде и под Сталинградом в лагере для военнопленных немцев с 1946 по 1950 годы. В нем изображаются полуголодное существование пленных, издевательства над ними «русских варваров», которые заставляют военнопленных немецких врачей проводить операции с помощью стамески при керосиновой лампе, выдавая их потом за свои. Весь роман строится на сопоставлении «высокого» морального облика немцев, их стойкости, профессионального уровня и «бездеятельности», «жестокости», «аморальности» русских людей. Та же задача формирования ненависти к советским людям выражена в романе «Штрафной батальон 999».

Миф «Восток — Запад» нашел свою интерпретацию и в творчестве Э. Двингера. В 1915 году драгунский фенрих (младший офицерский чин в германской коннице) Эдвин Эрих Двингер попал в русский плен. Около шести лет провел он в России, преимущественно в Сибири, воевал в армии Колчака. После разгрома белогвардейцев вернулся в 1921 году на родину. Русский плен и белогвардейская одиссея определили характер всей его последующей литературной деятельности. Уже ранние произведения Двингера, например, такие, как «Корсаков» (1926 г.), «Последняя жертва» (1928 г.), «Армия за колючей проволокой» (1929 г.), «Между белыми и красными» (1930 г.), «Сибирский дневник» (1931 г.), проникнуты патологической ненавистью к Советской России и «азиатам» и прославлением «германского духа» (41). При фашистском режиме он пишет роман «И бог молчит...? Отчет и призыв» (1936 г.), в котором показывает «раскаianie» молодого немца-«коммуниста» (сына крупного капиталиста), не сумевшего вначале оценить «величие» национал-социализма. За заслуги перед «третьим рейхом» Двингер получил звание академика и был назначен сенатором Имперской палаты культуры. Он был «удостоен» литературной премии имени Дитриха Эккарта, старейшего сподвижника Гитлера и первого редактора «Фёлькишер беобахтер». Двингеру было присвоено звание оберштурмфюрера войск СС, а Гитлер лично подарил ему образцово-показательное поместье — «наследственный двор», которое в дальнейшем имело право наследовать лишь чисто «германское потомство».

После разгрома фашистской Германии Двингер одним из первых нацистских литераторов прорвался на послевоенный книжный рынок. Взгляды его ничуть не изменились. К коричневой окраске добавился лишь новый оттенок — заискивание перед США. Для раскрытия этих взглядов остановимся на трех романах Двингера, тесно связанных по своему содержанию и представляющих своеобразную трилогию — «Генерал Власов. Трагедия одного мятежника» (1951 г.), «Они искали свободу. Судьба одного народа» (1952 г.) и «Потерянные сыновья. Одиссея нашего времени» (1956 г.).

Через все три книги проходит сквозной мотив: мотив неиспользованных, якобы упущенных Гитлером возможностей. Двингер считает, что если бы Гитлер не был настолько ослеплен расистскими предубеждениями против русских и вместо политики истребления и порабощения проводил бы более гибкую и терпимую политику, фашистская Германия выиграла бы вторую мировую войну. Вместе с тем проводится подстрекательская мысль о возможности новой войны в «исправленном» варианте. Герои Двингера постоянно сетуют об ошибках фюрера и мечтают о новом сражении. «Они не верят, что обойдется без новой, последней войны, напротив, считают, что решающая развязка еще впереди» (42).

Двингер был покровителем предателя Власова, пытался добиться кое-каких политических льгот для власовцев. О Власове и других изменниках Родины он сочиняет всевозможные романтизированные небылицы, кичась при этом своей мудростью и государственным стилем мышления. Вводя в свои романы самого себя под видом писателя Хольштейна, Двингер получает возможность откровенно высказать свое политическое кредо без всякого согласования с «художественным» развитием образа.

Фашистские идеи Двингера-Хольштейна выступают в романе «Генерал Власов» как буквальное повторение геббельсовской реакционной пропаганды. В том числе и реверанс в сторону Запада является повторением некоторых тенденций гитлеровской политики в трудные для фашистской Германии периоды. Однако, учитывая новую политическую обстановку, Двингер проявляет хитрость и вкладывает в уста Розенберга следующие слова: «Мы должны отказаться от примитивной теории низшего человека по крайней мере по тактическим причинам, по крайней мере на время войны» (43).

Двингер с упусном повторяет идеи о расовой селекции, вкладывая эти бредовые идеи в уста созданного им «художественного Гиммлера»: «Восточные рабочие должны носить соответствующую эмблему на груди, чтобы их можно было узнавать за 10 шагов и не путать с нашими людьми. А то в результате получатся несколько тысяч метисов, т. е. осквернение нашей германской крови... Пусть врачи позаботятся о том, чтобы подопытные объекты (русские пленные.— М. Ф.) не покидали (живыми.— М. Ф.) лазареты...» (44). Тут же Двингер рисует новый «рай» для России по проекту Гиммлера. Восторгаясь нацистской политикой закабаления славянских народов, он горько сетует по поводу ее провала.

Главной преградой на пути осуществления фашистских замыслов, что признает и Двингер, является социалистическое государство, и теперь уже не одно. И он призывает к борьбе против сил социализма, кичась тем, что внес в нее немалый вклад: «С 1921 года, т. е. еще до захвата власти (нацистами.— М. Ф.), я непрерывно выступаю против большевизма... Мои книги относятся к наиболее популярным, они переведены на 12 языков. Если сегодня Европа еще противостоит натиску Советов, то часть силы для этого она черпает из истин, которые я неустанно будил в западном человеке» (45). Это было написано в 1951 году, когда еще не возникла НДП. В ту пору Двингер настойчиво искал себе нового господина, искал ту силу, на которую можно было бы опереться и которой пришлось бы по душе его антикоммунистические писания.

Нацистские пропагандистские идеи красноречиво выражены и в романе «Потерянные сыновья». Основная идея этого «произведения» — жестокость славян и благородство, «мягкосердечие» немцев. Все грязные дела, как убийство безоружных, воровство, грабежи, выполняют в романе казаки и серб (46). В этой демагогии выражена политическая программа автора, сущность которой составляет ненависть к социализму и страх перед ним.

Антисоветизм Двингера тесно связан с другой идеей его политической программы — защитой западной культуры. Это все тот же «Восток — Запад». По поводу победы социалистического строя в восточноевропейских государствах один из героев романа Двингера заявляет: «Европа гибнет... Большевизм получает позиции, которые уже невозможно будет вернуть...» «В 1918 году можно было сказать: конец Германии,— теперь: конец Европы... И поэтому тем

более: Московия должна быть разрушена»,— вторит ему другой (47). Эти слова повторяются в романе десятки раз. Вспоминая свой плен и «унижения» в плену, капитан Остхоф повторяет: «И они заплатят за это, каждый из них, кого я встречу... А поэтому сотни тысяч раз, во время еды, во сне, в любви: если вы хотите спастись, Московия должна быть разрушена» (48).

Защита нацизма в романе связана с империалистической теорией геополитики. «Первопричина всех войн — чрезмерная плотность населения тех государств, границы которых примыкают к малонаселенным пространствам... Наши отцы боролись за правое дело. Мы не виноваты в развязывании первой мировой войны» (49),— заявляет офицер Франкенштайн. И вспоминая Г. Гримма, его роман «Народ без пространства», добавляет: «Вокруг этого самого тесного из народов — народа без пространства — будет теперь бесконечное пространство без народа» (50).

Борьбу с большевизмом, который «ориентируется на тотальное завоевание», по замыслам Двингера, возглавит новый Гитлер. Да и старый был не так уж плох (51). Устами солдата Виллема в «Потерянных сыновьях» оправдывается вся система нацизма (52).

В романе Двингера «Это случилось в 1965 году» (опубликован в 1957 г.) отчетливо проступает примитивная дидактика. Ее смысл сводится к тому, чтобы убедить читателя, общественное мнение ФРГ не верить в искренность советских намерений и надежность политики мирного сосуществования. Советы, мол, хотя и усыпить бдительность борьбой за мир, а потом нанести атомный удар Западу. Поэтому принять протянутую руку — значит совершить самоубийство (53). В романе повествуется, как «упреждая» удар коммунизма, объединенные армии НАТО разгромили Восток. В этой фантастической утопии неонацистская интерпретация мифа «Восток — Запад» прямо ориентирует на агрессию против социалистических государств.

С уничтоженным в своей иллюзии Советским Союзом Двингер борется и по сей день. Это подтверждают и его «Воспоминания», помещенные в реакционном западногерманском журнале «Остойропа» в 1967 году, и переиздание в Гамбурге «Блик унд Бильд ферлаг» (1969 г.) его ранних произведений. Так Двингер и ему подобные идеологически оправдывают милитаризм, гонку вооружений и агрессию.

Эстетизация войны. Шовинистический тип солдата

Основная задача современной империалистической массовой литературы, пишет литературный критик из ГДР К. Цирман в своей книге «Романы с конвейера», состоит в том, чтобы создавать такие литературные образцы, которые, не нарушая господствующих в буржуазном обществе политических и моральных норм, будут отражать реальные переживания многих людей. «Эти образцы необходимо заострять и выражать в общепонятной форме, чтобы затем с помощью пропаганды превратить литературных героев в идолов, оказывающих необходимое идеологическое влияние на широкие круги населения» (54).

Одним из наиболее распространенных образцов для подражания, создаваемых милитаристской и неонацистской массовой литературой, является шовинистический тип солдата. Прокламиранием этого героя-идола занимается так называемая «солдатская литература». В «произведениях» солдатской литературы искусство низводится до примитивного штампа, с помощью которого пропагандируются основные политические тезисы неонацизма: воинствующий антикоммунизм, расовая и национальная рознь и экспансионистские намерения западногерманского империализма. Герой этих романов — немецкий солдат, воспитанный в антикоммунистических, националистических и шовинистических традициях германского империализма, освобожденный от моральной ответственности, обладающий всеми «воинскими добродетелями».

В яркой публицистической работе «Литература на военном курсе» критик из ГДР Ф. Вагнер убедительно показывает, как «солдатская литература» оболванивает немецкого обывателя в духе реваншизма и жестокости. Он замечает, что, подобно тому, как «наши отцы были вскормлены кровавыми описаниями войны 1870—1871 гг., в результате чего они перестали распознавать классовых врагов и покорно пошли на заклятие под Верденом», так «наше поколение питалось Юнгером, Двингером и Эттигхофером до тех пор, пока мы в 16 лет не были готовы безумно броситься с фаустпатроном или без него под Т-34» (55).

В сегодняшних условиях наиболее реакционно настроенные буржуазные идеологи Западной Германии никак не могут примириться с реальностью границ в Европе и сетуют, что «германцы» быстро забыли про свое «величие»—

свой «долг». Генерал-полковник в отставке Фриснер, бывший председатель «Союза немецких солдат», на страницах «Дойче национал-цайтунг» призывает немецкого бюргера к новым походам (56).

Милитаристская литература выдвинулась на передний план особенно после введения в ФРГ воинской повинности и создания армии. Огромными тиражами начали издаваться дешевые солдатские книжонки, которыми «насыщались» казарменные библиотеки. В этой литературе прославляется война вообще и, в частности, вторая мировая война. Преступные деяния фашистского вермахта изображаются как «великие подвиги». Картина мнимого героизма дополняется утверждением, что фашистский солдат во время второй мировой войны, якобы, выполнял миссию освободителя и благодетеля покоренных народов.

Задачи политической пропаганды, связанные со вступлением ФРГ в НАТО (середина 50-х годов), определили дальнейшую активизацию солдатской литературы. С этого времени шовинистический тип солдата стал доминирующим в западногерманской военной литературе.

Идеологическая функция этих произведений состоит в том, чтобы, как пишут Г. Хаак и Х. Кесслер, «с помощью сантиментов и ложного пафоса, разговоров о мужестве и суровой солдатской судьбе, мешанины «из романтики, крови и шнапса, грохота танков и шороха дамских юбок, нацистов и вермахта» ...придать второй мировой войне ореол «великого германского прошлого» (57).

Однако военная литература ФРГ носит не только и не столько ретроспективный характер. Ее главная задача направлена на сегодняшний день и будущее. Поэтому героизация и «исправление ошибок» прошлой войны неразрывно связаны с реабилитацией войны как явления, причины которого нет смысла искать. Солдатские романы внушают читателю мысль, что никакой военной вины гитлеровской Германии нет, поскольку война носит космологический, природный характер. В книгах Х. Г. Кернмайра война, например, изображается такой фатальной необходимостью, как смена дня и ночи, солнца и грозы (58).

То же самое мы находим у Двингера. «Никогда не говорите мне «глупая война»,— заявляет один из его героев, капитан Остхоф.— Это самое глупое определение, которое можно дать этому существительному! Называйте, как хотите, то, что творится вокруг нас, но не называйте это «глупым», так как тогда вы сами глупы! Тогда глуп и огонь,

и шторм, и буря, и пожар, и ненависть, и любовь!» И далее он сравнивает войну с извержением вулкана, который неожиданно прорывает тонкую кору земной поверхности (59). Это сама по себе не новая идея эсхатологического толкования войны взята на вооружение неонацистами.

Широко распространена в солдатской литературе геополитическая идея. Так, герой Конзалика заявляет: «Мы должны мыслить не регионально, а геополитически! Народы — это только результат действия географически обусловленных сил. Германия — центр Европы. И как все начинается от центра... так и мы, немцы, имеем геополитическое право, право расширяться во всех направлениях, если этого требует ситуация» (60).

В этой литературе можно найти и другие «концепции» войны, но все они носят внесоциальный характер, направленный на то, чтобы скрыть агрессивную сущность империализма. Война трактуется и как «проклятие бога», и как выражение социально-биологической необходимости «отбора народов», и как доказательство «неприемлемости человека вселенной».

Подобные теории служат морально-философским оправданием безответственности солдата за свои преступные действия, ибо солдату внушается мысль, что он является исполнителем «высшей метафизической воли», за которой в действительности скрываются алчные интересы монополистического капитала. На войне «мы должны учиться не иметь морали, чести, совести», — говорит один из героев Конзалика (61). В романе Х. Г. Кернмайра «Мы не были бандитами» (1950 г.) также восхваляется безответственность солдата, исполнителя: «Вся ответственность ложится на пастуха. Так было — так будет» (62). Иными словами, солдатам нет необходимости думать, их дело — выполнять приказ.

Однако перспектива быть исполнителем чужой воли, в какое бы величие она не облакалась, мало привлекательна. Мелкий буржуа, обыватель хочет получить за тяготы войны конкретные блага. Поэтому важной чертой милитаристской и неонацистской литературы является проповедь реваншизма, завоевание новых стран и народов, над которыми каждый немец будет «господином». Особое усердие проявляет на этом поприще тот же Конзалик, каждый роман которого, выходящий 1—2 раза в год, издается тиражом не менее миллиона экземпляров. В его книге «Осенние маневры — жизнь честного немца Генриха Эммануила Шютце»

есть эпизод, в котором старый вояка наблюдает с холма маневры «Фаллекс 1966». И сердце его наполняется торжеством, так как «сыновья Германии снова маршируют». Его мечта, цель его жизни — «великий германский рейх», «марш серых колонн, ура в сердце» (63).

Почти во всех произведениях солдатской литературы проводится эстетизация жестокости войны, которая противопоставляется «застою» будничного существования: «Кто с пулеметом или винтовкой, сидя в укрытии, с лихорадочным напряжением ждал появления на мушке врага... тот перерос свое прошлое бухгалтера, чиновника или рабочего... Под ударами, в крови возник новый человек» (64).

Смакование подобных эпизодов имеет определенное пропагандистское значение. Отсутствие эстетического вкуса и деформированная нравственность ведут к тому, что поэтизация кровавых сцен и жестокости увлекают обывателя и он теряет социальную ориентацию. Образ жестокого, неумолимого и ловкого солдата становится его идеалом. Так милитаристская литература превращает фашистского ландскнехта в образец для подражания. В то же время отношение солдат к своим товарищам, к семье, к животным, к родной природе окрашено в сентиментальные тона. Правда, это явление не новое, сентиментальность не исключает жестокость. В солдатских романах сентиментальность так же несет реакционную идейную нагрузку. Одной из основных ее черт является реваншизм.

Особенно наглядно это проявляется в литературе различных «землячеств» и «союзов изгнанных», объединяющих переселенцев из Чехословакии, Польши или Прибалтийских областей. В своем большинстве эти союзы проводят реваншистско-националистическую политику, что находит выражение у многих авторов переселенцев. Тоска по оставленной родине, детские и юношеские впечатления, шум лесов и запах трав, могилы близких — все это используется для эмоционально-будоражающего воздействия на большую психологию изгнанника. И даже те из них, которые не являются политически реакционными людьми и тем более не разделяют идеологию неонацизма, становятся потенциальной базой реваншизма. Тем более, что литература землячеств различными средствами исторической дезориентации постоянно возбуждает у своего круга читателей чувство обиды и сознание «несправедливости» свершившегося. Так «сентиментальность» активизирует стремление к мести, к агрессии. «Литература землячеств,— пишет в своей книге «Реставраторы

орла и свастики» И. М. Фрадкин,— представляет собой один из наиболее активных, агрессивно наступательных отрядов неонацистской литературы в целом» (65).

Органической чертой всей милитаристской литературы ФРГ является борьба с демократией, социализмом и коммунизмом. Такая направленность этой литературы понятна, поскольку главным препятствием на пути осуществления агрессивных устремлений империализма являются страны социалистического содружества. Большая заслуга в борьбе с экспансионистской политикой монополистического капитала международного рабочего и коммунистического движения, демократических сил мира и национально-освободительных процессов. Что же касается непосредственно неонацистской, солдатской литературы, то в ней помимо общей направленности милитаристской литературы насаждается враждебность к антифашистам, коммунистам и другим борцам против фашизма в гитлеровской Германии. Каждое выступление против нацистов рассматривается неонацистской массовой литературой государственной изменой, а любой антифашист — «жалкой, заслуживающей уничтожения тварью». Другим вариантом этой тенденции, пишет Ф. Вагнер, является прославление ренегатства. Характерно, что он разработан ренегатом Пливье и «старейшим антибольшевиком» (по его собственным словам) Двингером (66).

Со второй половины 60-х годов в массовой милитаристской литературе ФРГ появился несколько новый оттенок. Экономические успехи и оборонная мощь социалистических государств, растущее понимание нереальности реваншистской политики, психологическая усталость населения западных стран от постоянной проповеди новой войны, полевение умонастроений в мире в целом, о чем говорилось раньше, определили спрос на документальный жанр в литературе и в искусстве. Отражением этой тенденции явилось стремление придать примитивной солдатской литературе видимость «документальности» и «исторической достоверности». В проспекте издательства «Пабель — ферлаг» 1966—1967 годов говорилось, что новую военную литературу с одинаковым восхищением будут читать как «закоренные ландскнехты», так и «убежденные противники войны» (67). Другими словами, стала намечаться тенденция к более эффективному воздействию на психологию сегодняшнего западного немца всей милитаристско-реваншистской литературы.

Искажая исторические факты, извращая социально-экономическую сущность явлений, дискредитируя демократические институты и разрушая морально-эстетические ценности, солдатская литература вместе со всей неонацистской продукцией стремится деформировать сознание обывателя и идейно-психологически подготовить его к восприятию милитаристско-реваншистских настроений.

Эта литература рассчитана не только на формирование агрессивности для будущих фашистских завоеваний. Она тесно связана с реакцией сегодняшнего дня. Так, в период агрессии США во Вьетнаме поток неонацистской солдатской литературы, восхвалявшей войну и воспевавшей американские зверства, усилился в Западной Германии. Израильская агрессия на Ближнем Востоке получила официальное одобрение лидеров НДП, а книги эсесовского военного преступника О. Скорцени, имеющие «высокую документальную и историческую ценность» (по заявлению «Дойче национал-цайтунг») и запрещенные правительством социал-демократов, служат израильским офицерам «пособием по военной тактике» (68).

Образ шовинистического солдата широко варьируется в милитаристской литературе. Но всегда он выступает как «лучший солдат», преемник прусской «непобедимости», носитель «народной общности», спаситель немецкой нации «от разложения и гнили», хранитель «западной свободы», защитник «культуры от варварства», непримиримый «борец с мировым коммунизмом». Причем последняя черта является господствующей во всей этой литературе. Чему бы не был посвящен роман — авантюризму, шовинизму, геополитике, расизму — он так или иначе носит крайне антикоммунистический, антисоветский характер. Слияние этих наиболее реакционных компонентов и определяет ведущее положение шовинистического типа солдата во всей массовой неонацистской продукции.

Эстетизация жестокости

Одной из характерных черт неонацистской идеологии, как говорилось в предыдущей главе, является формирование у обывателя жестокости. Эта жестокость имеет коричневую окраску, ибо она непосредственно связана с расизмом, шовинизмом и антикоммунизмом. Среди всех потоков массовой литературы непосредственным воспеванием жестокости и насилия занимается криминально-приключенческий жанр.

Общеизвестно, что реакционная пропаганда для достижения своих целей использует любые формы, средства и приемы. Один из американских экспертов психологической войны П. Лайнбергер пишет: «Пропаганда должна в зависимости от ситуации пользоваться речью матери, школьного учителя, любовника, сутенера, полицейского, актера, священника, шахтера и публициста, если она хочет воздействовать на массы» (69). Прямо назвать в своем списке убийцу психолог, видимо, «постеснялся», но он явно имел в виду и эту фигуру. Надо лишь добавить, что «идеи» пропагандируются не только речью, но и действиями, причем второе более эффективно. Однако до широкой публики эти «откровения», естественно, не доходят. Господствующая идеология западных стран делает все возможное, чтобы скрыть социальную сущность гангстерской литературы, изобразить ее как чисто развлекательную. И многие попадают на эту приманку, что дает возможность наиболее эффективно использовать криминально-приключенческий жанр для социальной дезориентации мещанства.

Применяя художественные средства, империалистическая система «маскульта» воздействует на низменные инстинкты, воспитывая жестокость, садизм и презрение к людям. За такой продукцией в конечном счете стоят интересы реакционных кругов западногерманского монополистического капитала, стремящихся создать армию послушных «роботов», лишенных морально-этических ценностей и готовых убивать, жечь, грабить, насиловать. Эта функция возлагается на армию как во вне страны — для завоевания новых территорий, так и внутри ее — для борьбы с демократическим движением и для подавления сопротивления трудящихся. Разлагающее воздействие этой продукции на сознание «маленького человека» признают и некоторые «стыдливые» буржуазные проповедники. Крупный теоретик в области искусства из ГДР А. Хохмут в своей книге «Литература и декаданс» приводит характеристику «отбросовой» культуры, данную одним евангелическим священником: «Методы искусственного взвешивания нервов и ума путем изображения ужасов и жестокостей. Нагромождаются кинокадры из самых темных камер ужасов, сцены пыток и кошмарные сны...» (70)

Эта литература воздействует не только на солдатскую психологию, она внедряет представление об обыденности и правомерности насилия в сознание всех слоев политически незрелой части населения страны.

Одним из свидетельств этого положения является ажиотаж во всех западных странах вокруг романов И. Флеминга о суперагенте «007» — Джеймсе Бонде. В образе Бонда Флемингу удалось слить воедино антикоммунизм, расовую ненависть, жестокость, сексуальность и садизм. Вся деятельность этого «героя» направлена на борьбу с «красной опасностью», «шпионажем Востока» и т. д. Убивает он ловко и спокойно, без всяких угрызений совести, ибо это «его работа». Но особенно приятно ему «убирать» «известных» людей. Бонд получает индульгенцию за убийства от высшего начальства и это «снимает с него» всякую ответственность. Именно это и нужно современной идеологии неонацизма. Целый ряд деятелей культуры отмечают фашистский характер данного образа. Так, западногерманский критик Г. Х. Бух пишет о Бонде: «Его идеология — это идеология эсесовца, задача которого действовать...» (71) «Бонд по своей природе — фашист», «Бонд — отвратительный тип» — так характеризовали своего героя прародители Бонда от кино режиссер Янг и актер Коннери (72).

В то же время образ Бонда выступает олицетворением мечты обывателя, который вместе с «героем» на минуту как бы поднимается над окружающей его неприглядной действительностью и в мыслях подчиняет ее себе, хотя бы и в таком извращенном варианте. При этом авторы подобных произведений часто спекулируют на успехах научно-технической революции. В своих криминальных целях они стремятся внушить читателю реакционную мысль о господстве индивидуального человека с помощью новейшей техники над всем миром, забывая при этом, что сам супермен в условиях буржуазного мира становится механическим роботом, действующим в интересах реакционных кругов монополистического капитала. В образе супермена, отмечает Э. Кранц, «стремление к техническому совершенству отделяется от этического стремления человека к лучшей жизни человеческого общества» (73).

Таким образом Бонд, выступающий орудием самых реакционных сил империализма, импонирует мещанской психологии, что ведет к широкому распространению данного типа «героя» и внедряет в сознание масс идеологию правого экстремизма. Режиссер Янг, понимая социальную сущность Бонда, тем не менее заявляет: «Этот герой появился в нужный момент, он точно соответствовал тому, чего подсознательно ждала и хотела видеть современная взрослая

западная публика. В настоящее время я не вижу ничего, что могло бы заменить этот миф» (74).

Конец 1974 года ознаменовался появлением подновленного варианта Джеймса Бонда. Речь идет о фильме режиссера Г. Хэмпилтона «Человек с золотым пистолетом», который, по сообщению еженедельника «Пари-матч», побивает во Франции все рекорды кассовых сборов. Цель этого фильма дать публике побольше «розового оптимизма». Убийства здесь совершаются с улыбкой и «даже на трупах нет гримас страдания» (75).

Политическая направленность криминальной массовой литературы, воспевающей жестокость, определена достаточно четко: защита «любой ценой» «западной цивилизации» от «угрозы с Востока». В обстановке массового психоза и милитаристско-неонацистской пропаганды образ суперменезащитника находит определенный отзвук у мещанской части населения западных стран. С другой стороны, изображение «шпионской деятельности Востока», «саботажа против Запада» и прочие вымыслы должны «наглядно» показать широким кругам читателей возможность военного конфликта с СССР, разжечь «атомный страх» и оправдать огромный военный бюджет.

Ясно, что эта литература проповедует антигуманистическую идеологию и поощряет агрессивные инстинкты. Разлагающее влияние подобной продукции слишком очевидно. Поэтому «стыдливые» буржуазные идеологи его не отрицают. Однако признание реакционной сущности господствующей современной западной литературы и искусства буржуазными теоретиками и критика «отбросового» искусства чаще всего не идут дальше демагогических воспеваний буржуазной демократии, а сами произведения рассматриваются как свидетельство настоящей свободы. Глава американской делегации на 6-м Международном конгрессе по эстетике Т. Манро в своем докладе «Искусство и насилие» после критики произведений, воспевающих убийство на экранах телевизоров и кинотеатров США¹, заявил: «Всякое решительное выступление за установление цензуры вызвало бы сильный протест со стороны либералов-интеллигентов, для которых свобода выражения в искусстве является почти религиозным принципом... Я не ратую за цензуру в искусстве даже во имя разумного» (76). Эти витиеватые фразы с

---

¹ «На таких фильмах... молодежь многих стран недавно училась убивать и познавала прелесть неоднократного совершения этого акта».

претензией на объективность имеют совершенно однозначный апологетический смысл: защиту современного империализма со всеми его идеологическими атрибутами.

Однако появляются и циничные «откровения», оправдывающие существование криминальной продукции «суровой правдивостью» изображения жизни. В рекламе одной из реакционных западногерманских газет сообщалось: «Разве этот криминальный роман слишком волен, слишком дерзок, слишком бесстыден, слишком жесток и груб? Нет! За образец в нем была взята сама жизнь... время. Но тем не менее, а может быть именно поэтому оно прекрасно» (77). Здесь мы видим прямой панегирик жестокости и насилию. Что же касается до обвинений в «жестокостях» самой жизни в западном мире, как первопричины разлагающегося искусства, то это софистика, стремление скрыть за внешней связью явлений их подлинную, генетическую зависимость. «Только с уничтожением буржуазной системы,— считает А. Хохмут,— можно преодолеть разложение буржуазной культуры» (78).

Верноподданный как орудие неонацистской политики

Психологическая подготовка масс к новой войне постоянно питает категорию верноподданного, как слепого орудия милитаристско-неонацистских сил. Поэтому в империалистической массовой литературе тема повиновения приказу занимает особое место. Приказ становится «идеологической категорией, мифом, социальный смысл которого скрыт и который имеет абсолютную ценность» (79).

Нерассуждающие массы, роль которых сводится только к выполнению приказов, так называемое пушечное мясо, нужны любому империалистическому государству. Для идеологии нацизма и неонацизма они имеют особо важное значение. Поэтому образ верноподданного, не являющийся специфическим для неонацистского искусства, тем не менее выступает как необходимая составная часть неонацистской массовой литературы, как ее исходная основа. Догма приказа, ненависть к интеллекту, к разумному, логическому и критическому способу мышления и открытое предпочтение иррациональных начал (вера в судьбу, в провидение, животный инстинкт, волюнтаризм, голос крови и почвы и т. п.) при объяснении исторических и политических событий являются неизбежной оборотной стороной антинаучности фашистских доктрин. Это именно та литература, на которую

гитлеровские идеологи возлагали функцию воспитания «силы через радость». Иными словами, сентиментальная литература служит необходимым дополнением к прославляемой нацистами жестокости.

Символом этой продукции являются романы писательницы Х. К. Малер, которые сейчас широко переиздаются. В начале 70-х годов наибольшей популярностью из данного типа романов пользовались бестселлеры — Э. Сегала «Любовная история», И. М. Симмеля «Бог бережет влюбленных», его же «Только ветру известен ответ» и Ю. Фернау «Весна во Флоренции» (80).

Можно выделить две основные функции данного жанра литературы. Во-первых, она воспеваает духовно нетребовательного, покорного судьбе человека, который безоговорочно отдает себя во власть господствующей системы, не задумываясь о ее социальной сущности. Идеологическим обоснованием такого поведения является изображение существующего порядка как установленного высшей силой. В соответствии с этим определяются и нормы поведения верноподданного. Вторая функция этой литературы состоит в том, что она дает иллюзию возможности построить личное, «маленькое счастье» в стороне от социально-политических проблем общества, борьбы за демократию, прогресс, гуманизм. Но эта кажущаяся аполитичность, освобождающая «естественную», «органическую» сущность человека, уже сама по себе является реакционной политикой. Тем более, что очень часто она переходит к агрессивной политике, особенно у неонацистских авторов.

Литература этого рода непосредственно смыкается с различными реакционными философско-политическими утопиями мелкобуржуазного характера и служит массовой формой их распространения. Это критика капитализма справа, выступающая против индустриальных методов производства, развития техники, образования, науки и культуры в целом. Подобная литература часто дает меткое описание уродств капиталистического общества и вскрывает его пороки. Но сущность ее была и остается одной: «исправить капитализм». Именно потому она провозглашает решающим средством борьбы с «пороками капитализма» бегство из «будней города» в «красоты немецкого ландшафта». Причем описание сельской жизни и природы носит не патриотически-национальный или патриархальный характер, а пропитано духом национализма и шовинизма. Подобные произведения воспевают высшее, метафизическое величие «немецкого ду-

ха» и «немецкого ландшафта». «Описание этого «родного ландшафта» и националистически-шовинистическое изображение «немецкой сущности», — пишет К. Цирман, — стали нераздельными в империалистической массовой литературе». Более того, в прошлом «эта связь положила начало процессу, приведшему прямо к фашистской литературе крови и почвы» (81).

Основоположники этого направления, такие, как Л. Хангофер, Л. Тренкер, Г. Гримм, являются ведущими авторами на современном западногерманском книжном рынке. Не отстают от них и авторы солдатской неонацистской литературы. В этом жанре «верноподданничество» изображается как «свободное решение», как «героическое достижение», как «победа над антимиром, социализмом» (Бауэр, Конзалик, Двингер).

Характерной чертой «верноподданничества» является борьба с интеллектом, гуманизмом, демократией, прогрессом. Так, один из героев романа Двингера «Потерянные сыновья», капитан Остхоф, восхваляя Пруссию за «любовь к порядку, организованность, верность долгу, образцовую простоту», заявляет: «О, эти интеллигентные болваны с их эфемерным гуманизмом... Если они действительно добьются своими воплями, что больше никто не захочет стать солдатом, то в один прекрасный день они увидят себя запряженными в красные сани» (82). Двингер обрушивается и на буржуазно-демократическую прессу. Он именует всех честных и прогрессивных писателей «декадентскими вырожденками», «отвратительными гуманистическими писаками», которые стоят «под кремлевскими дверями».

Герои Двингера заявляют, что только в армии сохраняются те «естественные» чувства «чести», «самопожертвования», «верности», которые являются основой нашего «человеческого существования». Другими словами, настоящий верноподданный — это солдат. Вся суть жизни — это война и уничтожение прогресса. Один из «героев» Двингера восклицает: «К черту весь прогресс, который один является источником всех бед!» «На нас держится мир, на нас держится жизнь... Выпьем за полуобразованных, за недоучек!..» (83)

Таким образом, сентиментальность, верноподданничество, насилие и жестокость работают в одном ключе «воспитательной» функции неонацистской литературы. Литература этого рода примитивна, она рассчитана на малообразован-

ные слои населения. Что же касается интеллигенции, элиты, то для нее неонацисты прокламируют Шпенглера, Гримма, Юнгера, Бенна, т. е. так называемую квалифицированную литературу.

3. ЭРНСТ ЮНГЕР И ЕГО МИФЫ

Если неонацистские реваншистские «эпопеи» Двингера, Конзалика, Цизеля и подобных им литераторов содержат азбуку расизма и рассчитаны на поддержание «боевого духа» у обывателя, то произведения Юнгера обращены к интеллекту милитаристской элиты, стремятся привлечь на свою сторону колеблющуюся интеллигенцию и логически оправдать «справедливость» нацизма старого и нового. И это ему часто удается. Воздействие реакционного творчества Юнгера на духовное формирование буржуазной интеллигенции Запада, особенно в странах романского и немецкого языков, где он известен еще с 20-х годов, остается весьма значительным. Особая опасность его идеологического влияния определяется тем, что будучи одним из теоретических предшественников фашизма он и ныне придерживается тех же позиций, которые охотно эксплуатирует неофашизм в своих политико-пропагандистских целях.

На Юнгера как на своего духовного наставника постоянно ссылаются неонацистские издания (84). И в документах НДП, и в газете «Дойче национал-цайтунг» он именуется «одним из самых видных стилистов современной немецкой литературы» (85). До небес превозносятся произведения Юнгера на страницах неонацистского журнала «Национ Ойропа». Так, в девятом номере этого журнала за 1969 год в связи с выходом его романа «Субтильная охота» (Штутгарт, 1967 г.) редакция заявляет: «Мы были бы рады, если бы Э. Юнгер дал нам книгу, которая в эту эпоху смятения обратилась бы к нашей молодежи с той холодной четкостью, которую мы так ценим в его произведениях» (86). Своим «мэтром» его признают и неонацистские писатели (87).

Фашистский характер творчества Юнгера неоднократно отмечался как литературной критикой ГДР, так и рядом прогрессивных деятелей культуры капиталистических стран (88). В рецензии на одну из последних его книг «Рогатка» (E. Jünger. Die Zwille. Stuttgart, 1973) известный прогрессивный западногерманский писатель З. Ленц пишет: «Там, где «капитано» (воинское звание Юнгера.— М. Ф.) когда-то

стоял, он остался и сегодня, несмотря на все поучительные уроки, которые нам дала история...» (89) Аналогичную оценку этому произведению дают такие авторы ФРГ, как И. Гюнтер и В. Гельвиг (90). В художественных и публицистических произведениях многих прогрессивных писателей, таких, как Г. Бёльль, Г. Рихтер, Д. Нолль, Р. Шерингер, имя Юнгера связано с реакцией и воспеванием войны.

Тем не менее наиболее распространенной в западных странах является точка зрения либерально-буржуазной критики, которая рассматривает Эрнста Юнгера «жертвой фашизма» или даже «антифашистом». «Обоснованием» подобных суждений являются фальсифицированные факты его биографии и рафинированность юнгеровских фашистских идей. Юнгер не выступал официально на стороне «третьего рейха», отказался от звания академика художеств и переехал в деревню, где жил до начала второй мировой войны. Именно эти факты используются буржуазной пропагандой, чтобы представить Юнгера в глазах доверчивого обывателя как «жертву» фашизма, демократа. Отказ от звания академика не только был расценен как демократический шаг, но и привел к неверному представлению о его философско-эстетических взглядах. Здесь сыграл свою роль ореол внешнего «мученичества», «бунтарства».

Оценивая по заслугам апологетический характер произведений Юнгера, реакция не скупится на самые высокие поощрения своего идейного оруженосца. Юнгер имеет множество различных наград. Он лауреат литературной премии города Бремена (1956 г.), премии Госляра (1956 г.), премии за заслуги в области культуры Союза немецких промышленников (1960 г.), премии Иммермана (1960 г.), имеет «Большой Крест за заслуги перед родиной» и является кавалером Золотой медали Штейна (1970 г.). Юнгер является единственным писателем ФРГ, произведения которого при жизни изданы в 10 томах (1960—1965 годы).

Шумиха, поднятая вокруг Юнгера официальными правительственными кругами ФРГ и различными союзами, к сожалению, оказывает влияние и на прогрессивных деятелей различных стран. Под влиянием реакционной буржуазной фальсификации, представляющей Юнгера жертвой фашизма, оказался и левый социалист ФРГ Р. Кюнль, написавший доказательную книгу по критике неонацизма «Структура, программа, идеология НДП» (91). Не нашла должного отражения критика Юнгера в фундаментальной 2-томной книге по современному неофашизму у прогрес-

сивного американского исследователя К. Таубера «После орла и свастики» (92).

В действительности же отношение Юнгера к гитлеровскому фашизму не только не было критическим, но, напротив, именно он и разработал в художественной литературе основные, исходные принципы национал-социализма.

В сегодняшних условиях Юнгер продолжает служить фашизму, нисколько не меняя своих позиций, а поступаясь лишь отдельными тактическими приемами, или, как он их называет, «козырями». Отвечая на вопросы корреспондента французского журнала «Ля кэнзэн литерер» в 1969 году, он заявил: «Впереди очередное обновление, и человеку принадлежит в нем лишь роль простого исполнителя». Новым государством будет управлять предпочтительно офицеры. «Они более приспособлены к непосредственному осуществлению власти», — считает Юнгер (93). Смысл этих рассуждений — вера в фатальную неизбежность новой мировой войны, в результате которой, наконец, будет установлена вожделенная власть военщины во всемирном масштабе. В этом новом рейхе и на пути к нему будут отброшены те «ненужные жестокости», которые так «раздражали» Юнгера. Модель нового, «улучшенного» фашизма — это диктатура избранных аристократов, применяющих «рациональную» жестокость и наслаждающихся ею.

Рафинированный фашизм Юнгера в сочетании с аристократизмом и эрудицией писателя определяют его своеобразное положение среди реакции: с одной стороны, как люцифера духа, официально признанного неонацизмом, а с другой, как «жертвы» фашизма. Все это вызывает необходимость более подробного анализа его идеологических воззрений¹.

За свою долгую жизнь Юнгер (родился в 1895 году) написал большое число романов, философских трактатов и

---

¹ В советской литературе философско-идеологические взгляды Э. Юнгера изложены, пожалуй, лишь в одной работе. Это докторская диссертация С. Ф. Одуева «Нищестанство и немецкая буржуазная философия». М., 1970, с. 362—401. Его литературно-идеологические воззрения подвергаются критике в статьях: А. Карельский. Против идеологии реваншизма.—«Вопросы литературы», 1963, № 7, с. 216—219; он же. Станции Эрнста Юнгера.—«Иностранная литература», 1964, № 4, с. 230—236; Л. Черная. Десять томов ненависти (К выходу в свет в ФРГ 10-томного собрания сочинений Э. Юнгера).—«Литературная газета», 1963, 7 декабря; М. Лифшиц. Люцифер духа.—«Литературная газета», 1969, 23 апреля; М. Филатов. Неонацизм и «искусство».—«Октябрь», 1972, № 10, с. 186—188.

эссе. У него насчитывается более 40 книг, в которых высказано много различных реакционных идей, приспособленных к определенной исторической ситуации. Но исходные позиции его теоретических концепций остаются неизменными.

Являясь представителем позднебуржуазного нигилизма, Э. Юнгер вместе с другими эпигонами философии жизни, созданной Ф. Ницше, такими, как О. Шпенглер, Л. Клягес, А. Боймлер, подготовил один из важнейших теоретических приемов идеологической обработки масс населения, который широко использовал фашизм. Этот прием состоит в мифизации действительности. Миф у Юнгера в еще большей степени, чем у других последователей Ницше, выполняет функцию политической пропаганды, духовной обработки мелкобуржуазных масс с целью привлечения их на сторону реакционной политики монополистического капитала. Исходной основой философии Юнгера является признание «жизни», как метафизического принципа. «Жизнь», — говорит он, — это не та жизнь, которую мы имеем в действительности. Растения, животные, люди для него только формы проявления «жизни». «Жизнь» как принцип определяет не только живое, но и все процессы вне живой природы и вне общества (94). Она носит «космический», неуничтожимый характер (95). Уничтожаются лишь различные формы «жизни», которые она оставляет, а иногда даже сама, как в настоящее время (речь идет о «закате буржуазии». — М. Ф.), подготавливает «огромное наступление против своих форм» (96). Реальные предметы, явления и процессы, сама действительность представляются Юнгеру ни чем иным как символами, выражающими соответствующие «образы». Однако понять, что такое «образ» в этой философии трудно, поскольку он сознательно уходит от его раскрытия. Юнгер лишь пишет, что образ «несет масштаб в самом себе» (97). Такая далеко не новая конструкция открывает беспредельные возможности для реакции как в гносеологическом, так и в социальном плане.

По этой теории существуют два мира: мир обыденный, холодный, примитивный и мир возвышенный, собственно действительный, являющийся сутью обыденного мира. Но возвышенный мир — это высшая метафизическая сфера и к ней не каждый имеет доступ. Иррациональная милость избирает особую касту людей, элиту и обеспечивает ей встречу с возвышенным, со смыслом, с движущими силами происхождения. Элита отличается способностью приобретать знания особым способом: молниеносно, когда неожиданно

спадают пелена. Ей не нужно стараться приобретать глубокие знания, она этого даже не может. Познание элиты не означает, что «мы спускаемся в шахты и коридоры системы с помощью лампочек разума и освещаем тайный порядок», этой задачей занимается наука, а «мы приобретаем понимание только тогда, когда в нас самих навстречу этому пониманию поднимается взрыхленная душа». Наше познание «подчиняется не труду и сознанию, а милости и темноте» (98). Возвышенной натуре, элите, «авантюристу» в милостивый момент открывается «магическая перспектива», надмировые сферы, к которым он бесконечно стремится, и это дарит ему проникновение в смысл бытия. Магическая перспектива, по теории Юнгера, открывается в моменты «нарушения равновесия», такие как «восторг», «приостановка дыхания и сердцебиения» (99). Восторг основан на «стереоскопическом восприятии», что «означает... получить от одного и того же предмета два чувственных восприятия одновременно... с помощью одного органа чувств» (100). Так, анализируя восприятие пастельной живописи, он заявляет, что здесь добавляется к ощущению чистого цвета чувство «осязаемости краски, способность кожи, которая делает приятной мысль прикосновения» (101).

Эти рафинированные построения, казалось бы, далекие от политических проблем, нужны Юнгера для эстетизации милитаризма. Метод «магической перспективы» применяется им для воспевания войны, жестокости, насилия. Война,— пишет Юнгер,— дает человеку высший восторг и наслаждение. Это «великолепная мечта», доступная лишь «аристократам духа» (102).

Движущим стимулом космической категории жизни, по философии Юнгера, является разновидность ницшевской «воли к власти», выступающая «целью всех целей», их «всеобщим средством» (103). Творящая «воля к всевластию» наполняется конкретным социальным содержанием, обретая значение «через бытие, которому она служит» (104). Воля к всевластию постоянно преодолевает материальные результаты деятельности человеческого разума, несущие холод и смерть для жизни. Тем самым непостижимое становление жизни, по теории Юнгера, происходит в постоянной борьбе с разумом, «тиранией материи». Борьба или война является сокровенной сущностью жизни, ею «живет все живое» (105). Эта борьба у эпигонов философии жизни, «открывших шлюзы» данного течения «для перехода к идеологии фашизма», пишет в своем исследовании

довании С. Ф. Одуев, «идет во имя самой жизни, поставленной перед угрозой Ничто» (106). Но Ничто здесь не означает ничто. Ибо мир находится в непрерывном круговом движении, вечном возврате к исходной точке. «Творение и возвращение неизменно того же» есть вневременная действительность, пишет Юнгер (107). Его миф о вечном возвращении является лишь бледным повторением соответствующей теории Ф. Ницше.

Крайней реакционностью характеризуется и философия истории Юнгера. Он отрицает идею общественного прогресса, называя ее «иллюзией, оптическим обманом», основанной на вере в достижение социального идеала (108). Но идеала нет. Он выдуман, ибо в основе развития лежит жестокость и варварство. Человеческий род представляется Юнгеру дремучим древним лесом, наполненным звериной борьбой. Побеждает лишь жестокое и неукротимое, «черпая силу жизни» из уничтожения и смерти. «Каждое поколение человечества вырастает на распаде» бесчисленных поколений (109). Техника, культура и цивилизация в целом, по его мнению, делают человека еще более опасным, изощренным, «вспенивая» в нем «первичную породу», «раскрепощая» звериные инстинкты, вздыбливая «таинственное чудовище» его души (110). Но все таинственное и жестокое манит и восхищает Юнгера. Это представление о «человеческом роде», взятое в аспекте главного стимула развития — воли к власти, привело его к созданию метафизического «образа» обреченного к «вечной войне» агрессивного человека (111).

«Методологической» основой философии истории Юнгера является все та же мифизация действительности. Он рассматривает историю как поток мифологических «образов», создаваемых «победителями» на разных этапах становления жизни (112). Подобные спекулятивные конструкции позволяют автору наполнять любым содержанием явления социальной жизни, исходя из своего классового интереса. Классово-политическая позиция Юнгера — это «воинствующий империализм» (113), и она не меняется. Свидетельством тому являются его «образы»-мифы как 20-х годов, так и нынешние. В 1951 году в романе «Лесная прогулка»¹ он пишет: «Миф... вневременная действительность,

---

¹ E. Jünger. Der Waldgang. Frankfurt a. M., 1951. Мы даем буквальный перевод названия романа, уже известного в нашей критической литературе. Исходя же из содержания произведения, его лучше было бы назвать «Лесовик».

повторяющаяся в истории. То, что наше столетие снова находит смысл в мифах,— это хорошее предзнаменование» (114). По заявлению Юнгера, с помощью мифов новые качества начинают измеряться старой меркой. Иными словами, старые нацистские мифы становятся на службу неонацизму. Рассмотрим подробнее некоторые мифы Юнгера.

«Война как метафизическое явление»

Основные темы произведений Эрнста Юнгера, превалирующие в его творчестве до сегодняшнего дня,— это воспевание смерти, тотальной войны, элитарного господства, обезличивание современного человека. В основе его подхода к действительности лежит «стихийная» страсть насилия. «Я сделаю такое — что именно, я еще не знаю,— что станет ужасом земли»,— заявляет Юнгер (115). «Типичность» стиля Юнгера определяется в первую очередь его воспеванием войны. Еще в произведениях 20-х годов «В стальных бурях» (1920 г.), «Борьба как внутреннее переживание» (1922 г.), «Перелесок 125» (1925 г.) и «Огонь и кровь» (1925 г.) война рассматривается им как «чудесный сон», позволяющий забыть серые будни (116).

При таком восторженном отношении к войне вполне логично, что Юнгер считает ее «космическим» явлением, извечным «зовом природы», который он сравнивает с «половым инстинктом». Война, по его мнению, поднимается «со дна души» человека, «как зверь», она «не конец, а начало насилия» (117). Особенно иезуитски звучит вывод, который писатель делает из этих постулатов: «Жить — значит убивать» (118).

Прославляя войну как «великую кузницу», в которой «перековывается мир» и создаются новые границы, Юнгер возвеличивает немецких ландскнехтов (119). Его расовая и элитарная теория неразрывно связана с поклонением войне. Во время войны «господином часа» становится «рыцарь духа», «носитель идей», элита. А массы — это материал. Простые солдаты для Юнгера — «действительно материал, который сжигает идея без их ведома для своих великих целей» (120). Понимая в то же время эфемерную привлекательность для солдата гибели ради чужих капиталов, Юнгер пытается изобразить войну актом абстрактного самоутверждения: «Существенно не то, за что мы боремся, а то, как мы боремся. Борение, самопожертвование, пусть во имя самой ничтожной идеи, весит больше, чем все рассуждения о добре и зле» (121).

Идейное содержание солдатского «героизма», по этой теории, полностью снимается и его место занимает функциональная зависимость солдата от военачальника. Солдат превращается в орудие любой цели. Тем самым Юнгер воспекает философию наемника и убийцы, неизменным атрибутом которой является жестокость. Жестокость эта носит особый характер. Она неразрывно связана с эстетизмом, вместе с которым представляет лишь разные аспекты извращенного восприятия действительности: сцены насилия сменяются энтомологическими этюдами; воины удаляются в монашескую келью, чтобы посвятить себя изучению ботаники; воздушный налет на Париж автор созерцает через рюмку бургундского; или, например, наблюдая жизнь дездертира, Юнгер следит то за ним, то за крохотной мухой, ползающей сначала по дергающемуся, затем по мертвому лицу (122). С восхищением он описывает картины «всепроникающего ужаса, тончайшие оттенки которого доступны лишь самым чувствительным натурам» (123).

Внеисторическая, апологетическая сущность юнгеровского толкования войны явилась выражением политических интересов реакционной буржуазии Германии, пытавшейся морально оправдать развязывание первой мировой войны и любыми средствами мобилизовать массы на выполнение своих реваншистских целей.

Первая мировая война была для немца, пишет Юнгер, «средством осуществления самого себя», «первой пробой», которая позднее принесет свои плоды (124). Немецкая раса, сильная, жестокая и непреклонная в своей воле к власти, готовая к жертве, порядку, послушанию и приказу, победит «расшатанную волю к власти» других наций и обеспечит себе жизненное пространство (125). Тотальная «воля к власти», к господству над всем человечеством является исторической «миссией» «немецкой расы». Она предопределена богом и судьбой (126). Юнгеровская философия войны широко использовалась гитлеровским фашизмом. Сегодня она служит неонацистскому реваншизму. Неонацисты используют ее как для реабилитации гитлеровского милитаристского угара, так и для обоснования новых планов агрессии.

После второй мировой войны Юнгер, как правило, снова обращается к той же проблеме. В произведениях «Мир» (1945 г.), «Гелиополис» (1949 г.), «Через линию» (1950 г.), «Лесная прогулка» (1951 г.) и других война, хотя и не показывается прямо, но она все время присутствует подспудно.

Одним из наиболее значительных послевоенных произведений Юнгера, посвященных философскому оправданию фашистской агрессии, является фантастическая утопия «Гелиополис», в которой делается развернутая попытка обоснования зверств гитлеровских армий и вновь прокламируется идеология реванша. С рафинированным обоснованием гитлеровской формулы «совесть — химера» выступает генерал, несущий авторское начало. С помощью изощренных приемов софистики и демагогии он «обосновывает» философию ландскнехта, заявляя, что солдат должен выполнять «грязную работу, как Геракл», независимо от того, кто дает ему приказание. После этого окрика, облаченного в форму античной мифологии, генерал обращается к проблеме сегодняшнего дня. И здесь как в фокусе раскрывается реакционность самого автора, его злоба, адресованная силам демократии и прогресса: «Ситуация, в которой мы находимся, приносит с собой много грубых дел. Авгиевы конюшни не чистят в перчатках. Я скорее встану на сторону того, кто перейдет границы дозволенного в применении силы, чем того, кто захочет уклониться от применения силы. Это значило бы потворствовать атаке низменных сил» (127).

«Атакой низменных сил» он называет выступления трудящихся, борьбу за социальный прогресс и справедливость. На армию возлагается задача подавить эти силы. Переворачивая все с ног на голову, Юнгер старается оправдать действительных виновников того положения, в котором оказалась после войны Германия, и взвалить вину на других. При этом он явно намекает на денацификацию и Нюрнбергский процесс (128).

В романе «Лесная прогулка» Юнгер в аллегорической форме призывает к мобилизации сил для третьей мировой войны (129). В лесу собираются «лесовики», «первопроходцы», одиночки. В сложной мифической форме Юнгер излагает правила «поведения одиночек в тоталитарном окружении». Со сверхъестественной силой государства одиночка не должен бороться. Он должен исчезнуть и из «статистически понятного порядка» перейти в тот невидимый «порядок», который условно назван «прогулкой по лесу». Человек, «идущий по лесу», свободен и независим в своих действиях. Он «становится партнером левиафана», сам определяет свою мораль, право и прочие нормы поведения (130).

Свобода, о которой пишет Юнгер, — не реальная свобода. Это встреча с мифическим, переход в «другой мир», сни-

мающий проблему жизни и смерти, а вместе с нею и страх смерти. Эту «высшую свободу» и метафизическое «могущество» дает «проход через лес» (131). Но «метафизичность» Юнгера носит классовый характер. Она направлена против социализма и Советского Союза. Так, перечисляя «лесовиков», он имеет в виду, в первую очередь, страны НАТО, называя их «свободными народами». Другая большая группа «лесовиков» — это лица, подвергавшиеся «арестам, прочесыванию, внесению в списки» (т. е. нацистские преступники). Юнгер причисляет к «лесовикам» «партизан в тылу врага» (речь идет о скрывавшихся в лесах в первые послевоенные годы остатках фашистских войск). И, наконец, к этой категории причислены «благородные преступники» (непосредственно называются Карл Моор, Раскольников, анархисты). Самую значительную часть «лесовиков», по Юнгеру, представляют западногерманские немцы, ибо они якобы выдержали испытание, пройдя через которое можно быть допущенным «в этот лес». Немец все перенес, «молчал без оружия, без друзей, без форума в этом мире». Он — надежда всех «сокрушителей социализма», так как неуязвим для материалистов. Материализм же, заявляет Юнгер, «ведет в сферу чистой выгоды и затем — зверства» (132).

Расизм, оправдание и возвеличивание фашизма, обвинение союзников в насилии над немцами, ненависть к социализму — чего только нет в этом мистическом произведении. Но главное в нем — это призыв к новой мировой войне.

Элитарный тоталитаризм

Юнгеровский тоталитаризм, разработанный еще до прихода нацизма к власти, является одной из теоретических основ фашистской диктатуры. Главная особенность этой «теории» — ее социальная демагогия, которую широко использовал нацизм. Спекулируя на действительных трудностях угнетенных масс в условиях буржуазного общества и революционных настроениях пролетариата, Юнгер «обосновывает» необходимость уничтожения «старых ценностей» и утверждение «нового порядка», «тотальной диктатуры», «господства» «рабочего» (133). Политическая реакционность юнгеровского мифа наиболее ярко проявляется при перечислении тех ценностей, которые должен уничтожить «рабочий» на пути к «новому порядку». В первую очередь — это «либерализм», «демократия», «свобода», «заснлие» которых привело к «закату западной цивилизации» и поставило Германию на грань гибели. Повинна в этом «буржуа-

зия», слишком долго заигрывавшая с «радикализмом» (134). Спасителем «немецкой нации», выразителем ее «судьбы», по мифу Юнгера, выступает новый «сверхчеловек», «господин» мира, внесоциальный метафизический «образ рабочего», в котором воплощена немецкая сущность, ее стремление к «величию крови и духа» (135).

Главная задача идущего к господству «рабочего» — утверждение иерархического строя элитарного характера. Эта система представляется Юнгеру в следующем виде. Нижний слой иерархической пирамиды состоит из представителей пассивного типа, у которых «понимание командного языка и командного порядка» стало второй натурой. Средний слой образуется типом, который «обладает не только пассивным формированием, но и направлением». В то же время «как организатор хозяйства», техник и офицер, он еще нуждается в команде «Единственно великого» и его свиты — «аристократов по рождению и духу». Воля фюрера, черпающая непосредственно из источника «идейной направленности», как обручем скрепляет всю иерархическую систему (136). Аристократия в юнгеровском государстве правит страной, определяет объем власти «рабочего», осуществляет пути создания человека «рабочего образа», а в крайнем случае — и «принуждение к образу» (137).

Основой элитарного государства Юнгера, того «нового порядка», к которому он призывает, является «тотальная мобилизация» во всех сферах общественной и личной жизни. В жертву ей добровольно и охотно приносит все, чем живет и на что надеется человек. Подданные этого государства познают «идентичность свободы и повиновения» и приобщаются к счастью быть пожертвованными как материал (138). «Приятно видеть», продолжает Юнгер, как люди, «живущие в монашеской или солдатской бедности», обслуживают «мощный и дорогой арсенал цивилизации» (139). Чтобы психологически подготовить индивидуума к этому добровольному принятию «деспотизма жизни», ее «воли к власти», писатель объявляет любое стремление к гарантии своих прав мелочным стяжательством, обывательской меркантильностью, «мещанской идеологией» (140), направленной на подрыв тоталитарного господства немецкой расы, являющейся репрезентантом мирового духа. Тотальная мобилизация, строгое иерархическое членение, уничтожение правовых основ безопасности личности, увеличение национального богатства при одновременном усилении индивидуальной бедности простых людей, ориенти-

рование экономики, науки, воспитания и искусства на потребности государства — сутью всех этих мероприятий является «концентрация и боевая подготовка», так как «цель, на которую направлены все усилия,— пишет Юнгер,— состоит в мировом господстве» (141).

Демагогический смысл этих «теорий» состоит в том, чтобы оправдать жестокость и насилие государства, его правящей верхушки «высшими целями». Юнгеровские рассуждения о тоталитарной диктатуре по существу выполняли функцию морально-теоретического «оправдания» открытой террористической диктатуры фашизма. Нацистские главаря быстро простили Юнгеру снобизм теории элитарного государства, взяв на вооружение ее тоталитарную сущность.

После разгрома фашизма во второй мировой войне концепция элитарного тоталитаризма Юнгера все более приобретает монархические черты. Эта тенденция выражена в таких произведениях, как «Гелиополис», «Левиафан», «Лесная прогулка». В конечном счете человеку присущ «неискоренимый монархический инстинкт», утверждает он в «Лесной прогулке». Но «пока нет князей», целое должно страдать от этого (142).

Простых людей Юнгер называет «добрым народом», когда они страстно ждут нового монарха или, «выпучив глаза», взирают снизу вверх на «благородных». Если же массы бунтуют, то они «чернь», «сброд» (143). По теории Юнгера, «благородные» в будущем государстве, которое возникает после атомной войны, живут в замках, как встарь, упражняются на турнирах, а слуги обеспечивают их всем необходимым для жизни. «Благородные» считают своей миссией нести народу «свободу», понимая под этим «раскрепощение» от господства демократии и разума (144).

Эти «идеи» излагаются в утопическом романе «Гелиополис» («Город солнца»). Его главным содержанием является воспевание агрессивности, направленной против разума, демократии и народных масс. «Царство разума», технический прогресс и демократия, заявляет Юнгер, пробудили к жизни «демонов», которые постоянно стремятся к «кровопролитию» и неограниченному «расширению своей власти», что превращает «мир в ад» (145). Под «демонами» он подразумевает тех, кто руководил революционными сражениями на протяжении двух последних веков, т. е. прогрессивную буржуазию и пролетариат.

«Демоны», по Юнгеру,— это алчная, жестокая, унифи-

цированная масса, которая легко подвергается социалистическим идеям, что ведет к созданию ада — засилию «черни». В этом романе, как и в других произведениях Юнгера, написанных в первое десятилетие после разгрома гитлеровского фашизма, мы видим некоторую переориентацию автора. Широкое осуждение фашистских зверств прогрессивной общественностью мира, экономические трудности Западной Германии в первые послевоенные годы, явившиеся следствием гитлеровского авантюризма, потеря политического престижа страны, рост социалистических настроений на территории бывшей Германии, которые привели к образованию ГДР, — все это определило модификацию взглядов Юнгера. Жестокость, ужасы, жажду власти и крови, которые он раньше рассматривал как высшее торжество становления «жизни» и поэтизировал, он теперь объявляет проявлением низменного духа «черни». Если же подобные настроения проявляются у благородных, то в этом виновата «чернь», которая разлагающе действует и на аристократов. «Когда чернь наслаждается своим неограниченным триумфом, соблазн презрения к человеку проникает и в грудь благородных духом», — пишет он (146).

Но наиболее опасная черта демагогии Юнгера, широко используемая современной реакционной буржуазной идеологией, — это извращение сущности фашизма. Во всех зверствах фашизма, по теории Юнгера, опять виновата «чернь», «демос». Он требует лишь одного: не допускать «пролетаризации» фашизма, и тогда этот феномен позволит перестроить весь мир на основе «разумной жестокости». Власть же «демоса» несет «неразумную жестокость»: тиранию, кровопролития, ужасы. Эти вымышленные обвинения используются Юнгером для того, чтобы дискредитировать народовластие и объявить «новое» понимание «демократии»: «Наша цель — образование новой элиты... В периоды упадка демократия живет уже не в народе, а остается, подобно семени, в отдельных людях. Могут наступить такие ситуации, когда народ надо будет силой принудить к его собственному спасению» (147).

Все теоретические разработки Юнгера совершенно однозначны: они «философски» обосновывают надежды реакционного «аристократа духа» на попятное движение истории, на обуздание «демоса», на разрушение социализма. Основной смысл этих рассуждений, облаченных в метафизическую форму, — призыв к замене буржуазной демократии государством элитарного авторитаризма.

Интерпретация мифа «Восток — Запад» Э. Юнгером

Интерпретация старого мифа «Восток — Запад» дана Юнгером в романе «Гордиев узел» (1953 г.). Приспосабливаясь к новой исторической обстановке, матерый националист и шовинист, прокламировавший установление мирового тоталитарного государства немецкой расы, теперь выступает перед читателем в качестве убежденного космополита, защитника «абендланда» против «восточного варварства», пропагандистом «всемирного государства» под эгидой Запада. В романе Юнгер, как всегда, придает реальным противоречиям сегодняшнего мира метафизический, вневременной характер.

«Восток» и «Запад» выступают у него как извечные антиподы «варварства» и «цивилизации», конфликт между которыми может быть решен исключительно насильственно, путем разрубания «Западом» «гордиева узла» (148). Причем Запад, по этому мифу, олицетворяет все положительное, Восток же — отрицательное. Общий принцип земли, пишет Юнгер, — столкновение следующих противоположностей: материя — дух, земная власть — власть высшего духа, инстинкт — разум, тайные учения — свободная наука, связанность — свобода, Каин — Абель, деспотизм — абсолютизм, тирания — господство как высший принцип, получение власти путем дворцовых переворотов — наследственное получение власти, экономическое развитие под страхом — экономическое развитие путем конкуренции (149).

Нет необходимости раскрывать каждую из этих «антирез». Их общий смысл понятен из философских взглядов писателя, изложенных выше. К тому же Юнгер стремится увести читателя от логического понимания этих противопоставлений, пытаясь лишь возбудить эмоциональный настрой «за» и «против». Тем не менее понятно, что «материализм» у него означает стремление к наживе, стяжательству, эгоизму. А «дух» — это все возвышенное и благородное. «Деспотизм» и «абсолютизм» в этом контексте выражают противопоставление власти народа и элитарного авторитаризма. Сложнее понять «позитивное» отношение Юнгера к «разуму» и «свободной науке», которые раньше постоянно были у него объектом нападок и агрессивности. Это, видимо, камуфляж, вызванный новой политической ситуацией послевоенного времени. Те же причины опреде-

лили «осуждение» «варварства», которым он так восторгался в своих ранних произведениях. Но чтобы эти модификации кого-нибудь не сбили со стези, определенной для него автором, Юнгер дает дополнительные краски в свой мифический образ «Востока»: «Мы ощущаем силу тяжести этого континента, мы слышим угрожающий звон цепей с Кавказа... Все тот же ужас предшествует вторжению орд с Востока, когда небо окрашивается заревом пожара... Перед этим бледнеет угроза поражения от руки себе подобных в войне между нациями и даже в гражданской войне, а защита форпостов становится самой священной задачей. Она снимает все различия, все унаследованные тяжбы между народами Запада. Господство свободного духа над миром покупается наивысшей ценой. Это — испытание, и для того, чтобы его выдержать, жертвенный путь неизбежен» (150).

Восток в этом романе выступает, с одной стороны, как вневременное метафизическое понятие, выражающее зло, варварство, каннибализм, а с другой — как геополитическое понятие, равнозначное социализму, большевизму, коммунизму. В соответствии с этим вторым пониманием «Востока» Юнгер включает в него и европейскую часть СССР, Польшу, Чехословакию и другие европейские страны социалистического содружества. Символом всех этих «восточных» государств у него является Советский Союз. Но чтобы уменьшить страх перед оборонной мощью Советского Союза, он заявляет, что победа «Востока» во второй мировой войне определялась не социальным строем СССР, моральным превосходством советских людей или уровнем оружия, а пространством и климатом. Итоги войны в данном случае интересуют писателя лишь с точки зрения ее результатов. Никакого морального или политического осуждения фашистской агрессии мы здесь не находим.

С этих же позиций в романе рассматривается личность Гитлера и все преступления нацизма. Гитлер, собственно, был не так уж плох, говорит Юнгер. Его вина заключается в игнорировании генералитета и военного искусства. Ошибка «ефрейтора» была в том, что он считал свою харизму идентичной с харизмой старого Фрица. Это заблуждение привело Гитлера к тому, что «мир... ускользнул от него» (151).

Юнгер пытается придать своим рассуждениям видимость объективности, надпартийности. Оправдание агрессии против стран социализма, которая якобы должна дать свободу историческому развитию, проводится в мистически

завуалированной форме. Новый поход на Восток является жребием немцев, предопределен судьбой. Осмысленная история, высшая жизнь, свобода, как «подчиненная Азия» и «уничтоженный социализм», — пишет Юнгер, — наступят тогда, когда «мы снова отпразднуем триумф над титанами» (152).

Одна из особенностей новой трактовки старого нацистского мифа состоит в том, что Юнгер переносит мифический конфликт Востока и Запада на всю природу человека вообще. По замыслу автора, это должно служить мистическим оправданием преступлений нацизма. В «Гордиевом узле» он заявляет, что если фашисты и совершали зверства, недостойные «человека западной цивилизации», то это потому, что в них пробудились дикие «восточные» инстинкты, дремлющие в душе каждого человека, в том числе и «западного» (153).

Другими словами, первопричиной нацистских преступлений, как и всех других преступлений в мире, являются, по Юнгеру, варварские инстинкты восточного происхождения. Внезапное самораскрепощение этих инстинктов при решительных схватках и определяет зверства и ненужные жестокости. Выход, по этой «теории», один: Запад, подобно Александру Македонскому, должен разрубить гордиев узел (154). Более того, в борьбе с Востоком допустимы все средства, включая и «неоправданное кровопролитие» (155).

Краткий обзор основных произведений Эрнста Юнгера показывает, что этот писатель является одним из главных литературных выразителей идей неонацизма. Философско-эстетические концепции Юнгера — это лишь закамуфлированные, аллегорически выраженные идеи современного нацизма: дискредитация разума, воспевание войны, жестокости, авторитаризм, национализм и антикоммунизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и во времена гитлеровского фашизма, неонацистским и другим реакционным силам ФРГ противостоит подлинно гуманистическая прогрессивная культура, опирающаяся на лучшие традиции прошлого. Мы не можем согласиться с одним из героев романа Э. М. Ремарка «Тени в раю», немецким эмигрантом Каном: «Культура — тонкий пласт, ее может смыть обыкновенный дождик. Этому научил нас немецкий народ — народ поэтов и мыслителей. Он считался высокоцивилизованным. И сумел перещеголять Атиллу и Чингисхана, с упоением совершив мгновенный поворот к варварству» (1). Хотя этот взгляд и выражает горечь и боль за поруганную честь, свободу и достоинство немецкой нации, он не правомерен, ибо в самые тяжелые годы гитлеровского насилия лучшие представители немецкой интеллигенции вместе с сознательным пролетариатом боролись с фашизмом как в подполье, так и в эмиграции.

Выдающиеся мастера гуманистической культуры, вынужденные покинуть Германию, продолжали борьбу с фашизмом в эмиграции. Это И. Бехер, Б. Брехт, Г. Вальдек, О. М. Граф, А. Зегерс, Г. Кайзер, братья Т. и Г. Манны, Э. М. Ремарк, К. Тухольский, Л. Фейхтвангер, Б. Франк, Л. Франк, А. Цвейг и многие другие. Жизнь за пределами родины принесла много суровых испытаний изгнанникам, но вместе с тем она усилила политическую направленность их творчества, активизировала сопротивление фашистскому варварству, в том числе и у тех писателей, которые раньше

были далеки от политической злободневности. Борьба немецких писателей-эмигрантов с фашизмом и реакцией сближала их с лучшими сынами немецкого народа и всемирного антифашистского фронта, обогащала их творчество. Еще только уехав за пределы своей страны, Г. Манн высказал убеждение, что антифашистская литература немецкой эмиграции скоро превысит средний уровень дофашистской литературы и явится «идейным предвосхищением» будущей, лучшей Германии (2). Жизнь подтвердила эту надежду. Антифашистская гуманистическая литература немецких писателей-эмигрантов хорошо известна.

В самой Германии нелегальная антифашистская литература включилась в общую борьбу Сопротивления, хотя круг ее читателей был ограничен. Р. Шнейдер участвовал в нелегальных изданиях и так же, как Э. Вихерт, был арестован гестапо, А. Кукхоф в романах «Немец из Байенкура» и «Строганы и пропавшие без вести» выражал сопротивление националистической и милитаристской пропаганде и был казнен нацистами как участник антифашистского подполья. От рук гестапо погибли также А. Хаусхофер, Й. Вюстен, А. Зильберглейт. Их литература была составной частью общеполитической борьбы антифашистского подполья. В первые годы фашистского режима в Германии нелегально издавалась центральная газета ЦК КПГ «Роте фане», основанная еще К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Она направляла развитие всей демократической культуры Германии в те годы. Кроме «Роте фане» Компартия Германии выпускала два-три раза в месяц специальный пресс-бюллетень «Прессединст», в больших округах (Берлинском, Гамбургском, Рурском, Саксонском и др.) подпольно выпускались окружные бюллетени. Наряду с этими изданиями почти каждый районный комитет компартии имел свою газету. Много газет издавалось в подрайонах, в отдельных частях различных городов и на предприятиях (3).

Кроме газет партийных организаций, выпускались еще нелегальные органы Союза коммунистической молодежи, профсоюзов, единого фронта, газеты различных массовых организаций, как МОПР, Межрабпром, Спорт, культурных обществ. Издавались также газеты для женщин, работников сцены, газеты для войск, полиции. В 1934—1935 годах нелегально выходили фабрично-заводские газеты на таких предприятиях, как «Симменс», «Альгемейне электрицитет гезельшафт», «Леве», «Крупп», «Феникс» и др. Нелегальная пресса на заводах развивала инициативу и самостоятель-

ность на местах, помогала коммунистам укреплять связь с рабочими массами.

Несмотря на огромные трудности, массовую слежку (только в одном Берлине тайная полиция насчитывала 15 тыс. агентов), постоянные провалы и аресты, публицистическая борьба с фашизмом в самой Германии продолжалась. По сообщению Коммунистической партии Германии, в 1935 году в Берлине каждый месяц выходило приблизительно 100 различных газет общим тиражом от 100 до 150 тыс. экземпляров. Из них 26 газет были районными, около 20 — окружными, 20 — органами массовых организаций, 8 — органами единого фронта, а остальные — органами Союза коммунистической молодежи, профсоюзов и других организаций (4).

В тяжелейших условиях боролись с фашизмом и представители другого вида искусства — немецкие прогрессивные художники, и прежде всего художники-коммунисты, а также примыкавшие к ним левые художники социально-критического направления. Конечно, в условиях жесточайшего террора, неослабевающей слежки, постоянного гестаповского надзора прогрессивные художники не могли вести интенсивную борьбу. И все же многие из них находили пути в подпольные группы Сопrotивления, изготавливали рисунки для нелегальных газет и листовок.

Ганс и Леа Грундиги нарисовали много картин и графических листов, открыто или в замаскированной форме обличающих нацизм. Художник О. Панкок создал графические циклы, посвященные цыганам и евреям, гонимым и уничтожаемым нацистскими палачами. Он укрывал в своем доме людей, преследуемых расистами, изготавливал и рассылал солдатам на фронт антифашистские листовки. Молодой художник Р. Шмидхаген, друг Л. Ренна, ученик и последователь К. Кольвиц, находясь в Швейцарии, где лечился от тяжелой болезни, создал цикл гравюр на дереве — «Герника». Деньги, вырученные от продажи открыток по листам «Герники» и от публикации их в газетах, он передал на организацию детского дома для испанских детей.

Ф. Шульце, Курт и Элизабет Шумахеры, А. Франк, Г. Грессельмейер, В. Зикерт — если назвать только некоторых — были казнены в фашистских застенках. П. Людвиг, живописец и скульптор, в 1943 году был убит в дюссельдорфской тюрьме, Э. Плауен в 1944 году покончил с собой в бранденбургской тюрьме перед вынесением ему смертного приговора. Г. Квиц, сражавшийся в 1938 году в соста-

ве Интернациональной бригады в Испании, погиб под Мадридом. О. Нагель, Г. Зандберг, О. Дикс, К. Хуббух, В. Гейгер, Г. Кралик, М. Целлер, П. Хольц, Э. Штумп — все они подвергались преследованиям: их увольняли с работы, им запрещали писать, они сидели в тюрьмах и концлагерях — все они создавали искусство Сопротивления, искусство человеческого достоинства.

Д. Хартфильд, спасшийся от преследования штурмовиков, продолжал в Чехословакии со страниц выходившей там «Арбейтер иллюстрирте цайтунг» и книг руководимого его братом, В. Херцфельде, издательства «Малик» разоблачать фашизм в своих фотомонтажах. Экспонированные им (весной 1934 года — в союзе чехословацких художников «Манес», а несколько позднее — на персональной выставке в Париже) карикатуры на политику и нравы третьей империи, на нацистских главарей были воспроизведены во многих странах мира и нелегальными путями распространялись в самой Германии. М. Лингнер, еще до прихода фашистов к власти выехавший во Францию, где он сотрудничал в газетах Коммунистической партии Франции, сначала легально, а потом и нелегально боролся против нацизма. Листовки с его рисунками сбрасывались самолетами союзников над территорией Германии.

Не склонили головы перед фашизмом Э. Барлах и К. Кольвиц — великие художники-гуманисты, связанные глубочайшим духовным родством, страстные противники войны. Известное графическое произведение Кете Кольвиц «Не перемалывайте семена, предназначенные для посева», созданное в страшный для всего человечества 1942 год, воспринимается как клятва бороться против войны.

Были среди непокорившихся и представители авангардистских течений, среди них — большой мастер портрета, экспрессионист М. Бекман. Он создал триптих (1932—1935 гг.) «Отправление», где трактует фашизм как биологическую проблему, болезнь человека, и иллюстрации ко второй части «Фауста» (1944 г.), которые даны как пародии на Гитлера и Муссолини. П. Клее в последние годы своего пребывания в Германии создал «с иронией, отвращением и гневом» цикл примерно из 200 листов, показывающих национал-социалистскую «революцию». К сожалению, эта папка рисунков Клее пропала. Один из крупнейших мастеров экспрессионизма О. Кокошка, живший в эмиграции в Праге и Лондоне, в 1937 году создал литографию «La Passionaria», в 1941—1942 годах — политическую аллего-

рию «Красное яйцо» (обличая мюнхенский пакт, художник выражал надежду, что народ Чехословакии сделает из этого революционные выводы), и в 1942—1943 годах — «Наши святые». В эти годы, как отмечал сам Кокошка, даже в пейзажи у него проникала политика¹. Из тех, кто оставался в Германии, нужно вспомнить большого художника-экспрессиониста К. Хофера, в своем творчестве в замаскированной форме выступавшего против нацизма (5).

Не каждый, находясь в те страшные годы в Германии, находил в себе силы бороться с фашизмом. Так, Г. Гауптман, например, пишет в это время «В вихре призвания» (1936 г.), «Приключение моей юности» (1937 г.), свидетельствующие о высоком мастерстве и вместе с тем об отстранении автора от проблем современности. Нелегким был путь развития от гуманистической литературы к антифашистской Г. Фаллады (6).

В послевоенных условиях в связи с созданием социалистического, народного, миролюбивого германского государства на востоке страны подавляющее большинство прогрессивных немецких писателей и художников оказалось в ГДР. Здесь поселились вернувшиеся из эмиграции И. Бехер, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, А. Зегерс, Куба (Курт Бартель), Г. Мархвица, Л. Ренн, Б. Узе, С. Хермлин, А. Цвейг, А. Шаррер, а также писатели-антифашисты, освобожденные из концлагерей или вышедшие из подполья, — Б. Апиц, П. Винс, О. Готше. В Восточной Германии остались и Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. Фаллада, П. Хухель. К издательствам ГДР тяготели писатели Л. Франк, Г. Вейзенборн, поселившиеся в Западной Германии, Г. Манн и Л. Фейхтвангер, оставшиеся жить в США.

Вместе с тем и в ФРГ после окончания войны продолжала развиваться антифашистская литература. Зачинателем ее стал В. Борхерт, произведения которого широко известны во всем мире. К прогрессивным, гуманистическим традициям обратились и представители старшего поколения: Л. Франк, А. Гез, С. Андрес, Э. Кройдер.

В драматургии ФРГ наряду со старыми мастерами (Г. Вейзенборн, К. Цукмайер) выступают М. Вальзер, Р. Кипхардт, Р. Хоххут, Т. Дорст. М. Вальзер в пьесах «Дуб и кролик» (1962 г.) и «Черный лебедь» (1964 г.), Р. Кипхардт в пьесах «Собака генерала» (1961 г.) и «Дело

---

¹ В 60-х годах у О. Кокошки проявились реакционные тенденции. См. Л. Ф. Стржижовский. Стреляет пресса Шпрингера. М., 1978, с. 7—8.

Роберта Оппенгеймера» (1964 г.) средствами драматургии решают наиболее острые проблемы западногерманской действительности, снова и снова возвращаясь к проблеме «непреодоленного прошлого». Причем часто эта проблематика выходит за пределы Германии, изображается реакционная политика других империалистических государств (7).

Среди тех деятелей культуры ФРГ, которые продолжали борьбу против реваншизма в послевоенные годы, мы встречаем и художников, в первую очередь тех, которые известны по истории сопротивления нацизму,— О. Панкока, В. Гейгера, О. Дикса, Г. Кралика и других.

Большое значение в борьбе с неофашизмом в ФРГ играло объединение писателей «Группа 47», созданное в 1947 году. В него входили прогрессивные писатели разных политических убеждений и эстетических направлений, связанные между собой безоговорочным отрицанием фашизма, войны, расистской, шовинистической и милитаристской идеологии. Бессменным председателем группы был Г. В. Рихтер. Его антивоенные романы «Разбитые» (1949 г.), «...Не убий» (1955 г.), «Линус Флек, или утраченное достоинство» (1959 г.) получили всеобщее признание. Позже политические противоречия привели к расколу «Группы 47». Важно отметить, что с этой группой были связаны прогрессивные писатели ФРГ, проявившие себя главным образом в послевоенное время.

Проблемы моральной ответственности человека за фашистский режим, соучастие или непротivление его преступлениям стояли в центре внимания западногерманских писателей различных направлений. К социальным проблемам в 50—60-е годы неоднократно обращались такие во многом несхожие писатели, как В. Борхерт, Г. Бёлль, М. Вальзер, Г. Грасс, М. фон дер Грюн, З. Ленц, Г. Носсак, Г. Эйх и другие.

Особое место в реалистической и гуманистической культуре ФРГ, выступающей против империализма и неофашизма, занимает так называемая рабочая литература.

В последние годы в буржуазной пропаганде получила распространение пресловутая доктрина «конвергенции». Согласно ей коренные общественные, экономические, идеологические различия между миром социализма и капитализма на современном этапе исчезают и «слияние» двух мировых систем в некий лишенный классовых и идейных конфликтов «консум» делается неизбежным в самом близком будущем. В основе этой «теории» лежит утверждение, что современ-

ный рабочий по своему положению в обществе и чуть ли не по материальным условиям жизни ныне почти ничем не отличается от директора или менеджера предприятия, от его владельца. Эти «теории» обуржуазивания пролетариата в странах Запада взяты на вооружение не только правящей буржуазией, но и приверженцами ультралевых течений в общественной жизни этих стран, заявляющих, что рабочий класс якобы перестал существовать как революционная сила, он интегрирован капиталистической системой.

Вот почему возникновение в 1961 году в Дортмунде объединения рабочих писателей — «Группы 61», поставившей задачу «художественного освещения социальных и человеческих проблем мира индустриального труда», то есть главным образом проблем рабочего класса, представляет большую важность. В лучших произведениях писателей этой группы М. фон дер Грюна, Й. Рединга, Г. Вальрафа героем является рабочий, начавший осознавать необходимость социального переустройства современного капиталистического мира. Эти произведения будят мысль, предупреждают об опасности, зовут к борьбе с империализмом, реакцией, фашизмом.

Специфической формой объединения рабочих писателей ФРГ явилось возникновение в конце 60-х и начале 70-х годов «мастерских рабочей литературы», существующих параллельно с «Группой 61» (8). Вместе с новыми темами в литературе появляются новые имена писателей-рабочих, а также молодых авторов буржуазного происхождения, для которых участие в работе творческих объединений «Литература трудового мира» становится определяющим «моментом художественного развития». Эти авторы не только отражают трезвую оценку рабочими своего положения, но и его «поиски собственной истории» (9). Литература «Мира труда» в ФРГ представлена такими произведениями, как «Боттропские протоколы» Э. Рунге, «Холодные времена» (повесть) и «Каравай с напильником» Х. Гайслера, «Местами гололед» М. фон дер Грюна, пьесами Ф. К. Крётца «Глобальный интерес», «Мюнхенский Киндль», «Верхняя Австрия», книгами Гебхардта, Дегенхардта, Кройтца, Сомплацкого.

Писатели этого направления борются за прогресс, демократию и мир не только своими литературными произведениями, но и непосредственными политическими акциями. Так, Макс фон дер Грюн был одним из инициаторов обращения группы западногерманских деятелей к общест-

венности с призывом поддержать предложение о созыве общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. В статье «Ответственность писателя за дело мира», опубликованной в марте 1972 года в «Правде», он писал: «Сама жизнь настойчиво выдвигает вопрос о позиции интеллигенции и, естественно, о месте писателя в наше время». В какой бы стране ни жил писатель, продолжал Грюн, его долг — ясно и недвусмысленно высказаться за будущее без страха, ибо только те, кто живет без страха, живут безопаснее, лучше, с уверенностью в будущем. Мак фон дер Грюн с убежденностью заявляет, что мирное сосуществование, реализм, разум в конечном счете одержат верх (10).

Общая разрядка международной напряженности в начале 70-х годов, рост демократических настроений в мире, переход на позицию реализма ряда политических деятелей западных стран, победа социал-демократов ФРГ на выборах в 1969 и 1972 годах способствовали созданию того духовного и политического климата, который определил появление ряда новых антифашистских произведений в Западной Германии. Остановимся лишь на некоторых из них.

Широко известный прогрессивный писатель и драматург М. Вальзер заканчивает в этот период свою трилогию о Кристляйне романом «Крушение» (1973 г.) — ранее им опубликованы: «Половина игры» (1960 г.) и «Единорог» (1966 г.) — и издает другую книгу «Болезнь Галлистля» (1972 г.). Оба персонажа тесно связаны между собой. Галлистль — это окончательно выдохшийся Кристляйн. Причем оба «больны капитализмом». Основная сюжетная линия этих романов — разрушение личности всеми условиями «общества потребления». В то же время автор показывает, что оппортунизм и приспособленчество, увертливость собственной совести, процветающие в сегодняшнем западном мире, на крутых поворотах истории становятся страшной опасностью для народов. Об этой опасности мы можем составить четкое представление, познакомившись с вальзеровским персонажем доктором Церлем («Крушение»), который и сегодня занимается «измерениями черепов», изучением «превосходства арийской расы», сетуя по поводу «прогрессирующей монголизации» (11).

Выход из крушения Кристляйна находит в конце концов Галлистль. Этот выход — единение, и помогают его найти коммунисты. К такому решению писатель приходит после долгих и сложных поисков. Творчество М. Вальзера не всег-

да последовательно. Однако его демократическая антифашистская направленность очевидна (12).

Одним из представителей «социально-критического реализма» Западной Германии является З. Ленц. Его книга «Пример» заняла первое место среди бестселлеров ФРГ за 1973 год. Если предыдущая книга автора «Урок немецкого» (1968 г.) была посвящена социальной опасности фашизма и живучести фашистской психологии в сегодняшних условиях ФРГ, то «Пример» выходит за территорию одного государства. Содержание романа тесно переплетено с обстановкой в Греции в период режима «черных полковников». Политическое содержание этого произведения Ленца — протест признанного ученого биолога Люси Бербаум против фашистских методов расправы греческих властей с демократическими элементами страны.

Отмечая рыхлость нового романа Ленца и его «двойственное впечатление», советский ученый и критик А. Карельский подчеркивает, что «с наибольшим интересом читается история Люси Бербаум — здесь автору удалось создать убедительный, впечатляющий образ при всей его, казалось бы, заданной «примерности» (13).

Анализируя произведения ряда представителей «социально-критического реализма», известный западногерманский критик Д. Плётц в своей статье «Литературные веяния» писал в 1972 году, что это направление представлено в ФРГ «носителями буржуазно-гуманистических традиций». Наряду с Вёллем он относит сюда Кёппена, Фриша, Ленца, Шнурре, Вальзера и других. Критик пишет, что «как это ни парадоксально, усиление политизации привело их на первых порах к отходу от социально-критической прозы и лирики, что выразилось, с одной стороны, в недоверии к буржуазному роману, а с другой — в поспешном скепсисе к возможностям литературного влияния» (14).

В последние годы В. Кёппен подтверждает данную ему оценку (15).

Иные позиции занимает ныне швейцарский прозаик и драматург М. Фриш. Он признает благотворное воздействие литературы и искусства на человека и общественные отношения. Фриш, которого в Цюрихе считают крайне левым, в интервью западногерманскому литературоведу Х. Л. Арнольду заявил, что принадлежит к сторонникам «демократического социализма» и «все «коричневое» является его врагом». Он осуждает политическую робость и бессилие социал-демократической партии Швейцарии и раскрывает

причины страха швейцарской буржуазии перед социализмом (16).

Начало 70-х годов ознаменовалось успехами в творчестве писателя-документалиста Б. Энгельмана. Его книги «Власть на Рейне» (1972 г.), «Империя распалась» (1972 г.) и «Большой федеральный крест за заслуги» (1974 г.) являются серьезным развитием документального жанра, имеющего в ФРГ давнюю традицию. Особенно большое социальное значение имеет его документальный роман «Большой федеральный крест за заслуги», изданный в Мюнхене. Удар, нанесенный писателем по сегодняшним монополистическим хищникам, создававшим вчера экономическую основу фашистской диктатуры, был настолько точным, что монополисты затеяли судебный процесс против Б. Энгельмана. В качестве главного «потерпевшего» выступил один из персонажей романа — председатель химического концерна ФРГ — доктор Ф. Рис. В обвинительном заключении, предъявленном писателю на судебном процессе в январе 1975 года в Штутгарте, говорилось, что он якобы оскорбил своей книгой «честь немецкого предпринимателя». Значение книги Б. Энгельмана для сегодняшней борьбы с фашизмом трудно переоценить. Писатель видит свою главную задачу в том, чтобы показать, как «те же самые люди, которые в нацистской империи были замешаны во всякие темные махинации, сегодня опять среди нас. Достопочтенные господа, о которых я веду речь, не закамуфлированы, как бывает в некоторых романах, а выступают под своими подлинными именами, с кое-какими малоприятными деталями своих биографий» (17).

Особое место в современной антифашистской литературе ФРГ занимает творчество в недалеком прошлом профессионального рабочего Г. Вальрафа. Его произведения — это страстная публицистика, открыто направленная на «изменение общественных отношений» (18). Во имя будущего своих читателей — рабочего класса и прогрессивной интеллигенции — он рискует собственной жизнью, чтобы проникнуть «за кулисы» самой оголтелой реакции: «черных полковников» в Греции, заговора генерала Спинолы против португальской революции, «коричневой прессы» Шпрингера. В последнем случае писателю пришлось пойти на проведение довольно сложной пластической операции, чтобы изменить свою внешность и под чужим именем стать сотрудником «Бильд-цайтунг» с целью разоблачения ее профашистских фальсификаций. («Человек, который был в

«Бильде» Хансом Эссером», 1977 г.) (19). Писатель активно выступает за «партийность творчества в широком смысле слова», за литературу, служащую угнетенному большинству (20).

Глубокий анализ современной литературы ФРГ и перспектив развития демократической и социалистической культуры был дан на конференции ГКП по вопросам литературы в марте 1974 года. В докладах, заслушанных на конференции, а также в статьях в журнале «Кюрбискерн», посвященных этим вопросам, отмечалось, что создание легальной компартии в ФРГ, культурно-политическая деятельность коммунистов Западной Германии и влияние литературы социалистического реализма стран социалистического содружества оказали существенное воздействие на развитие и укрепление реалистических тенденций в западногерманской литературе. Эти факторы в сочетании с экономическими кризисными явлениями, обострением классово-борьбы и активизацией всех социальных процессов западного мира привели к созданию определенных предпосылок для укрепления в искусстве ФРГ позиции социалистического реализма.

Как говорил в своем докладе «Борьба рабочего класса и перспективы литературы в ФРГ» член Президиума секретариата правления ГКП Г. Доймлих, «наблюдающееся усиление реалистического и социалистического течения в литературе видимо объясняется не столько... особенностями самой литературы, сколько является результатом развития социальной действительности» (21). В разных аспектах эти мысли развивались в докладах Ф. Хитцера, О. Ноймана, Э. Хёгеман-Ледвон (22).

Докладчики подчеркивали, что социалистический реализм в западногерманской литературе следует рассматривать только как развивающуюся тенденцию. Речь идет о гуманистическом, антиимпериалистическом искусстве, неразрывно связанном с интересами трудящихся масс и непосредственно противостоящем господствующей империалистической культуре. В первую очередь имется в виду основная направленность произведений М. фон дер Грюна, Г. Вальрафа, Э. Рунге, Х. Гайслера и некоторых других представителей «Литературы трудового мира».

Наиболее крупным из этой группы является М. фон дер Грюн. Недавно он вышел из рядов СДПГ с тем, чтобы поставить свою «социальную ангажированность» на службу рабочему классу, тем людям, которых неверно называют

«слабыми и зависимыми». Прогресс общества фон дер Грюн неразрывно связывает с социализмом, однако для ФРГ этот путь, по его мнению, возможен только посредством социальных реформ. «Во всяком случае,— заявил писатель,— я не смог бы писать, если бы не пришел к убеждению, что будущее человеческого рода заключено в социализме, более того, что человечество сумеет выжить только благодаря социализму. Иначе вообще нельзя, иначе наступит конец мира» (23).

Краткий анализ антифашистских тенденций прогрессивной немецкой культуры в прошлом и настоящем, сохранение реализма и гуманистической ее направленности, несмотря на вандализм гитлеровских фашистов и сегодняшних неонацистов, говорит, с одной стороны, о глубокой устойчивости подлинной культуры, но с другой — о необходимости активной борьбы за нее.

Мы получили в наследство богатейшие сокровища мировой культуры. Ее защита и развитие — наша задача. Эту мысль в конце своей жизни-борьбы подчеркивал выдающийся борец за мировую и немецкую культуру, поэт-коммунист, первый министр культуры социалистической Германии Иоганнес Бехер. В своей работе «Трижды содрогнувшаяся земля» он писал:

«Трижды содрогается земля при жизни человека.

В первый раз содрогается земля, когда человек осознает себя и постигает, что это значит: быть человеком. Тогда земля склоняется перед величием человека и содрогается в первый раз.

Во второй раз содрогается земля, когда человек поднимается над судьбой и узнает, что он — хозяин судьбы, тогда земля склоняется перед всемогуществом человека и содрогается во второй раз.

В третий раз содрогается земля, когда человек находит дорогу к человеку и люди объявляют: «Мы переделываем мир». Тогда земля в предчувствии нового плодоношения содрогается в третий раз.

И это содрогание сливается над веками и бесконечностью с раскатами грома, которые сопровождали сотворение мира» (24).

В Западной Германии идет борьба двух тенденций в политическом развитии страны. Проявлением одной из них является стремление агрессивного монополистического капитала к политической реакции по всем линиям. Вторая тенденция, противостоящая склонности империалистиче-

ской буржуазии к крайним формам реакции, проявляется в стремлении масс к миру и к демократии, в их растущем сопротивлении сдвигу вправо. В последние годы, характерной особенностью которых является разрядка международной напряженности, борьба этих тенденций в ФРГ значительно усилилась и находит свое выражение в прогрессирующей поляризации и активизации политических сил страны. Это, в частности, проявилось в переходе правительства социал-демократов и свободных демократов ФРГ на путь реалистической политики. Переход этот является результатом, с одной стороны, укрепления международных позиций социализма и демократии, а с другой — роста активности всех прогрессивных внутренних сил Западной Германии. Большие победы сил демократии и прогресса одержаны в различных районах нашей планеты. Речь идет о свержении реакционных, фашистских режимов в Португалии и Греции, о развитии демократических движений в Испании и Японии, об отпоре крайне правым силам в Индии и в Италии, о победе национально-освободительных движений над империализмом в Индокитае и Африке. А там, «где торжествуют силы демократии, силы свободы и прогресса, там крепнет и дело мира» (25).

Идея мира все больше укрепляется на нашей планете. «Если говорить о главном, чего нам удалось достигнуть в международных делах,— подчеркивал Л. И. Брежнев в речи на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС,— то можно с чистой совестью сказать: в результате усилий, предпринятых нами вместе с другими социалистическими государствами и при поддержке всех миролюбивых, реалистически мыслящих сил, удалось отодвинуть угрозу ядерной войны, сделать мир более надежным, более прочным» (26). Однако «силы реакции, милитаризма и реваншизма», как отмечалось в бухарестской декларации 1976 года ПКК стран Варшавского Договора, еще не сложили оружия, а фашизм является наиболее концентрированным выражением этих сил. Вот почему наша партия, национальные съезды коммунистов других стран, международные форумы коммунистического и рабочего движения постоянно призывают нас к бдительности, к неустанной борьбе с неофашизмом во всех его проявлениях. Эта мысль вновь с убедительной силой прозвучала в речи Л. И. Брежнева на встрече с партийным активом г. Тулы: «Да, фашизм повержен. Но есть еще фашисты и профашистские режимы. Кое-кто еще мечтает о реванше. Существуют агрессивные силы, которые

отнюдь не бездействуют. Нельзя забывать об этом» (27).

Борьба с неофашизмом является важнейшей составной частью общедемократической борьбы с реакцией, милитаризмом, монополистическим гнетом и неоколониализмом. Ярким подтверждением этого марксистского положения явился всемирный характер празднования тридцатой годовщины Победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией во второй мировой войне. Вместе с советским народом эту дату широко отмечали трудящиеся других стран социализма, мировое коммунистическое и рабочее движение, все передовое и миролюбивое человечество. Конференция коммунистических и рабочих партий Европы, давая высокую оценку мобилизующего воздействия празднования 30-летия со дня Великой Победы, подчеркивала в итоговом документе: «Превращение Европы в континент прочного мира станет лучшим памятником всем тем, кто боролся и отдал свою жизнь за эту победу» (28).

Прочный мир в Европе и на всей планете требует больших усилий, ибо на пути к нему стоит империалистическая реакция. Глубокий и блестящий анализ сущности современного империализма был дан в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС. «Опыт революционного движения последних лет,— говорил Л. И. Брежнев,— наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов погреть и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией. Но все это,— продолжал Леонид Ильич,— в конечном счете обречено на провал. Дело свободы, дело прогресса — непобедимо» (29).

Этот документ, как и другие материалы исторического XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, дает новый огромный прилив сил всем борцам против реакции и фашизма.

ИСТОЧНИКИ

К ВВЕДЕНИЮ

1. См. *Генри Э.* Почему диктаторы «в цене»?—«Комсомольская правда», 1974, 26 января.
2. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, с. 598.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 74.
4. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6, с. 596.
5. «Правда», 1977, 4 ноября.
6. Материалы XXV съезда КПСС, с. 24.
7. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, с. 335.
8. «Международная жизнь», 1973, № 1, с. 92; «Die Welt», 1976, 21. October.
9. «Международная жизнь», 1973, № 1, с. 93.
10. См. Правые снова поднимают голову в ФРГ.—«За рубежом», 1976, № 34, с. 17.
11. См. «National Zeitung», 1976, 5. November.
12. «Spiegel», 1976, N 46, S. 28, 33.
13. См. *Михайлов В.* Развод «по-баварски».—«Правда», 1976, 23 ноября; *Григорьев Е.* «Ледник» реваншизма.—«Правда», 1977, 15 марта.
14. «Die Welt», 1976, 21. October.
15. *Рагиани Г.* Международная неделя. Обозрение.—«Правда», 1976, 10 октября.
16. См. *Eim L.* Hochschule und Neofaschismus. Zeitgeschichtliche Studien zur Hochschulpolitik in der BRD. Berlin, 1972, S. 208, 225.
17. *Яенекке Г.* Насколько мертв Гитлер в ФРГ?—«За рубежом», 1975, № 25, с. 18.
18. См. *Стрельников Б.* Недобитые.—Акценты. М., 1973, с. 56.
19. «Правда», 1973, 7 сентября.
20. *Генри Э.* Новая стратегия фашизма.—«Литературная газета», 1975, 29 октября; «Известия», 1976, 22 ноября.
21. «Правда», 1974, 31 января.
22. Материалы XXV съезда КПСС, с. 29—30.
23. Там же, с. 10.
24. «Коммунист», 1975, № 11, с. 7.
25. Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969. с. 323

26. Против неонацизма и милитаризма.—«Правда», 1973, 15 февраля.
27. См. Современный фашизм и реальность его угрозы (международная дискуссия марксистов).—«Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, 5.
28. Там же, № 4, с. 30.
29. См. «Правда», 1973, 7 сентября.
30. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 31.
31. Там же, с. 29.
32. За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе.—«Коммунист», 1976, № 10, с. 28.
33. См. «Вопросы философии», 1975, № 6, с. 148—152.
34. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 166.
35. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.
36. Димитров Г. Избр. произв., т. 1. М., 1957, с. 376.
37. См. Филиппов Н. В. Заметки о «третьем рейхе». М., 1966, с. 9; Парраги Д. Фашизм во фраке и мундире. М., 1962, с. 63—64; Гинцберг Л. И. Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., 1967, с. 27, 29, 79, 80, 146, 190, 196, 201; Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967, с. 296—394; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма. М., 1964, с. 187—225.
38. См. Цеткин К. Речь на пленуме ИККИ.—Расширенный пленум ИККИ. 12—23 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1923, с. 218.
39. Куусинен О. Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий.—XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 25.
40. Димитров Г. Избр. произв., т. 1, с. 437.
41. См. Резолюция VII конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 19.
42. «Коммунист», 1975, № 11, с. 4.
43. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967; он же. Социология неофашизма. М., 1971; он же. Идеология фашизма и неофашизма.—«Вопросы философии», 1975, № 5; Генри Э. Есть ли будущее у неофашизма? М., 1962; Гинцберг Л. И. Наступление фашизма и политическая борьба в Германии (1929—1933 гг.). Докт. дис. М., 1969; он же. Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., 1967; Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии (1919—1929 гг.). М., 1968; Мельников Д. Е. и Черная Л. Б. Двудликий адмирал. М., 1965; Мельников Д. Е. Гамбург — Бонн — Мюнхен. Люди, политика, пропаганда. М., 1969; Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения. М., 1976; Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. М., 1976; он же. Ницшеанство и немецкая буржуазная философия. Докт. дис. М., 1970; Прозектор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1964; Фрумкин С. Н. «Философия истории» неонацизма.—«Вопросы философии», 1970, № 11; он же. Освальд Шпенглер и неонацизм.—Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971; Шабад Б. А. Идеология неофашизма и антикоммунизма в ФРГ. М., 1970; он же. Мирное сосуществование и современный неофашизм.—«Философские науки», 1975, № 3; Богомолов А. С. Немецкая философия после 1865 года. М., 1969; Критика идеологии неофашизма. М., 1976.
44. См. Кайт Л. В философской кухне германского фашизма.—«Под знаменем марксизма», 1937, № 3; она же. Ницшеанство и фашизм.—«Под знаменем марксизма», 1938, № 5; Гюнтер Г. Литература германского фашизма и национализма.—«Интернациональная литература», 1933, № 3; он же. Критики-апологеты.—«Интернациональная ли-

- тература», 1935, № 7; он же. Фридриха Шиллера не превратить в штурмовика.—«Интернациональная литература», 1935, № 12; Рихтер Т. Культурная политика национал-социализма.—«Интернациональная литература», 1933, № 3; она же. Фашизм в поисках стиля.—«Интернациональная литература», 1935, № 1; Кестен Г. Немецкая литература умирает.—«Интернациональная литература», 1943, № 6; Отвальт Э. Фашистская культура.—«Интернациональная литература», 1936, № 2.
45. Гюнтер Г. Литература германского фашизма и национализма.—«Интернациональная литература», 1933, № 3, с. 120.
  46. Рихтер Т. Культурная политика национал-социализма.—«Интернациональная литература», 1933, № 3, с. 117.
  47. Рихтер Т. Фашизм в поисках стиля.—«Интернациональная литература», 1935, № 1, с. 109—110.
  48. Красноглядова Л. М., Шапиро В. Я. Фашизм и изобразительное искусство Германии.—«Новая и новейшая история», 1968, № 5; Гулыга А. Только документы.—«Вопросы литературы», 1968, № 9; он же. Пути мифотворчества и пути искусства.—«Новый мир», 1969, № 5; он же. Искусство без морали.—Искусство нравственное и безнравственное. М., 1969, с. 115—127.
  49. Лифшиц М. Искусство и современный мир. М., 1973; Лифшиц М., Рейнгардт Л. Кризис безобразия. М., 1968.
  50. Гинзбург Л. Потусторонние встречи.—«Новый мир», 1969, № 10—11.
  51. Фрадкин И. М. Реставраторы орла и свастики. М., 1971.
  52. Френкин А. А. Неофашизм и культура.—«Вопросы философии», 1975, № 4.
  53. Kaiser H. Mythos, Rausch und Reaktion. Berlin, 1962.
  54. Hochmuth H. Literatur und Dekadenz. Kritik der literarischen Entwicklung in Westdeutschland. Berlin, 1963.
  55. Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller. Leipzig, 1974.
  56. Ziermann K. Romane vom Fließband. Berlin, 1969; Hänel W. Maler-Mäzene-Monopole. Berlin, 1967; Kranz E. Filmkunst in der Agonie. Berlin, 1964; Wagner F. Literatur auf Kriegskurs. Berlin, 1961; Manipulation. Berlin 1968; «Ostforschung» und Slawistik». Berlin, 1960.
  57. Brenner H. Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Hamburg, 1963.
  58. Tauber K. Beyond Eagle and Swastika. Middletown, Connecticut, 1967.

К ГЛАВЕ I

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 53.
2. Цит. по: Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957, с. 11.
3. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967, с. 303.
4. См. Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма. М., 1964, с. 190.
5. Ratzel F. Politische Geographie. München — Berlin, 1923, S. 159.
6. Подробнее об этом см.: Сегалл Я. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939, с. 53—54.
7. Kjellen R. Der Staat als Lebensform. Berlin — Grünewald, 1924, S. 75.
8. Ibid., S. 134.
9. См. Сегалл Я. Указ. соч., с. 44.
10. См. Jung R. Der Nationale Sozialismus. München, 1922, S. 82, 108, 128.
11. См. Гейден К. История германского фашизма. М.—Л., 1935, с. 27.
12. См. там же, с. 13.

13. См. там же, с. 28.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. С.-Пб., 1907, с. 92.
15. Ницше Ф. Воля к власти. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1910, с. 78.
16. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1911, с. 271.
17. Цит. по: Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936, с. 269—270.
18. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое, с. 265.
19. Там же, с. 256.
20. Ницше Ф. Сумерки идолов. Мораль как противоестественность. С.-Пб., 1907, с. 37.
21. Ницше Ф. Воля к власти, с. 223.
22. Там же, с. 278.
23. Там же, с. 199, 198.
24. См. Против фашистского мракобесия и демагогии, с. 275.
25. Ницше Ф. Присхождение морали. Ценности европейской культуры. М., 1903, с. 118.
26. См. *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. Erster Teil. München, 1933, S. 133.
27. Ibid., S. 104.
28. Ibid., S. 133.
29. Ibid., S. 14.
30. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Пг., 1922, с. 6.
31. Там же.
32. *Spengler O.* Briefe. 1913—1936. München, 1963, S. 112—113.
33. Шпенглер О. Пруссачество и социализм, с. 89.
34. *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. München, 1931, S. 54.
35. Ibid., S. 234.
36. *Spengler O.* Jahre der Entscheidung, S. 44. Подробнее об этом см. Фрумкин С. Н. Освальд Шпенглер и неонацизм.—Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971, с. 117—143.
37. Цит. по: Фрумкин С. Н. Освальд Шпенглер и неонацизм, с. 137.
38. См. *Spengler O.* Jahre der Entscheidung, S. 96.
39. См. Галкин А. А. Указ. соч., с. 317.
40. «Gewissen», 1924, 24. April.
41. Цит. по: *Rausching H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich — New York, 1938, S. 357.
42. Ibidem.
43. Галкин А. А. Указ. соч., с. 319.
44. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 46.
45. Плеханов Г. В. Избр. филос. произ., т. 3. М., 1957, с. 186 (Плеханов излагает своими словами мысль Маркса и дает соответствующую сноску. См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 283—284).
46. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 289.
47. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 561.
48. См. «Völkischer Beobachter», 1933, 3. April.
49. См. *Samuel R. H.* The Origin and Development of the Ideology of National Socialism.—«Austral. Journal of Politics and History». Queensland, 1963, May, Vol. 9, Na 1, p. 59.
50. Цит. по: *Grebing H.* Die Ideologie des Nationalsozialismus.—«Politische Studien». München, 1960, März, Nr. 119, S. 167.
51. См. Галкин А. А. Указ. соч., с. 331.
52. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 442.
53. См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 233—281.

54. *Pflug H.* Deutschlands Raumschicksal. Heidelberg — Berlin — Magdeburg, 1941, S. 10.
55. Подробный анализ геополитических спекуляций нацизма см. в фундаментальном исследовании Г. Гейдена «Критика немецкой геополитики». М., 1960.
56. *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1936, B. 2, S. 44, 331.
57. См. *Grebing H.* Op. cit., S. 170.

К ГЛАВЕ II

1. См. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 30.
2. *Гулыга А.* Пути мифотворчества и пути искусства.—«Новый мир», 1969, № 5, с. 218, 219.
3. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 737.
4. *Гулыга А.* Пути мифотворчества и пути искусства, с. 220.
5. *Mann Th.* Achtung Europa! Stockholm, 1938, S. 79.
6. *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1933, S. 23.
7. *Ibid.*, S. 114.
8. *Ibid.*, S. 684.
9. *Ibid.*, S. 514.
10. *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, с. 305.
11. *Johst H.* Standpunkt und Fortschritt. Oldenburg, 1933, S. 8.
12. *Rosenberg A.* Op., cit., S. 303.
13. См. Reden des Führers am Parteitag der Ehre 1936. München, 1936, S. 72.
14. См. *Strothmann D.* Nationalsozialistische Literaturpolitik. Ein Beitrag zur Publizistik im Dritten Reich. Bonn, 1960, S. 325.
15. *Rosenberg A.* Op. cit., S. 315, 293, 345, 304.
16. *Pitsch I.* Das Theater als politisch-publizistisches Führungsmittel im Dritten Reich. Dissertation. Münster, 1952, S. 109.
17. *Best W.* Völkische Dramaturgie. Würzburg, 1940, S. 27.
18. См. *Pitsch I.* Op. cit., S. 112.
19. *Best W.* Op. cit., S. 27.
20. *Ibid.*, S. 44.
21. *Braumüller W.* Bemerkungen zum historischen Drama.—«Wille und Macht» (далее—«WUM»), 1938, H. 14, S. 38.
22. *Best W.* Op. cit., S. 46; См. *Wulf J.* Theater und Film im Dritten Reich. Hamburg, 1966, S. 173.
23. Цит. по: *Wulf J.* Op. cit., S. 174.
24. *Ibid.*, S. 176.
25. См. *Pitsch I.* Op. cit., S. 117.
26. *Best W.* Op. cit., S. 46, 47, 48.
27. Цит. по: *Pitsch I.* Op. cit., S. 118.
28. *Best W.* Op. cit., S. 27.
29. Цит. по: *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Hamburg, 1963, S. 97.
30. *Best W.* Op. cit., S. 52.
31. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 418.
32. *Best W.* Op. cit., S. 52.
33. Цит. по: *Brenner H.* Op. cit., S. 113—114.
34. Цит. по: *Pitsch I.* Op. cit., S. 185.
35. Цит. по: *Wulf J.* Op. cit., S. 32.

36. См. *Nazis and Fascists in Europe 1918—1945*. Chicago, 1969, p. 160, 161; *Wulf J.* Op. cit., S. 173.
37. Цит. по: *Pitsch I.* Op. cit., S. 28.
38. Ibid., S. 30.
39. Цит. по: *Wulf J.* Op. cit., S. 244.
40. Цит. по: Ibid., S. 419, 361.
41. «*Deutsche Kulturwacht*», 1933, H. 21, S. 7.
42. *Johst H.* *Schlageter*. München, 1934, S. 26—27.
43. Ibid., S. 89.
44. См. *Wulf J.* Op. cit., S. 389, 390, 391.
45. См. *Pitsch I.* Op. cit., S. 151.
46. Цит. по: *Wulf J.* Op. cit., S. 395, 391.
47. См. *Brenner H.* Op. cit., S. 92.
48. Цит. по: *Brenner H.* Op. cit., S. 91.
49. См. *Wulf J.* Op. cit., S. 394, 395.
50. Ibid., S. 376.
51. См. *Pitsch I.* Op. cit., S. 162, 163.
52. См. Ibid., S. 152, 153.
53. См. Ibid., S. 136.
54. См. *Wulf J.* Op. cit., S. 248.
55. См. Ibid., S. 451—452, 455.
56. См. Ibid., S. 423.
57. *Pitsch I.* Op. cit., S. 164.
58. *Ihering H.* *Berliner Dramaturgie*. Berlin, 1947, S. 66.
59. «*Journal of European Studies*», London — New York, 1971, March, Vol. 1, Na 1, S. 67.
60. *Rave P. O.* *Kunstdiktatur im Dritten Reich*. Hamburg, 1949; *Roh F.* «*Entartete*» Kunst — Kunstbarberei im Dritten Reich. Hannover, 1963; *Tent A.* *Architektur im Dritten Reich. 1933—1945*. Berlin 1967; *Wulf J.* *Die bildenden Künste im Dritten Reich*. Gütersloh, 1963; *Wulf J.* *Musik im Dritten Reich*. Gütersloh, 1963.
61. См. *Rave P. O.* Op. cit., S. 12; *Gunter H.* *Passe und Stil*. München, 1926.
62. См. *Strothmann D.* Op. cit., S. 329.
63. Цит. по: Ibid., S. 330.
64. *Best W.* Op. cit., S. 99.
65. *Schlösser R.* *Das Volk und seine Bühne*. Berlin, 1935, S. 68.
66. См. *Dippel P. G.* *Künder und Kämpfer. Die Dichter des neuen Deutschland*. München, 1939, S. 93.
67. *Schlösser R.* Op. cit., S. 68.
68. *Best W.* Op. cit., S. 89.
69. Цит. по: *Strothmann D.* Op. cit., S. 333.
70. «*Die Weltliteratur*», 1937, Nr. 25, S. 385.
71. См. *Strothmann D.* Op. cit., S. 338.
72. *Best W.* Op. cit., S. 91.
73. *Schlösser R.* Op. cit., S. 67, 68.
74. Ibid., S. 69.
75. Цит. по: *Strothmann D.* Op. cit., S. 263.
76. См. *Roh F.* «*Entartete*» Kunst — Kunstbarberei im Dritten Reich. Hannover, 1963, S. 51.
77. См. *Strothmann D.* Op. cit., S. 341.
78. *Schlösser R.* Op. cit., S. 72.
79. Цит. по: *Strothmann D.* Op. cit., S. 349.
80. *Ihering H.* Op. cit., S. 79—84; *Pitsch I.* Op. cit., S. 206—230.

81. *Gerlach-Bernau K.* Drama und Nation. Breslau, 1934, S. 50.
82. Ibidem.
83. См. Ibid., S. 13.
84. *Fabricius H.* Schiller als Kampfgenosse Hitlers. Nationalsozialismus in Schillers Dramen. Berlin, 1934, S. 126.
85. Ibid., S. 77.
86. Цит. по: *Pitsch I.* Op. cit., S. 210.
87. См. *Best W.* Op. cit., S. 46.
88. Цит. по: *Strothmann D.* Op. cit., S. 265.
89. *Strothmann D.* Op. cit., S. 326.
90. *Rosenberg A.* Op. cit., S. 299, 446, 448.
91. Цит. по: *Pitsch I.* Op. cit., S. 261a.
92. *Strothmann D.* Op. cit., S. 277.
93. *Braumüller W.* Schlagt ihn tot! Er ist ein Rezensent.—«WuM», 1937, Н. 19, S. 30.
94. Цит. по: *Brenner H.* Op. cit., S. 148.
95. Цит. по: *Гулыга А.* Только документы.—«Вопросы литературы», 1968, № 9, с. 228—229.

К ГЛАВЕ III

1. *Knütter H. H.* Ideologien des Rechtsradikalismus im Nachkriegsdeutschland. Bonn, 1962, S. 24.
2. Ibid., S. 31, 32, 33.
3. См. *Галкин А. А.* Социология неофашизма. М., 1971, с. 144.
4. Цит. по: «Die Wahrheit», 1970, 17. Februar.
5. Империализм ФРГ. М., 1973, с. 57.
6. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. 3. М., 1947, с. 343.
7. См. *Zapf W.* Wandlungen der deutschen Elite 1919—1961. München, 1965, S. 98.
8. *Kühnl R.* Die NPD — Struktur, Programm und Ideologie einer neofaschistischen Partei. Berlin, 1967, S. 160; *Müller L.* Die NPD. Duisburg, (s. a.), S. 24, 25.
9. См. *Bruggemann A.* Anhänger und Gegner der nationaldemokratischen Partei Deutschlands (NPD). Bonn, 1968, S. 27; *Maier H., Bott H.* NPD. Struktur und Ideologie einer «nationalen Rechtspartei». München, 1968, S. 25; *Richards F.* Die NPD. Alternative oder Wiederkehr? München, 1967, S. 49; *Smoydzin W.* NPD. Partei mit Zukunft? Ilmgan Verlag, 1969, S. 7, 79.
10. *Ясперс К.* Куда движется ФРГ. М., 1969, с. 38—39.
11. *Брежнев Л. Н.* Ленинским курсом, т. 3, с. 394.
12. См. *Kühnl R.* Die NPD. Op. cit., S. 165.
13. См. «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 2, с. 102.
14. *Smoydzin W.* NPD. Partei mit Zukunft? Ilmgan Verlag, 1969, S. 43.
15. См. *Галкин А. А.* Социология неофашизма, с. 147.
16. Там же, с. 148.
17. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Presse- und Informationsabteilung. Programm. Hannover, (s. a.), S. 11, 12.
18. *Kühnl R.* Die NPD, S. 120.
19. *Thadden A. von.* Die tatsächliche Lage der Nation. Hannover, 1970, S. 7.
20. *Jünger E.* Der Arbeiter. Werke. B. 6, Stuttgart, (s. a.), S. 296.

21. Ibid., S. 302.
22. *Jünger E.* Gestalt und Werk. Frankfurt a. M., 1959, S. 359.
23. *Jünger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1931, S. XVI.
24. *Jentsch W. M.* Ernst Jünger als Ideologe des autoritären Staates und der Restauration.— Gewerkschaftliche Monatshefte. Köln, 1965, S. 226.
25. *Mohler A.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918—1932. Grundriß ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950, S. 149.
26. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 91, 107.
27. *Thadden A. von.* Op. cit., S. 13.
28. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 107.
29. Manifest NPD. In: *Montagu I.* Germany's new nazis. London, 1967, p. 127—131; Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 9, 16, 17, 22.
30. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 3, 4, 20, 21, 22.
31. Manifest NPD. In: *Montagu I.* Germany's new nazis. London, 1967, p. 129.
32. Manifest NPD. Op. cit., p. 129, 130; Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 4, 5, 19.
33. Manifest NPD. Op. cit., p. 128.
34. Ibidem.
35. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 12.
36. Ibid., S. 18.
37. Ibidem.
38. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 109.
39. *Bruggemann A.* Anhänger und Gegner der nationaldemokratischen Partei Deutschlands (NPD). Bonn, S. 52.
40. См. *Smoydzin W.* NPD, S. 58.
41. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 113.
42. Цит. по: *Richards F.* Die NPD, Alternative oder Wiederkehr? München, 1967, S. 114.
43. *Maier H., Bott H.* NPD. Struktur und Ideologie einer «nationalen Rechtspartei». München, 1968, S. 27.
44. *Smoydzin W.* NPD, S. 58.
45. *Maier H., Bott H.* NPD, S. 29.
46. Цит. по: *Bruggemann A.* Op. cit., S. 47.
47. *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 30.
48. Ibidem.
49. *Kühnl R.* Die NPD, S. 114.
50. Einzelprüfungen Stichworten «Politisches Lexikon». In: *Maier H., Bott H.* NPD. Struktur und Ideologie einer «nationalen Rechtspartei». München, 1968, S. 96.
51. Ibid., S. 97, 96.
52. Ibid., S. 98.
53. Ibid., S. 100.
54. Ibid., S. 94.
55. Цит. по: *Maier H., Bott H.* NPD, S. 21.
56. См. Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
57. *Thadden A. von.* Op. cit., S. 11, 12, 13.
58. См. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 26.
59. См. Ibid., S. 4, 5, 6.
60. См. *Müller L.* Die NPD. Duisburg, (s. a.), S. 31.
61. Ibidem.
62. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 26.

63. См. *Kühnl R.* Die NPD, S. 130; *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 22.
64. *Thadden A. von.* Op. cit., S. 21.
65. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 127.
66. *Müller L.* Op. cit., S. 27.
67. См. *Ibidem.*
68. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 5.
69. *Ibidem.*
70. Цит. по: *Thadden A. von.* Op. cit., S. 24.
71. См. *Smoydzin W.* Op. cit., S. 50; *Bruggemann A.* Op. cit., S. 30—35; *Kühnl R.* Die NPD, S. 95—97; *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 35; *Richards F.* Op. cit., S. 50; Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 5, 20—22.
72. *Müller L.* Op. cit., S. 27.
73. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 129.
74. См. «D. N.», 1972, 19. Mai.
75. См. «Deutsche Nationalzeitung» (далее: «DNZ»), 1970, 14. August.
76. «DNZ», 1970, 31. Juli.
77. «DNZ», 1970, 14. August.
78. *Kühnl R.* Die NPD, S. 133.
79. *Фрумкин С. Н.* «Философия истории» неонацизма.—«Вопросы философии», 1970, № 11, с. 144.
80. *Anrich E.* Mensch-Volk-Staat-Demokratie. In: *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 44.
81. *Ibid.*, S. 43.
82. См. *Richards F.* Op. cit., S. 112.
83. Цит. по: *Ibid.*, S. 113.
84. См. *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 32.
85. Einzelprüfungen Stichworten «Politisches Lexikon». In: *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 99.
86. См. *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 32.
87. *Kühnl R.* Die NPD, S. 136, 137.
88. Цит. по: *Bruggemann A.* Op. cit., S. 43.
89. *Ibid.*, S. 42.
90. Цит. по: Nazismus-Neonazismus und CDU/CSU. Arbeitsmaterial zusammengestellt auf der Grundlage von Originaldokumenten und westdeutschen Presseveröffentlichungen in der DDR. (S. 1.), 1968, Januar, S. 88.
91. «Wertheimer Manifest 70». Цит. по: *Thadden A. von* Op. cit., S. 23.
92. *Kühnl R.* Die NPD, S. 147.
93. Nationaldemokratische Partei Deutschland. Programm, S. 18.
94. Цит. по: Nazismus-Neonazismus und CDU/CSU. Op. cit., S. 94.
95. См. *Richards F.* Op. cit., S. 49.
96. *Ibid.*, S. 95.
97. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 149.
98. «Nation Europa», 1968, Nr. 6, S. 55.
99. *Müller L.* Op. cit., S. 25.
100. Einzelprüfungen Stichworten «Politisches Lexikon». In: *Maier H., Bott H.* Op. cit., S. 96.
101. *Ibid.*, S. 96, 97.
102. Das persönliche Tagebuch Alfred Rosenbergs. 1934/35 u. 1939/40. München, 1964, S. 10.
103. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 139.
104. См. «За рубежом», 1975, № 25, с. 17.
105. Там же, с. 18.

К ГЛАВЕ IV

1. См. *Kühnl R.* Die NPD. Programm und Ideologie einer neofaschistischen Partei. Berlin, 1967, S. 100; «Deutsche Nachrichten», 1970, 10. Juni; «Deutsche Nachrichten», 1971, 26. November.
2. См. *Kühnl R.* Die NPD, S. 101.
3. См. *Müller L.* Die NPD, Duisburg, (s. a.), S. 27.
4. *Ibid.*, S. 44.
5. См. «Die Wahrheit», 1970, 4./5. April; «Deutsche Wochen-Zeitung», 1969, 12. April.
6. Цит. по: *Müller L.* *Op. cit.*, S. 46.
7. Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und in Westberlin. Berlin, 1968, S. 351.
8. «Die Wahrheit», 1970, Beilage 6.
9. Цит. по: *Kühnl R.* Die NPD, S. 103.
10. «DNZ», 1971, 18. Juni.
11. Цит. по: «Die Wahrheit», 1969, 26./27. Juli.
12. См. «Die Weltbühne», 1970, 20. Januar, S. 95.
13. См. «Die Wahrheit», 1970, Beilage 6.
14. См. «Unsere Zeit», 1971, 23. Oktober.
15. «Die Wahrheit», 1970, 7./8. November.
16. Цит. по: «Die Wahrheit», 1970, 7./8. November.
17. *Kranz E.* Filmkunst in der Agonie. Berlin, 1964, S. 6.
18. См. *Haak G.* Kultur gegen das Volk.—«Einheit». Berlin, 1968, H. 1, S. 143.
19. «Die Wahrheit», 1970, 19./20. Dezember.
20. *Kranz E.* Filmkunst in der Agonie, S. 184.
21. См. «Die Wahrheit», 1971, 16./17. Januar.
22. См. *Kranz E.* Filmpolitik im Zeichen der westdeutschen Kulturkrise.—«Filmwissenschaftliche Mitteilungen», Berlin, 1966, H. 1, S. 107.
23. «Die Wahrheit», 1971, 11. Februar.
24. *Ziermann K.* Romane vom Fließband. Berlin, 1969, S. 205.
25. «Die Wahrheit», 1970, 17./18. Oktober.
26. «Die Wahrheit», 1970, 5./6. September.
27. См. «Die Wahrheit», 1971, 1./2. Mai.
28. *Хаак Г., Кесслер Х.* Политика против культуры. М., 1968, с. 229.
29. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B. 5. Berlin, 1966, S. 325.
30. См. *Ortega y Gasset J.* Gesammelte Werke, B. 2. Stuttgart, 1955, S. 231.
31. См. *Ziermann K.* *Op. cit.*, S. 68—69.
32. *Хаак Г., Кесслер Х.* Политика против культуры, с. 310.
33. *Herrn G.* Die Romanfabriken. «Die Zeit». Hamburg, 1966, 23. September.
34. *Ibidem.*
35. Цит. по: *Ziermann K.* *Op. cit.*, S. 36.
36. *Hänel W.* Maler-Mäzene-Монополе. Berlin, 1967, S. 39.
37. См. *Хаак Г., Кесслер Х.* Политика против культуры, с. 309.
38. См. *Wagner F.* Literatur auf Kriegskurs. Berlin, 1961, S. 38.
39. См. *Ibid.*, S. 37.
40. *Konsalik H. G.* Der Arzt von Stalingrad. München, 1956; *Konsalik H. G.* Strafbataillon 999. München, 1959.
41. См. *Фрадкин И. М.* Реставраторы орла и свастики, с. 37.
42. *Dwinger E. E.* Die verlorenen Söhne. Eine Odyssee unserer Zeit. München-Salzburg, 1956, S. 23.

43. *Dwinger E. E.* General Wlassow. Tragödie eines Rebellen. München-Salzburg, (s. a.), S. 112.
44. *Ibid.*, S. 216.
45. *Ibid.*, S. 274.
46. См. *Dwinger E. E.* Die verlorenen Söhne, S. 41, 131, 234.
47. *Ibid.*, S. 60, 80.
48. *Ibid.*, S. 29—30.
49. *Ibid.*, S. 128.
50. *Ibid.*, S. 90, 128.
51. См. *Ibid.*, S. 386.
52. См. *Ibid.*, S. 381.
53. См. *Dwinger E. E.* Es geschah im Jahre 1965. München-Salzburg, 1956, S. 87.
54. См. *Ziermann K.* Op. cit., S. 169.
55. *Wagner F.* Op. cit., S. 5.
56. *Ibid.*, S. 8.
57. *Хаак Г., Кесслер Х.* Указ. соч., с. 269.
58. *Wagner F.* Op. cit., S. 24.
59. *Dwinger E. E.* Die verlorenen Söhne, S. 302—303.
60. *Konsalik H. G.* Sie fielen vom Himmel, Roman einer Generation. Darmstadt, 1958, S. 43—44.
61. *Ibid.*, S. 267—268.
62. Цит. по: *Wagner F.* Op. cit., S. 78.
63. *Konsalik H. G.* Neuerscheinungen. Bayreuth, 1967, S. 3.
64. Цит. по: *Wagner F.* Op. cit., S. 82.
65. *Фрадкин И. М.* Указ. соч., с. 55. Подробнее об этой литературе см. с. 52—80.
66. См. *Wagner F.* Op. cit., S. 56, 57.
67. См. *Ziermann K.* Op. cit., S. 212.
68. «Die Wahrheit», 1971, 30. Juni.
69. *Хаак Г., Кесслер Х.* Указ. соч., с. 263.
70. *Hochmuth A.* Literatur und Dekadenz. Kritik der Literarischen Entwicklung in Westdeutschland. Berlin, 1963, S. 8.
71. Цит. по: *Ziermann K.* Op. cit., S. 219.
72. «Литературная газета», 1975, 26 февраля.
73. *Kranz G.* Filmpolitik im Zeichen der westdeutschen Kulturkrise, S. 104.
74. Цит. по: *Ibid.*, S. 102.
75. «Литературная газета», 1975, 29 января.
76. *Munro Th.* Art and Violence. The materials of the VI International Congress of aesthetics. 1968, p. 4, 5, 7.
77. Цит. по: *Хаак Г., Кесслер Х.* Указ. соч., с. 280.
78. *Hochmuth A.* Op. cit., S. 155.
79. *Wagner F.* Op. cit., S. 89.
80. *Segal E.* Love story. Paris, 1970; *Simmel I. M.* Gott schützt die Liebenden. München, 1971; Die Antwort kennt nur der Wind. München-Zürich, 1973; *Fernau J.* Ein Frühling in Florenz. Berlin-München, 1973.
81. *Ziermann K.* Op. cit., S. 181.
82. *Dwinger E. E.* Die verlorenen Söhne. S. 432.
83. *Ibid.*, S. 187, 143.
84. См. «DNZ», 17. April, 1970; «Nation-Europa», 1969, Nr. 9, S. 63; *ibid.* (1970), Nr. 1, S. 7, 36; Nr. 3, S. 9, 12, 15; Nr. 5, S. 8, 9, 11; Nr. 11, S. 31—35.
85. См. *Müller L.* Op. cit., S. 46.

86. «Nation-Europa», 1969, Nr. 9, S. 65.
87. См. *Dwinger E. E.* Die verlorenen Söhne. Eine Odyssee unserer Zeit. München-Salzburg, 1956, S. 4—5.
88. См. *Kaiser H.* Mythos, Rausch und Reaktion. Berlin, 1962; *Wagner F.* Literatur auf Kriegskurs. Berlin, 1961, S. 10, 13, 97, 104; *Jentsch W. M.* Ernst Jünger als Ideologe des autoritären Staates und der Restauration. In: «Gewerkschaftliche Monatshefte». Köln, 1965, S. 224—233; *Stern J. P.* Ernst Jünger. A writer of our time. Cambridge, 1956.
89. *Lenz S.* «Die Zwille». «Gutermaken nach Vätersitte». «Spiegel», 1973, Nr. 17, 23. April, S. 164.
90. *Gunter J.* Ernst Jünger: Die Zwille. «Neue Deutsche Hefte», Berlin, 1973, H. 2, S. 131—134; *Helwig W.* Ein Buch der Selbstversöhnung. Zu Ernst Jüngers Erzählung «Die Zwille». «Merkur», Stuttgart, 1973, H. 6, S. 373—375.
91. *Kühnl R.* Die NPD. Struktur, Program und Ideologie einer neofaschistischen Partei. Berlin, 1967.
92. *Tauber K.* Beyond Eagle and Swastika. Middletown, Connecticut, 1967.
93. Цит. по: *Лифшиц М.* Люцифер духа.—«Литературная газета», 1969, 23 апреля.
94. *Jünger E.* Das abenteuerliche Herz. Werke. B. 1, Stuttgart, (s. a.), S. 128.
95. *Jünger E.* Maxime. Werke. B. 8, Stuttgart, (s. a.), S. 657.
96. *Jünger E.* Das abenteuerliche Herz. Op. cit., S. 128.
97. *Jünger E.* Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Werke. B. 6, Stuttgart, (s. a.), S. 42.
98. *Jünger E.* Das abenteuerliche Herz. Op. cit., S. 64.
99. Ibid., S. 57.
100. Ibid., S. 79—80.
101. Ibid., S. 79.
102. Ibid., S. 143.
103. *Jünger E.* Der Arbeiter. Op. cit., S. 78.
104. Ibid., S. 80.
105. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis. Werke. B. 5, Stuttgart, (s. a.), S. 38.
106. *Одоев С. Ф.* Ницшеанство и немецкая буржуазная философия. Докторская диссертация. М., 1970, с. 363.
107. *Jünger E.* Der Waldgang. Frankfurt a. M., 1951, S. 54.
108. *Jünger E.* Die totale Mobilmachung. Werke. B. 5, Stuttgart, (s. a.), S. 122.
109. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis. Op. cit., S. 16.
110. Ibid., S. 17.
111. *Jünger E.* Das Wäldchen 125. Werke. B. 1, Stuttgart, (s. a.), S. 317.
112. См. *Lukász G.* Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1954, S. 422.
113. *Jentsch W. M.* Ernst Jünger als Ideologe des autoritären Staates und der Restauration. In: «Gewerkschaftliche Monatshefte». Köln, 1965, S. 226.
114. *Jünger E.* Der Waldgang. Op. cit., S. 54.
115. Цит. по: *Stern J. P.* Ernst Jünger. A writer of our time. Cambridge, 1957, p. 11.
116. *Jünger E.* Feuer und Blut. Werke. B. 1, Stuttgart, (s. a.).
117. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis. Op. cit., S. 14, 15, 43.
118. Ibid., S. 44.
119. Ibid., S. 79.
120. Ibid., S. 85.

121. Ibid., S. 78.
122. Stern J. P. Op. cit., p. 26.
123. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Op. cit., S. 25.
124. Jünger E. Die totale Mobilmachung. Op. cit., S. 147.
125. Jünger E. Feuer und Blut. Op. cit., S. 467.
126. Jünger E. Der Arbeiter. Op. cit., S. 119.
127. Jünger E. Heliopolis. Tübingen, 1955, S. 235, 236.
128. Jünger E. Der Waldgang. Op. cit., S. 117.
129. Ibid., S. 31.
130. Ibid., S. 50, 126.
131. Ibid., S. 124.
132. Ibid., S. 130, 84.
133. Jünger E. Der Arbeiter. Op. cit., S. 50.
134. Ibid., S. 31, 140.
135. Ibid., S. 42, 45, 50.
136. Ibid., S. 302.
137. Ibid., S. 298.
138. Ibid., S. 81.
139. Ibid., S. 222.
140. Ibid., S. 28.
141. Ibid., S. 320, 321.
142. Jünger E. Der Waldgang. Op. cit., S. 134, 117.
143. Jünger E. Heliopolis. Op. cit., S. 80.
144. Ibid., S. 82.
145. Ibid., S. 512.
146. Ibid., S. 346.
147. Ibid., S. 177.
148. Jünger E. Der Gordische Knoten. Frankfurt a. M., 1953, S. 141.
149. Ibid., S. 70.
150. Ibid., S. 5.
151. Ibid., S. 86.
152. Ibid., S. 142.
153. Ibid., S. 51.
154. Ibidem.
155. Ibid., S. 63.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

1. Ремарк Э. М. Тени в раю.—«Иностранная литература», 1971, № 10, с. 57.
2. См. Шмюкле К. Журнал борьбы с фашизмом в литературе.—«Интернациональная литература», 1934, № 6, с. 103.
3. См. подробнее: Бошкович Б. О нелегальной печати Германии. Факты и документы.—«Интернациональная литература», 1935, № 12, с. 126—128.
4. Там же, с. 128.
5. Искусство, которое не покорилось. Немецкие художники в борьбе против фашизма.—«Иностранная литература», 1967, № 6, с. 246—247. Обобщенные материалы и факты по этому вопросу даны в книге:— Искусство, которое не покорилось. 1933/1945. Немецкие художники в период фашизма. М., 1972.
6. См. Харитонов М. Трудная судьба «Железного Густава».—«Иностранная литература», 1970, № 12, с. 262.

7. См. подробнее: *Копелев Л. З.* Немецкая литература.— К. Л. Э., т. 5. М., 1968, с. 215—218.
8. *Сергеев М.* Проблемы «рабочей литературы». — «Иностранная литература», 1973, № 4, с. 218.
9. Arbeitstagung der DKP zu Fragen der Literatur. München 30./31. 3. 1974. Referate, Diskussionsbeiträge, Materialien. (Auszüge). Damnitz Verlag München, 1974, Darin, S. 24.
10. *Грюн М. фон дер.* Ответственность за дело мира.— «Правда», 1972, 20 марта.
11. См. *Млечина И.* От крушения к исцелению.— «Иностранная литература», 1974, № 4, с. 230.
12. *Книпович Е.* Новый роман Мартина Вальзера.— «Иностранная литература», 1973, № 1, с. 266.
13. *Карельский А.* Зигфрид Ленц. Пример.— «Современная художественная литература за рубежом», 1974, № 4, с. 62.
14. *Ploetz D.* Literarische Trends.— «Kürbiskern», 1972, Nr. 1, S. 96.
15. См. *Арнольд Х. Л.* Беседы с писателями.— Реферативные материалы. Специализированная информация. ИНИОН Академии наук СССР. М., 1977, с. 6.
16. Там же, с. 3, 4.
17. Цит. по: *Стеженский В.* Бернт Энгельман. Большой федеральный крест за заслуги. Документальный роман.— «Современная художественная литература за рубежом», 1975, № 4, с. 97.
18. См. *Арнольд Х. Л.* Указ. соч., с. 8.
19. *Wallraff G.* Der Aufmacher. Der Mann der bei «Bild» Hans Esser war. 1977.
20. *Арнольд Х. Л.* Указ. соч., с. 8.
21. Arbeitstagung der DKP zu Fragen der Literatur. München 30./31. 3. 1974. Referate, Diskussionsbeiträge, Materialien. (Auszüge). Damnitz Verlag München, 1974, Darin, S. 11.
22. Ibid., S. 23, 24, 35.
23. Цит. по: *Арнольд Х. Л.* Указ. соч., с. 6.
24. *Бехер И. Р.* Трижды содрогнувшаяся земля.— «Иностранная литература», 1969, № 10, с. 17—18.
25. *Кулаков Ф. Д.* Свет Великого Октября озаряет путь к коммунизму.— «Правда», 1976, 6 ноября.
26. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6, с. 171.
27. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6, с. 286.
28. Во имя мира и социального прогресса.— «Коммунист», 1976, № 10, с. 32.
29. Материалы XXV съезда КПСС, с. 30.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА	22
1. Идеино-философские истоки фашистской политической идеологии	—
2. Социальное содержание политической идеологии фашизма	35
Глава II. ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»	50
1. Проблема ценностей в нацистской эстетике и «миф крови»	—
2. Нацистская фальсификация прекрасного, трагического и комического	56
3. Демагогический характер социального содержания нацистского «искусства»	69
4. Реакционно-политические принципы оценки литературы и искусства в «третьем рейхе»	86
Глава III. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НЕОНАЦИЗМА	101
1. Экономические, политические и идеологические предпосылки возрождения неонацизма в ФРГ	—
2. Авторитаристская идея неонацизма	108
3. Национализм и неонацизм	116
4. Расистские идеи неонацизма	124
Глава IV. НЕОНАЦИСТСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ НА ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ	135
1. Основные тенденции художественной политики неонацизма в ФРГ	—
2. Социальное содержание массовой неонацистской литературы	150
Миф «Восток — Запад»	153
Эстетизация войны. Шовинистический тип солдата	159
Эстетизация жестокости	164
Верноподданный как орудие неонацистской политики	168
3. Эрнст Юнгер и его мифы	171
«Война как метафизическое явление»	177
Элитарный тоталитаризм	180
Интерпретация мифа «Восток — Запад» Э. Юнгером	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
ИСТОЧНИКИ	201

**ФИЛАТОВ
МИХАИЛ НИКАНОРОВИЧ**

**НАЦИСТСКИЕ МИФЫ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

**[Критика литературно-
политических спекуляций
нацизма и неонацизма]**

Редактор *А. Г. Клюев*
Художник *А. И. Мухамедгареев*
Худож. редактор *Г. М. Горелов*
Техн. редактор *А. У. Токмурзина*
Корректоры *Т. В. Терехова, Э. М. Тлеукулова*

ИБ № 1219

Сдано в набор 25.09.78. Подписано к печати 11.12.78.
УГ06642. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литера-
турная гарнитура. Печать высокая. Печ. л. 6,75. Усл.
п. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,83. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 1421. Цена 50 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан»
Государственного комитета Казахской ССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли, 480009,
г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Фабрика книги производственного объединения поли-
графических предприятий «Кітап» Государственного
комитета Казахской ССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата,
пр. Гагарина, 93.